

U $\frac{61}{138}$

U/ $\frac{61}{138}$

21 61
138

ЛУКІАНЪ

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Перевелъ съ греческаго
Н. Д. Чечулинъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Главн. Управл. Удѣл., Моховая, 40
1909.

15

И $\frac{61}{138}$

ЛУКІАНЪ

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Перевель съ греческаго

Н. Д. Чечулинъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Главн. Управл. Удѣл., Моховая, 40
1909.

UAKIAP

THE NO. 1000

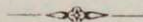

2007097491

ЛУҚІАНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ переводчика	I
Разговоры боговъ.	1
Разговоры въ царствѣ мертвыхъ	49
Харонъ или наблюдатели	108
Народное собраніе боговъ	127
Зевсъ въ трагическомъ положеніи	136

Отъ переводчика.

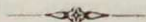
Лукіанъ Самосатскій, жившій во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., принадлежитъ къ числу самыхъ остроумныхъ и оригинальныхъ греческихъ писателей; не безъ основанія его называютъ Вольтеромъ древности. Въ небольшихъ по объему и чрезвычайно изящныхъ по формѣ и стилю произведеніяхъ Лукіанъ ярко обрисовалъ міросозерцаніе современнаго ему общества, его отношеніе къ вѣчнымъ вопросамъ религіи, философіи, морали, и нѣкоторыя его сочиненія вполнѣ сохраняютъ свой интересъ до настоящаго времени.

Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы мой переводъ сохранилъ всѣ оттѣнки оригинала и, особенно, чтобы онъ былъ хоть отчасти достоинъ его въ литературномъ отношеніи; въ тѣхъ случаяхъ, когда буквально точная передача греческаго текста неизбежно нарушала бы плавность и живость русской рѣчи, я жертвовалъ точностью,—конечно, вполнѣ сохраняя самый смыслъ; греческія клятвы, восклицанія, выражающія неожиданность или удивленіе, бранныя, укоризненныя и ласкательныя слова, обращенія собесѣдниковъ другъ къ другу и тому подобное переданы у меня вполнѣ русскими выраженіями, такъ какъ мнѣ казалось, что переводъ слишкомъ

потерялъ бы какъ литературное произведеніе, если бы въ мѣстахъ, выражающихъ страсть и сильное душевное движеніе, читатель встрѣчалъ слова, которыми по-русски никто живыхъ и сильныхъ чувствъ не выражаетъ.

Если сквозь оболочку моего перевода можно почувствовать всю прелесть оригинала, читатель проститъ мнѣ, надѣюсь, что я не могъ передать ее въ совершенствѣ.

Н. Чечулинъ.

Разговоры боговъ.

1.

Зевсъ. — Прометей.

Прометей. Освободи ты меня, Зевсъ! много ужъ я выстрадалъ!!

Зевсъ. Освободить тебя!! Да на тебя надо бы наложить цѣпи еще потяжелѣе, весь Кавказъ навалить тебѣ на голову, надо, чтобъ дюжина коршунѡвъ не только печенку твою трепала, а и глаза тебѣ выклевала—за то, что ты поднесъ намъ этихъ скотовъ людей, огонь у насъ стащилъ и женщину создалъ!.. А какъ ты меня обманулъ при дѣлежкѣ мяса—кости, обернутыя въ говядинку, мнѣ подсунулъ, а лучшую-то часть себѣ припряталъ, объ этомъ что скажешь? А?...

Пр. Да ужъ довольно я за это поплатился, столько времени я на Кавказѣ прикованъ и печенкой своей прокармливаю этого проклятаго орла...

Зев. Да это ничтожная доля того, что слѣдовало бы тебѣ испытать!

Пр. Да и не даромъ ты отпустишь меня, Зевсъ, я тебѣ открою очень важную штуку!

Зев. Надуть ты меня хочешь, Прометей!!

Пр. А какая мнѣ отъ этого выгода? Вѣдь Кавказъ никуда не уйдетъ, да и цѣпей у тебя хватитъ, если окажется, что я вру!?

Зев. Ну, говори напередъ, чѣмъ это ты важнымъ мнѣ заплатишь?

Пр. Если я теперь тебѣ скажу, куда ты идешь—будешь ты вѣрить и другому, что я скажу?

Зев. Ну, пожалуй...

Пр. Ты идешь къ Ѳетидѣ, которая готова тебѣ отдаться.

Зев. Это ты угадалъ... Ну, а дальше-то что? Я начинаю думать, что ты скажешь правду.

Пр. Не связывайся ты съ Нерендой, Зевсъ: если она отъ тебя родить, тотъ, кто родится, сдѣлаетъ то же, что ты самъ сдѣлалъ когда то!

Зев. Престола меня лишитъ?! Ты это хочешь сказать?!

Пр. Избавь отъ этого Богъ, но чего же другого ждать отъ вашей связи?!

Зев. Ну, такъ пусть себѣ остается Ѳетида по добру, по здорову!... А Гефестъ тебя за совѣтъ отвяжетъ...

2.

Зевсъ.—Эротъ.

Эротъ. Если я въ чемъ и провинился, прости меня, Зевсъ, я вѣдь еще маленький и глупенькій!

Зевсъ. Ты маленький, Эротъ?! Да ты гораздо старше Япета! Только потому, что у тебя нѣтъ бороды и сѣдыхъ волосъ, такъ потому, ты думаешь, надо считать тебя за младенца, хоть ты старый и злой хитрецъ!

Эр. Да что же такого сдѣлалъ этотъ старикъ, какъ ты меня называешь, что ты хочешь меня заковать?

Зев. А этого мало, негодный, что ты меня такъ оборачивалъ, что нѣтъ ужъ того, чѣмъ бы ты меня не дѣлалъ: и сатиромъ, и быкомъ, и золотомъ, и лебедемъ, и орломъ,—а ни одной женщины ты не заставилъ любить меня самого; изъ за тебя я спокойно не имѣлъ дѣла ни съ одной, а всегда мнѣ нужно ихъ обманывать и отъ нихъ скрываться. Любятъ онѣ быка или, тамъ, лебедя, а меня какъ только увидятъ—умираютъ отъ страху.

Эр. Это понятно: онѣ, какъ смертныя, не выносятъ твоего лика, Зевсъ.

Зев. А какъ же Аполлона любятъ Бранхъ и Гіацинтъ?

Эр. А Дафна и отъ него убѣжала, хоть у него роскошные волосы и нѣтъ еще бороды... Если ты хочешь, чтобъ тебя любили, не тряси своей эгидой, не носи съ собой молніи, а стань хорошенькимъ, нѣжнымъ, завей себѣ волосы, подбери ихъ подъ шапочку, одѣнь порфиру, подвиги позолоченныя сандалии, ходи, словно приплясываешь подъ флейты и тимпаны,—и увидишь, что за тобой побѣжитъ больше, чѣмъ менадъ у Діониса!

Зев. Ну тебя! Не хочу я, чтобъ меня и любили, если я такимъ стану!

Эр. Ну, Зевсъ, такъ и не ищи любви, это проще!

Зев. Нѣтъ! Любить я хочу, но хочу достигать и цѣли безъ особыхъ хлопотъ—только съ этимъ уговоромъ я тебя и отпускаю...

Зевсѣ. — Гермесѣ.

Зевсѣ. Гермесѣ, знаешь ты хорошенькую дочь Инаха?

Гермесѣ. Да! ты объ Іо говоришь?

Зев. Она ужъ больше не дѣвица, а корова.

Гер. Дивное дѣло!! Какъ же это случилось?

Зев. Гера изъ ревности обратила ее... Да мало того, у этой злючки и еще придумано: она поставила къ ней ужасно глазастаго пастуха, Аргуса, и онъ ни днемъ ни ночью не спитъ, все корову сторожить.

Гер. Что-жъ намъ теперь дѣлать?

Зев. А лети-ка ты въ Немею, гдѣ то тамъ пасеть Аргусъ нашу Іо—и убей его, а Іо переправь за море, въ Египетъ, и сдѣлай ее тамъ Изидой. Пусть она тамъ будетъ богиней, пусть управляетъ водами Нила, вѣтрами и пусть спасаетъ плавающихъ...

Зевсѣ. — Ганимедѣ.

Зевсѣ. Ну, Ганимедѣ, мы теперь на мѣстѣ, обними же меня—и увидишь, что у меня нѣтъ ни птичьяго клюва, ни острыхъ когтей, ни перьевъ, какъ я тебѣ представился, обернувшись въ птицу.

Ганимедѣ. Дяденька, развѣ не ты былъ давеча орломъ, что съ налету унесъ меня отъ животинъ?! Куда же перье-то дѣвалось? и какъ это ты ужъ совсѣмъ другимъ объявился?

Зев. Не человѣка ты видишь, малышъ, не орла: я царь всѣхъ боговъ, навремя перемѣнившій свой видъ.

Ган. Что ты?! Такъ ты, стало, Панъ?! А почто же у тебя нѣту ни дудки, ни роговъ, ни ногъ козлиныхъ?

Зев. Ты думаешь, что богъ только онъ одинъ?!

Ган. Вѣстимо. Мы ему и жертвы приносимъ, по цѣльному козлу, въ пещеру его отводимъ, гдѣ онъ и стоитъ... А ты, мнѣ сдается, просто ребятъ крадешь?...

Зев. Скажи мнѣ: неужели ты не слыхалъ имени Зевса и не видѣлъ на Гаргарѣ его алтаря, Зевса, который даетъ дождь, громъ, молнію?

Ган. Ты говоришь, дѣдушка, что это ты тотъ, что намъ намеренно послалъ большущій градъ, что ты живешь высоко—высоко, дѣлаешь громъ, что это тебѣ батька мой недавно принесъ въ жертву цѣлаго барана?.. Царь боговъ, нешто я провинился въ чемъ, что ты меня схватилъ!? А тамотко волки набросятся на стадо, да безъ призору то и уволокутъ всѣхъ...

Зев. Что тебѣ до стада, когда-ты станешь безсмертнымъ и съ нами здѣсь будешь жить?!

Ган. Какъ? нешто на Иду-то ты не отнесешь меня сегодня?!

Зев. Ну нѣтъ—этакъ-то я даромъ бы изъ бога въ орла обращался!

Ган. Ой, да взыщется меня батька, осерчаетъ, коли не найдетъ, да и отдеретъ, что стадо-то я бросилъ!!

Зев. Да гдѣ же онъ тебя увидить?

Ган. Нѣтъ! Хочу къ нему!... Отнеси меня—обѣщаюсь тебѣ, что въ выкупъ за меня онъ тебѣ пожертвуетъ и еще барана—у насъ есть большущій трехлѣтокъ, все стадо водить...

Зев. Какъ мальчикъ милъ и простъ, совсѣмъ дитя!—Миленькій Ганимедъ, оставь ты все это въ

покоѣ, забудь объ этомъ, и о стадѣ, и объ Идѣ. Ты уже небожитель, будешь благотворить отсюда и отцу, и отечеству, а вмѣсто сыра и молока будешь питаться амврозіей и нектаромъ, да и намъ всѣмъ станешь эго разливать и подносить. А самое главное—ты станешь уже не человѣкомъ, а бессмертнымъ, я сдѣлаю, что звѣзда твоя заблеститъ ярко и ты будешь наверху блаженства!...

Ган. А какъ мнѣ захочется поиграть, кто будетъ со мной играть? На Идѣ насъ много товарищевъ...

Зев. Съ тобой будетъ здѣсь играть Эроть, будутъ у тебя и бабки, сколько хочешь—только будь веселъ, здоровъ, и не печалься о томъ, что на землѣ.

Ган. Да на что я вамъ нуженъ-то? Или и здѣсь надо пастуха?

Зев. Нѣтъ! ты будешь разливать вино, подносить нектаръ, услуживать на пирахъ.

Ган. Ну это не трудно! Я знаю, какъ разливать молоко и подавать чашки.

Зев. Смотри! Опять онъ вспоминаетъ о молокѣ и воображаетъ, что будетъ служить людямъ! Вѣдь здѣсь небо и пьемъ мы, какъ я сказалъ тебѣ, нектаръ!...

Ган. А онъ слаще молока, Зевсъ?

Зев. А вотъ скоро увидишь и, попробовавши, никогда уже не захочешь молока...

Ган. А гдѣ я буду спать ночью? Вѣрно съ мальчикомъ Эротомъ?

Зев. Ну нѣтъ: я тебя для того унесъ, чтобъ намъ спать вмѣстѣ.

Ган. А одинъ развѣ ты не можешь заснуть, или лучше тебѣ спать со мной?

Зев. Конечно лучше съ такимъ, какъ ты, Ганимедъ, съ такимъ красивымъ...

Ган. Да на что-же тебѣ красота моя во снѣ-то?

Зев. Ты ужасно милъ, и сонъ мой станетъ слаще...

Ган. А вотъ батюшка сердился на меня, когда мы спали вмѣстѣ, и поутру журилъ меня, что я мѣшалъ ему спать, все вертѣлся, бился, говорилъ громко во снѣ, такъ что чаще онъ отсылалъ меня спать къ мамкѣ... И лучше тебѣ, если ты на то меня унесъ, чтобы спать со мной, скорѣе отнести меня на землю, а то возня тебѣ будетъ не спать, я тебѣ наскучу, какъ буду постоянно вертѣться...

Зев. Этимъ сдѣлаешь ты мнѣ еще больше удовольствія, если я буду меньше спать съ тобой—чаще я буду тебя обнимать и цѣловать.

Ган. Ну, увидишь—я сейчасъ засну, какъ только ты меня станешь цѣловать.

Зев. Тогда увидимъ и мы, что дѣлать... А теперь, Гермесъ, возьми его и, напоивъ его безсмертіемъ, приводи разливать вино, только сначала немного подбучи подавать кубокъ...

5.

Зевсѣ. — Гера.

Гера. Какъ принесъ ты сюда, Зевсѣ, этого фригійскаго мальчишку съ Иды на меня почти ужъ и не смотришь...

Зевсѣ. И къ нему ты меня уже ревнуешь, Гера, и на него злишься, хотъ онъ совсѣмъ ни при чемъ; а я то думалъ, что ты злишься только на женщинъ, съ которыми я имѣю дѣло.

Гер. И то ужъ не хорошо и неприлично было, что ты, царь боговъ, бросаешь меня, законную жену, и идешь безобразничать на землѣ, оборачиваясь то въ золото, то въ сатира, то въ быка. Да хоть тѣ всѣ остаются на землѣ. А этого мальчишку ты притащилъ сюда съ Иды,—ишь, превосходнѣйшій орелъ какой!—и живетъ онъ у насъ, чуть не на головѣ у меня, виночерпій, вишь, онъ! Виночерпѣвъ у тебя было мало!!! Геба, что ли, или Гефестъ отказались у тебя служить?! У него же ты чашу берешь не иначе, какъ расцѣловавъ его—на глазахъ у всѣхъ!—и поцѣлуи эти тебѣ слаще нектара! И часто ты, хоть тебѣ вовсе не хочется, спрашиваешь нектара, иногда только пригубишь, и отдаешь ему снова—а когда онъ пилъ, ты берешь чашу и тоже, что осталось, пьешь и именно оттуда, откуда мальчишка этотъ пилъ, и приближаешь губы такъ, чтобы вмѣстѣ пить и цѣловать... А недавно! царь и отецъ всѣхъ, отложивъ въ сторону эгиду и молнію, съ такою то бородой, въ бабки съ нимъ играть! Я все это вижу, ты и не думай, будто это незамѣтно!

Зев. Что же удивительнаго, Гера, такого хорошенькаго мальчика цѣловать, пока пьешь, и наслаждаться тѣмъ и другимъ, поцѣлуями и нектаромъ!? Если бы я позволилъ ему, чтобы онъ разъ тебя поцѣловалъ, ты не стала бы бранить меня, что я нахожу поцѣлуи его слаще нектара...

Гера. Ну, чисто рѣчи влюбленнаго—въ этого мальчишку! Я не съ ума сошла, чтобы цѣловаться съ этимъ изнѣженнымъ слюняемъ, похожимъ на бабу...

Зев. Ну, ты, матушка, не очень приставай ко мнѣ съ этимъ мальчишкой! Этотъ изнѣженный,

чужой слюняй мнѣ милѣе и дороже... не хочу ужъ и говорить кого, чтобы тебя еще больше не разбѣситъ!

Гера. Такъ и женился бы на немъ вмѣсто меня!.. Попомнишь ты у меня, какъ меня обидѣлъ изъ-за этого виночерпій!..

Зев. Да, вотъ нужно, небось, чтобы Гефестъ, твой хромой сынъ, разливалъ намъ вино: только что вернется отъ своего горна, весь въ желѣзныхъ опилкахъ, только что оставитъ свои щипцы,—изъ его лапъ нужно намъ брать чаши, иногда притягивать къ себѣ и цѣловать его, которого и ты сама, мать, неособенно то охотно цѣлуешь, съ его запачканнымъ сажею рыломъ?! Такъ лучше, неправда-ли?! Конечно, такой виночерпій куда приличнѣе для пира у боговъ!! Ганимеда надо немедленно отослать на Иду: онъ слишкомъ чистъ, руки у него слишкомъ бѣлы, онъ слишкомъ ловко разливаетъ и, что тебя особенно злитъ, цѣлуешь онъ такъ, что слаще нектара!..

Гера. Вотъ теперь и Гефестъ хромъ, и пальцы у него не достойны твоей чаши, и лицо у него въ сажѣ, и смотрѣть на него тебѣ противно—съ тѣхъ поръ какъ ты своего завитого прислужника принесъ къ намъ съ Иды. Раньше ты этого не видалъ, и опилки и кузница не мѣшали тебѣ пить изъ рукъ Гефеста.

Зев. Себя только, матушка, разстраиваешь, а у меня своей ревностью лишь разжигаешь эту любовь. Если тебѣ не доставляетъ удовольствія принимать чашу изъ рукъ этого хорошенькаго мальчика, такъ пусть тебѣ и наливаетъ твой сынъ... Ганимедъ! ты мнѣ одному подавай чашу и съ каждой чашей по два раза цѣлуй меня—тогда

когда будешь подавать мнѣ полную, и тогда опять, когда будешь у меня брать... Да что это? Ты плачешь?!.. Не бойся! самъ будетъ у меня плакать всякъ, кто попробуетъ тебя обидѣть!

6.

Зевсъ. — Гера.

Гера. Какъ думаешь ты, Зевсъ, вообще объ Иксіонѣ?

Зевсъ. Я нахожу, что онъ человѣкъ порядочный пріятный собесѣдникъ. Да вѣдь, если бы онъ того не стоилъ, такъ не бывалъ бы у насъ.

Гера. Но... онъ не стоитъ... онъ нахалъ... онъ не долженъ бывать...

Зев. Онъ чѣмъ нибудь тебя оскорбилъ?.. Я думаю, я долженъ знать...

Гера. Да, видишь... мнѣ просто неловко сказать... вотъ на что онъ рѣшился.

Зев. Такъ теперь тѣмъ больше говори, что это онъ такое выкинулъ? Что онъ какую нибудь богиню... того... Воображаю, что это такое, о чемъ ты даже говорить затрудняешься...

Гера. За мной самой, Зевсъ, онъ приударилъ, не за кѣмъ другимъ, и уже давно! Сначала я не понимала, что это онъ не сводитъ съ меня глазъ, иногда вдыхаетъ, и даже слезы у него на глазахъ... Бывало, когда я, выпивъ чего нибудь, отдавала кубокъ Ганимеду, онъ просилъ, чтобъ ему дали пить изъ этого же самаго кубка и, взявши его, какъ бы цѣловалъ, подносилъ къ глазамъ, и опять глядѣлъ на меня—такъ всегда выражается влюбленность. Я ужъ давно хотѣла и сказать тебѣ, да

все думала, что пройдетъ у него эта блажь. Но когда онъ рѣшился заговорить, бросившись на колѣни, я оттолкнула его, заткнула уши, чтобы не слышать такихъ дерзостныхъ рѣчей и вотъ пришла къ тебѣ чтобы ты все узналъ, и рѣшилъ, что съ нимъ дѣлать!..

Зев. Каково! Негодяй!!.. Меня самого!!.. Геру!!.. Вотъ до чего нектару допился!.. Да мы сами виноваты, слишкомъ ужъ къ людямъ снисходительны, вонъ въ гости къ себѣ принимаемъ! Вотъ они, зазнавшись, что пьютъ то же, что мы, и видятъ красу небесную, какой на землѣ то никогда не видывали, вздумали обманывать насъ, амурами заниматься.. Амуръ силенъ, и не людьми только, но подчасъ и нами распоряжается..

Гера. Тобой то ужъ особенно, прямо за носъ тебя, какъ говорится, водить и ты бѣжишь за нимъ всюду, куда онъ тебя, тащить и обращаетъ онъ тебя свободно во что захочетъ, игрушка ты просто въ рукахъ Эрота и малый ребенокъ!.. Вижу я, что ты и Иксиону подыскиваешь извиненіе, потому, что самъ, то—помнишь?—съ женой его слубился, еще она тебѣ Пейриеею родила...

Зев. Все еще ты поминаешь, чѣмъ я забавлялся, сходя на землю!.. А знаешь, что я придумалъ? Не наказывать Иксиона никакъ и не разрывать знакомства—неловко это... Ну, онъ влюбленъ, и, какъ сама ты говоришь, плачетъ, сильно убивается...

Гера. Да что ты, Зевсъ!!.. Боюсь я, что ты неприличное скажешь...

Зев. Да нисколько... а сдѣлаемъ мы изъ облака куклу, совѣмъ похожую на тебя, и какъ разойдемся отъ ужина и онъ, какъ всѣ влюбленные, не

будеть спать—принесемъ, да и подложимъ ему— вотъ онъ и перестанетъ вздыхать, подумавъ, что достигъ желаемого... хо, хо, хо!...

Гера. Да ну тебя! Чтобъ тебѣ пусто было, вишь чего захотѣлъ!..

Зев. Да ну, Гера, погоди! Что тебя то убудеть, если Иксіонъ съ облакомъ станетъ возиться?

Гера. Да вѣдь облако то будетъ на меня похоже, на меня и стыдъ падетъ изъ-за сходства!

Зев. Пустое говоришь! Ни облако тобой не станетъ, ни ты облакомъ, только Иксіона мы обманемъ...

Гера. Но люди всѣ очень хвастливы—и онъ, какъ только сойдетъ внизъ, сейчасъ разславить и всѣмъ расскажетъ, онъ, дескать, любовникъ Геры, совмѣстникъ Зевса, и всѣ заговаряютъ тотчасъ же, что и я влюблена въ него, а иные и повѣрятъ, не зная, что онъ былъ съ облакомъ.

Зев. Да если онъ что нибудь такое скажетъ, такъ я его швырну въ Аидъ, привяжу къ колесу, и онъ будетъ вѣчно и непрерывно съ нимъ вертѣться, наказанный не за амуръ—это вина не великая—а за хвастовство!

7.

Аполлонъ — Гефестъ.

Гефестъ. Видѣлъ ты, Аполлонъ, новорожденного Майина сына? Какой онъ хорошенькій, всѣмъ улыбается, и видно, что выйдетъ изъ него нѣчто превосходное!

Аполлонъ. Какъ назвать, Гефестъ, младенцемъ

и ждать добра отъ того, который, что касается плутней, словно Аридовы вѣки прожилъ?

Геф. Но что же могъ худого сдѣлать новорожденный?

Ап. А вотъ спроси Посейдона—у него онъ украсть трезубецъ, или Арея—у него онъ незамѣтно вытащилъ изъ ноженъ мечъ, не говорю ужъ о себѣ—у меня онъ утащилъ стрѣлы и лукъ!

Геф. Это новорожденный то, который еще едва стоитъ, еще въ пеленкахъ?

Ап. А вотъ увидишь, Гефестъ, какъ только онъ къ тебѣ подойдетъ.

Геф. Да онъ ужъ подходилъ.

Ап. Ну и что же? Всѣ у тебя инструменты, ничего не пропало?

Геф. Всѣ, Аполлонъ.

Ап. А посмотри-ка хорошенько...

Геф. Господи! Клещей не нахожу!

Ап. Ну, такъ вотъ поищи ихъ въ пеленкахъ у новорожденного.

Геф. Зацѣпистая-же у него ручка... Что онъ, во чревѣ матери, что-ли, ужъ упражнялся въ воровствѣ?!..

Ап. Ты еще не слышалъ, какъ проворно онъ болтаетъ и острить! Онъ хочетъ и прислуживать намъ... А вчера вызвалъ Эрота бороться, тотчасъ же повалилъ его, ужасно ловко давъ ему подножку. И тутъ же, подъ шумокъ похвалъ, стянулъ у Афродиты поясъ, когда она хотѣла поцѣловать его за побѣду, а у Зевса, который началъ хохотать надъ этимъ—утащилъ скипетръ! Не будь молнія такъ тяжела и такъ горяча, онъ бы и ее украсть...

Геф. Ловкій, выходить, паренекъ-то!

Ап. Мало того, онъ еще и музыкантъ!

Геф. Это ты откуда знаешь?

Ап. А нашелъ онъ гдѣ-то мертвую черепаху—и сдѣлалъ себѣ изъ нея инструментъ! Станулъ ея концы какъ у лиры, укрѣпить колки, поставилъ кобылку, натянулъ семь струнъ и наигрывалъ, Гефестъ, очень стройно и красиво, такъ что мнѣ просто завидно стало, а я ужъ давно играю. А Майя говорить, что ночью онъ еще и на небѣ не остается, а по проворству своему въ Аидъ бѣгаетъ, — вѣроятно, и тамъ хочетъ что-нибудь стащить! У него, вѣдь, крылья и какой-то удивительный жезлъ, которымъ онъ повелѣваетъ надъ душами и возить мертвыхъ.

Геф. Это я ему далъ, какъ игрушку.

Ап. Ну, вотъ онъ за это и станулъ у тебя клещи.

Геф. Спасибо, что напомнилъ! Пойду и отниму ихъ у него, можетъ и впрямь, какъ ты говоришь, въ пеленкахъ отыщутся...

8.

Зевсъ — Гефестъ.

Гефестъ. Что же, Зевсъ, дѣлать-то? Я принесъ, какъ ты велѣлъ, топоръ, такой острый, что камень можно перерубить съ одного удара.

Зевсъ. Вотъ и прекрасно, Гефестъ; ну, раскрой ты мнѣ голову!..

Геф. Ты хочешь просто узнать, не спятилъ ли я съ ума... Вели мнѣ то, что тебѣ надо.

Зев. Сдѣлай именно это, разруби мнѣ голову!.. Станешь спорить—не въ первой испытася мой

гнѣвъ... Соберись съ духомъ—и разомъ! Я не могу больше терпѣть этихъ страданій—голова у меня, прямо, лопается...

Геф. Смотри, Зевсъ, не надѣлать бы намъ бѣды! Топоръ у меня больно остеръ, не умереть бы тебѣ отъ потери крови!..

Зев. Руби только, Гефестъ, скорѣе, я знаю, что дѣлаю!..

Геф. Очень неохотно повинуюсь... что съ тобой дѣлать, если ты такъ велишь..... Что это?!.. Дѣвица!.. и вооруженная!.. Вотъ, Зевсъ, отчего у тебя ужасно болѣла голова! Понятно, что бывалъ ты и гнѣвливъ, когда въ черепѣ у тебя зарождалась такая дѣвица, да еще и съ оружіемъ!.. Какъ это мы и не знали, что у тебя казарма, а не голова... А она то, какъ расхаживаетъ, маршируетъ, щитомъ дѣйствуетъ, копьемъ потрясаетъ—и съ какимъ азартомъ!.. Да и хороша она, и ужъ въ настоящемъ возрастѣ! Немного глаза у нея на выкатѣ, но это идетъ къ ея племю... Вотъ что, Зевсъ: за мой трудъ—отдай ее за меня!..

Зев. Невозможнаго ты просишь, Гефестъ, она хочетъ оставаться въ дѣвицахъ; впрочемъ, я со своей стороны ничего не имѣю противъ.

Геф. Только мнѣ и надо; остальное мое дѣло—ужъ она будетъ моею...

Зев. Если не боишься, дѣлай, какъ хочешь; но я знаю, что ты желаешь невозможнаго...

Посейдонъ—Гермесь.

Посейдонъ. Нельзя-ли мнѣ, Гермесь, видѣть Зевса?

Гермесь. Невозможно, Посейдонъ...

Пос. Доложи, всетаки, ему.

Гер. Не настаивай, пожалуйста: сейчасъ не время... Нельзя его видѣть...

Пос. Значитъ, онъ съ Герой?

Гер. Совсѣмъ напротивъ...

Пос. Понимаю—у него Ганимедъ.

Гер. Тоже нѣтъ. Онъ.. нездоровъ...

Пос. Что же съ нимъ, Гермесь? Надѣюсь, ничего опаснаго...

Гер. Мнѣ совѣстно сказать... Тутъ нѣчто особенное...

Пос. Неужели же нельзя сказать мнѣ, его брату?!

Гер. Онъ только что родилъ, Посейдонъ.

Пос. Что такое?!.. Онъ родилъ?!.. Отъ кого? Что онъ „обоего пола особа“—это новость! Да и брюха то у него совсѣмъ не было замѣтно...

Гер. Да это и понятно: не тамъ былъ у него ребенокъ.

Пос. А, понимаю! Опять онъ родилъ изъ голы, какъ Аѳину!.. Плодливая же у него голова!..

Гер. Да нѣтъ—онъ въ бедра выносилъ Семелина недоноска!..

Пос. Ну, и молодецъ же! Вездѣ ребятъ носить и изъ всѣхъ мѣстъ родить!.. А Семела кто такая?

Гер. А Фивянка, дочь Кадма; онъ къ ней ходилъ, и вотъ сдѣлалъ ребенка.

Пос. А родилъ его за нее самъ, Гермесь?

Гер. Дѣйствительно такъ, хоть ты и сомнѣваешься. Къ Семелѣ подобралась Гера и подбила ее—ты вѣдь знаешь, какъ она ревнива—просить Зевса, чтобы онъ показался ей съ громомъ и съ молніей. А какъ Зевсъ согласился и пришелъ съ молніей, домъ то и загорѣлся; Семела въ пламени погибла, а онъ велѣлъ мнѣ сдѣлать „кесарево сѣченіе“ и вынуть еще недоношенного семимѣсячнаго младенца; я это устроилъ, а онъ разрѣзалъ себѣ бедро, зашилъ туда младенца и доносилъ его,—и вотъ, на третьемъ мѣсяцѣ, родилъ его и теперь самъ нездоровъ.

Пос. А новорожденный гдѣ?

Гер. Я отнесъ его въ Ниссу и отдалъ нимфамъ, назвавъ его Діонисомъ.

Пос. Такъ что Діонису этому братецъ мой—и отецъ, и мать вмѣстѣ?!

Гер. Пожалуй, что такъ. Однако, я пойду къ нему воды подать, да и все нужное сдѣлать.

10.

Гермесь.—Геліосъ.

Гермесь. Солнышко, вотъ что велѣлъ тебѣ передать Зевсъ: не выѣзжай ты ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра, а оставайся-ка дома и пусть все время будетъ одна долгая ночь; Часы пусть выпрягутъ коней, ты загаси свой огонь и самъ это время отдохни.

Геліосъ. Вотъ тебѣ разъ! Что за чепуха!... Ужъ не ошибся ли я немного въ дорогѣ или во времени, такъ что онъ на меня разсердился и придумалъ устроить, вмѣсто дня, тройную ночь?

Гер. Ничего подобного не было, да, дасть Богъ, и не будетъ никогда. Самому нужно, чтобы теперь ночь была подлиннѣе.

Гел. Да гдѣ же онъ и откуда ты поспанъ съ такими вѣстями?

Гер. Изъ Беотіи, Солнышко, изъ дому Амфітріона: онъ съ его женой...

Гел. Такъ что же? Простой то ночи недовольно?!

Гер. Недовольно. Нужно ему теперь родить особеннаго, великаго и мощнаго бога,—ну, а такое дѣло сдѣлать въ одну ночь невозможно...

Гел. Пусть ихъ тамъ работаютъ въ часъ добрый... Только, Гермесъ, не бывало ничего такого при Кроносѣ (вѣдь мы съ тобой одни): никогда Кроносъ не гулялъ на сторонѣ отъ Реи, не бросалъ неба, чтобы кутить въ Оивахъ. День—такъ день и былъ, ночь—такъ ночь, длинной какъ слѣдовало по времени года, ничего чуднаго и несуразнаго не заводилось, со смертными женщинами онъ не связывался. А теперь—изъ за какой то лядащей бабенки изволь все поварачивать вверхъ дномъ: кони останутся попусту не проѣзженными, дорога станетъ труднѣе, какъ безъ прокату—то пробудеть три дня, люди понапрасну проживутъ во тьмѣ кромѣшной... Вотъ что они потеряютъ изъ-за Зевсовыхъ амуровъ, да будутъ ожидать, сидя въ этакой тьмѣ, пока сдѣлается онъ тамъ того богатыря, о какомъ ты говоришь!..

Гер. Помалкивай-ка, Солнышко, чтобъ чего худого не вышло изъ этакихъ рѣчей! А я пойду къ Лунѣ и Сну, сказать имъ отъ Зевса—Лунѣ, чтобъ шла съ прохладцемъ, а Сну—чтобъ онъ не отпускалъ людей, чтобъ они и не замѣтили, что ночь что то длинновата...

11.

Афродита.—Луна.

Афродита. Что это про тебя рассказываютъ, милая Луна? Говорятъ, будто ты, когда бываешь въ Каріи, останавливаешь свою колесницу, чтобы полюбоваться на одного охотника, Эндиміона, когда онъ спитъ подъ открытымъ небомъ, а иногда, среди дороги, даже и спускаешься къ нему?

Луна. Спроси, Афродита, своего сына... онъ тутъ виноватъ...

Афр. Ахъ ужъ не говори! Онъ становится просто невыносимъ! Чего онъ только со мной не продѣлывалъ, со своей матерью:—то на Иду водилъ изъ-за иліонца Анхиза, то вонъ на Ливанъ, изъ-за молоденькаго-то ассирійца,—а потомъ влюбилъ въ него Персефону и на половину отнять у меня милаго! Сколько ужъ разъ я ему грозила, если не исправится, сломать его лукъ и колчанъ, крылья у него выдрать! Нашлепаешь его сандаліей—на минуту уймется онъ съ испугу, прощенья просить,—а потомъ вскорѣ же опять за старое!... А скажи ты мнѣ—онъ красивъ, твой Эндиміонъ? Вѣдь это самое лучшее утѣшеніе...

Л. Ахъ, Афродита! Мнѣ онъ кажется ужасно хорошъ! А особенно, когда спитъ среди скалъ, на простомъ плащѣ... Лѣвой рукой онъ придерживаетъ свои стрѣлы, а правая у него закинута за голову,—ну, просто картина! Дышетъ онъ во снѣ такъ спокойно, точно амброзіей... Тогда я спускаюсь со своей высоты, подхожу на цыпочкахъ, чтобъ его не разбудить, не испугать... Ты сама это знаешь, что мнѣ говорить тебѣ объ этомъ... Я влюблена въ него до безумія!..

Афродита.—Эротъ.

Афродита. Подумай, Эротикъ, что ты дѣлаешь! Я ужъ не говорю, что на землѣ ты Богъ-знаешь что внушаешь людямъ и противъ самихъ себя и противъ другихъ, но вѣдь и на небѣ-то!.. Зевса ты намъ выводишь въ самыхъ разныхъ видахъ, обращаешь его во что тебѣ вздумается, Луну снимаешь съ неба, Солнце заставляешь иногда бѣгать къ Клименѣ, гдѣ оно забываетъ свою дорогу. А что ты со мной продѣлываешь—это же непозволительно дерзко! Наконецъ, ты, разбойникъ, ужъ и Рею—старуху и мать столькихъ боговъ!—влюбилъ въ мальчишку и заставляешь бѣгать за какимъ-то фригійцемъ! И теперь она—изъ-за твоихъ штукъ—совсѣмъ съ ума рехнулась: запрягла своихъ львовъ, собрала корибантовъ,—они такіе же полоумные, какъ и она;—и вонъ они носятся по Идѣ, подъ гору и въ гору, она—благимъ матомъ реветъ по своему Атисѣ, а корибанты—тотъ самъ себя деретъ мечемъ, тотъ, распустивъ волосы, мечется по горамъ какъ угорѣлый, тотъ трубитъ въ рогъ, тотъ звенить тимпанами, стучить кимбалами—на Идѣ просто стонъ стоитъ и дымъ коромысломъ! И я боюсь, ужасно боюсь, какъ твоя мать—родила-же я на свѣтъ дитятко!—какъ бы Рея, рехнувшись совсѣмъ, а то, пожалуй, опомнившись, не велѣла своимъ корибантамъ схватить тебя, изрубить на кусочки да и бросить лвамъ... Просто, страшно мнѣ за тебя! Что съ тобой тогда будетъ?!...

Эротъ. Не бойся, матушка! Львы ко мнѣ привыкли, я часто сажусь къ нимъ на спину и, дер-

жась за гриву, на нихъ катаюсь. А они виляютъ хвостами, или берутъ руку въ ротъ, полижутъ—и ничего... А Реѣ—гдѣ ей теперь думать обо мнѣ, когда она только и занята своимъ Атисомъ! Да и что же я худого сдѣлалъ: показалъ красиваго?! Вы, вѣдь, не пропускаете сами красавцевъ, такъ и меня за это не вините!.. Или ты, мамушка, ужъ не хочешь больше любить, не хочешь любить Арея, и чтобы и онъ тебя не любилъ?..

Афродита. Ахъ, какой ты проказникъ, какой разбойникъ! Но не забывай моихъ словъ, все таки!

13.

Зевсъ.—Асклeпій.—Герakль.

Зевсъ. Да перестаньте, Асклeпій и Герakль, ссориться, точно мужики! Неприлично это и неумѣстно на пирѣ у боговъ!

Герakль. Что же, Зевсъ? По твоему, мнѣ сѣсть ниже этого лекаришки?!

Асклeпій. Конечно! Я выше тебя.

Гер. Чѣмъ это, глупая твоя голова?! Тѣмъ, что-ли, что Зевсъ тебя за пакости громомъ убилъ—а потомъ ты получилъ безсмертіе такъ себѣ, по снисхожденію?!

Аск. Позабылъ ты видно, Герakль, что и самъ сгорѣлъ на Этѣ, что меня коришь смертію отъ огня?

Гер. Да равно ли мы прожили-то?! Я, сынъ Зевса, Богъ знаетъ какіе труды понесъ, очищая землю, чудовищъ истребляя, наказывая разныхъ злодѣевъ, а ты—корешки какіе-то выкапывалъ, фокусы разные выдѣлывалъ! Хворымъ людямъ

лекарства подавать ты умѣешь, а богатырскаго ничего ты не сдѣлалъ...

Аск. Вѣрно, братъ, вѣрно: я и тебя вылечилъ, когда ты недавно явился сюда полуизжареннымъ, подгорѣвъ съ обоихъ боковъ—съ одного отъ платья, а съ другого—отъ костра. Если бы и ничего другого за мной не было, такъ я хотъ рабомъ не былъ, какъ ты, не прялъ въ Лидіи, сидя въ красномъ сарафанѣ, не получалъ колотушекъ золотой туплей отъ Омфалы и въ бѣлой горячкѣ не убивалъ жены и дѣтей...

Гер. Отвяжись ты, или узнаешь сейчасъ, что не очень то поможетъ тебѣ безсмертіе, какъ схвачу тебя да швырну внизъ головой съ неба, такъ что самъ Пеонъ не залечитъ тебѣ расшибленной башки!..

Зев. Перестать, говорю вамъ! Не разстраивайте вы нашего пира, или выгоню я васъ обоихъ!.. Геракль, ты долженъ уступить мѣсто Асклепію—онъ раньше тебя умеръ...

14.

Аполлонъ.—Гермесь.

Гермесь. Что ты грустенъ, Аполлонъ?

Аполлонъ. Все въ любви мнѣ неудача, Гермесь.

Гер. Да, изъ-заэтого стоить грустить... Но чтоты? Все еще о Дафнѣ скучаешь?

Ап. Нѣтъ, я скорблю о своемъ миломъ ла-концѣ, сынѣ Эйбала.

Гер. А что съ нимъ? Гіацинтъ умеръ?!

Ап. Да, и не своей смертью!

Гер. Что-же такое, Аполлонъ? Неужели-же кто

нибудь былъ такъ жестокъ, что убилъ такого красиваго мальчика?!

Ап. Моихъ собственныхъ рукъ это дѣло...

Гер. Да что ты—съ ума сошелъ, Аполлонъ?!

Ап. Нѣтъ, это несчастный случай...

Гер. Что же такое? Расскажи, пожалуйста.

Ап. Гіацинтъ учился бросать дискъ и я съ нимъ бросалъ. А проклятый Зефиръ—пропади онъ пропадомъ!—давно былъ тоже въ него влюбленъ, но Гіацинтъ на него и не глядѣлъ; и вотъ Зефиръ, взбѣшенный презрѣніемъ, лишь только я метнулъ дискъ, какъ обыкновенно, высоко,—вдругъ какъ задуетъ съ Тайгета и нанесъ дискъ прямо на голову моему мальчику... Кровь хлынула ручьемъ... и онъ тутъ же умеръ. Я кинулся на Зефира—онъ удираетъ въ горы... Я пустилъ ему въ догонку нѣсколько стрѣлъ. А моему мальчику въ Амиклахъ, гдѣ его сразилъ дискъ, я насыпалъ большой курганъ, Землѣ же велѣлъ изъ его крови вырастить цвѣтокъ, прекраснѣйшій изъ всѣхъ цвѣтовъ, а на лепесткахъ у него—слова, говорящія о моей скорби по покойникѣ... Ну, какъ по твоему, неужели же я понапрасну грущу?

Гер. Да что же дѣлать, Аполлонъ! Вѣдь ты же зналъ, что любимчикъ твой смертенъ, такъ нечего и печалиться, что онъ умеръ...

15.

Аполлонъ.—Гермесъ.

Гермесъ. Вонъ, Аполлонъ, хромой-то нашъ, и по ремеслу кузнецъ, а женился на какихъ красавицахъ—Афродитѣ и Харитѣ!

Аполлонъ. Да, счастье ему, Гермесъ! Дивлюсь я, что онѣ терпятъ его ласки, а особливо, когда видятъ его всего въ поту, разопрѣвшаго у своего горна, съ лицомъ сплошь въ сажѣ... И вотъ такого-то онѣ обнимаютъ, цѣлуютъ и спятъ съ нимъ!

Гер. Я и самъ не понимаю этого и завидую Гефесту... Украшайся тутъ, играй на кинорѣ, заботься о красотѣ, какъ ты, Аполлонъ,—или, какъ я, будь недуренъ и на лирѣ поигрывай,—а какъ отдохнуть, мы съ тобой спи - себѣ въ одиночествѣ!..

Ап. Я ужасно несчастенъ въ погонѣ за любовью... Ужъ какъ любилъ я Дафну и Гіацинта—и вотъ Дафнѣ былъ я такъ противенъ, что она захотѣла лучше обратиться въ дерево, чѣмъ принадлежать мнѣ, а Гіацинта я самъ убилъ дискомъ и теперь, вотъ, вмѣсто нихъ, у меня одни вѣнки...

Гер. Ну, а я, во время оно, и съ Афродитой... Впрочемъ, не слѣдъ болтать.

Ап. Знаю,—говорятъ, отъ тебя у нея Гермифродитѣ. А скажи-ка ты мнѣ: какъ это не ревнуетъ Афродита къ Харитѣ, а Харита къ Афродитѣ?

Гер. Да, вѣдь, Аполлонъ, одна живетъ съ нимъ на Лемносѣ, а другая—на небѣ. А кромѣ того, вѣдь, Афродита ужасно влюблена въ Арея, только объ немъ и думаетъ и о кузнецѣ своемъ почти ужъ не вспоминаетъ!

Ап. А какъ ты думаешь, знаетъ про это Гефестъ?

Гер. Знаетъ, но что же онъ можетъ подѣлать, видя, какой это молодой человѣкъ интересный, да еще и воинъ! Вотъ онъ и представляется спокой-

нымъ. Но онъ задумалъ устроить какія-то сѣти и поймать ихъ en flagrant délit...

Ап. Не знаю, какъ другіе, а я ужасно хотѣлъ бы быть этимъ пойманнымъ!..

16.

Гера.—Латона.

Гера. Хорошихъ дѣтокъ родила ты Зевсу, Латона, нечего сказать!...

Латона. Не всѣмъ, Гера, рожать такихъ, какъ твоей Гефестъ!

Гера. Да онъ, хоть и хромъ, а очень полезенъ; такой искусникъ: небо намъ все разукрасилъ, женился на Афродитѣ, и какъ для нея старается! А изъ твоихъ—дочь совсѣмъ и не похожа на дѣвицу, дикая, ушла, въ концѣ концовъ, къ скиеамъ и тамъ—всѣмъ извѣстно, что она ѣсть, убивая путниковъ и подражая скиеамъ, которые людоѣды!.. А Аполлонъ за все хватается: онъ и стрѣлокъ, онъ и музыкантъ, онъ и лечитъ, онъ и предсказываетъ! Устроилъ заведенія для гаданій—въ Дельфахъ, въ Кларѣ, въ Дидимахъ--и надуваетъ себя всѣхъ, что къ нему обращается, на всякій вопросъ отвѣчаетъ уклончиво и двусмысленно, такъ что нѣтъ опасности ошибиться. И наживается онъ отъ этого—вѣдь много дураковъ, которые ищутъ, чтобы ихъ обманывали, хоть для тѣхъ, кто поумнѣе, ясно, что онъ большею частью путаетъ. Вотъ онъ—предсказатель, а не зналъ, что убьетъ дискомъ своего любимчика, не предвидѣлъ, что Дафна отъ него убѣжитъ, хоть онъ и красивъ и наряденъ. Ужъ я не знаю, съ чего это ты вообразила, что дѣти твои лучше Ніобиныхъ?!..

Лат. Знаю я, почему для тебя эти дѣти - одна людоедка, другой ижепророкъ, знаю я, почему они тебя злятъ: потому, что всѣ боги на нихъ любятъ: одну хвалятъ всѣ за красоту, а другому дивятся, когда онъ на балахъ играетъ...

Гера. Ха, ха, ха! Это онъ-то хорошій музыкантъ, онъ, съ котораго Марсій долженъ былъ бы содрать кожу, побѣдивъ его въ состязаніи, если бы Музы по совѣсти рѣшили!! Напрасно Марсій погибъ, несправедливо осужденный... А красавица твоя такъ то ужъ красива, что, какъ только увидалъ ее Актеонъ, она, со страху, чтобы онъ не рассказалъ всѣмъ объ ея уродствѣ, затравила его собаками!.. Я ужъ не говорю, что не была бы она такой повитухой, будь она дѣйствительно дѣвицей...

Лат. Загордилась ты, Гера, что съ Зевсомъ живешь и царствуешь, вотъ и лаешься... Погодитка! Ужо и я увижу тебя въ слезахъ, какъ онъ, бросивъ тебя, уйдетъ на землю, обернувшись въ быка или въ лебедя!..

17.

Аполлонъ.—Гермесь.

Аполлонъ. Чего хохочешь, Гермесь?

Гермесь. Больно смѣшную штуку видѣлъ я, Аполлонъ!

Ап. Расскажи—подѣлись...

Гер. Афродиту застали въ объятіяхъ Арее и Гефестъ связалъ ихъ, поймавши!..

Ап. Да что ты?! Дѣйствительно, смѣшной анекдотъ!...

Гер. Давно ужъ, кажется, онъ зналъ и подстерегалъ ихъ; вотъ и устроилъ онъ западню, разложивъ вокругъ постели невидимыя сѣти, а самъ ушелъ себѣ въ кузницу. Вскорѣ Арей пробрался, увѣренный, что никто его не видитъ; но Солнышко видѣло и сказала Гефесту... Лишь только они улеглись, ну... и прочее... и очутились подъ тентами—сѣть ихъ охватываетъ, а Гефестъ ужъ тутъ! Жена его—вся голая! нечѣмъ ей прикрыться, сгорѣла со стыда!.. Арей же сперва попробовалъ улепетнуть, думалъ сѣти разорвать, но, видя, что ужъ не убѣжишь, сталъ просить прощенья...

Ап. Ну и что же? Гефестъ его отпустилъ?

Гер. Какъ бы не такъ! Онъ созвалъ всѣхъ боговъ и показывалъ, какъ его обманывали! А они-то оба—голые, лица прячутъ, связанные краснѣютъ... Потѣха, да и только!... Смѣху то что было! Чуть не все на глазахъ и происходило!..

Ап. Не стыдно это кузнецу то, выставять на показъ свою обиду?

Гер. Господи! Да онъ тутъ же, со всѣми стоя, хохоталъ... А я, если сказать откровенно, завидовалъ Арею не только, когда онъ ласкалъ прелестную, но даже когда онъ былъ и связанъ съ ней...

Ап. И за это ты согласился бы, чтобы и тебя связали?

Гер. А ты бы, небось, не согласился?!... Пойдемъ-ка, посмотри! Подивлюсь я, если, взглянувъ, ты не пожелаешь того же.

Зевсѣ.—Гера.

Гера. Мнѣ, Зевсѣ, было бы стыдно, если бы у меня былъ такой сынъ, — какая то рохля, отъ пьянства совсѣмъ размякъ, ходитъ съ митрой на головѣ, возится постоянно съ сумасшедшими бабами и самъ хуже ихъ всѣхъ, кривляется подъ тимпаны, флейты и кимбалы и на кого угодно больше похожъ, чѣмъ на тебя, отца!

Зевсѣ. Ну, однако, Гера, этотъ „рохля въ митрѣ“ не только прибралъ къ своимъ рукамъ Лидію, покорилъ обитателей Тмола и подчинилъ себѣ еракійцевъ, но со своимъ бабьимъ войскомъ ходилъ и въ Индію, слоновъ тамъ забралъ, земли завоевалъ и рабомъ увелъ царя, который попробовалъ было возстать, и все это сдѣлалъ онъ, прогуливаясь и забавляясь со своимъ тирсомъ, увитымъ плющемъ, пьяный и не въ своемъ умѣ, — по твоему... А кто осмѣливался перечить ему или насмѣхаться надъ его тайнствами — онъ всякаго наказывалъ: кого связывалъ лозами, на кого напускалъ собственную его мать — и она его потрошила, какъ ягненка!.. Видишь? Это довольно мужественно и вовсе не недостойно отца! А что ему нравятся игры, да вышивка — бѣда не велика и даже скорѣе можно сказать: каковъ же былъ бы онъ трезвымъ, коли и пьяный такіа дѣла дѣлаетъ!

Гера. Да ты, пожалуй, станешь хвалить и выдумку его виноградъ и вино, словно не видишь, что люди дѣлаютъ отъ вина: здравый умъ теряютъ, безобразничаютъ, просто бѣшенными становятся отъ винопитія! И кара-то, — перваго, кому

онъ подарилъ лозу,—его же работники на смерть заколотили лопатами...

Зевсъ. Пустое, матушка! Не вино это дѣлаетъ, и не Діонисъ, а неумѣренность въ питьѣ и безобразный обычай пить вино слишкомъ крѣпкое. А кто пьетъ въ мѣру, дѣлается только веселѣе и живѣе и тогда никто изъ собутыльниковъ ничего такого другому не устроитъ. Это ты, Гера, просто злишься изъ ревности, вспоминая Семелу, и ругаешь Діониса за то, что, по настоящему, очень хорошо...

19.

Афродита.—Эротъ.

Афродита. Отчего это ты, Эротикъ, всѣхъ боговъ перетревожилъ: и Зевса, и Посейдона, и Аполлона, и Рею, и меня, свою мать, а Аѳины не трогаешь и для нея словно факелъ твой безъ огня, колчанъ безъ стрѣлъ и самъ ты безъ оружія?

Эротъ. Боюсь я ее, мамушка... Очень ужъ она страшная, серьезная, строгая. Иной разъ я натяну лукъ и прицѣлюсь въ нее, она какъ потрясетъ племомъ, испугаетъ меня, я просто задрожу и стрѣлы падаютъ у меня изъ рукъ!..

Афр. А Арей что-же не страшнѣе, что на него ты напалъ и побѣдилъ его?

Эр. Да онъ самъ ко мнѣ подходитъ и меня подзываетъ, а Аѳина глядитъ все такъ сердито... Разъ я какъ-то летѣлъ близко отъ нея со своимъ факеломъ, такъ она: „если только подлетишь, говоритъ, вотъ ей-же Богу, пырну тебя копьемъ, либо за ногу схвачу да швырну въ тартарары, либо руками разорву“! Вонъ какъ

она говоритъ! И смотритъ такъ сердито, и на груди у нея такое страшилище со змѣями, вмѣсто волосъ... Его я ужасно пугаюсь, страшно мнѣ и я бѣгу!..

Афр. Вотъ Аѳины и Горгоны ты боишься, а Зевсовой молніи нѣтъ!.. А почему ты въ Музѣ не стрѣляешь? Развѣ онѣ тоже трясутъ шлемомъ и показываютъ тебѣ Горгону?

Эр. Не смѣю я ихъ трогать: онѣ такія серьезныя, всегда думаютъ или поютъ, и я часто стою и слушаю ихъ пѣніе...

Афр. Ну, Богъ съ ними, если онѣ такія серьезные. А Артемиды почему ты не трогаешь?

Эр. Да попастьъ въ нее не легко: она все бѣгаетъ по горамъ; у нея своя особая любовь.

Афр. Что же она любитъ, милый?

Эр. Охоту на оленей, на ланей; ловить ихъ или стрѣлять, этимъ она ужасно увлекается. А вотъ брата ея, хоть онъ тоже стрѣлокъ и охотникъ...

Афр. Знаю, знаю, милый, его ты частенько подстрѣливалъ...

20.

Судъ Париса.

Зевсъ.—**Гера.**—**Аѳина.**—**Афродита.**—**Гермесъ.**—**Парисъ.**

Зевсъ. Иди-ка ты, Гермесъ, съ этимъ яблокомъ во Фригію къ пастуху, Пріамову сыну—онъ бродитъ около Иды въ Гаргаріи,—и скажи ты ему, что, дескать, Зевсъ велитъ тебѣ, Парисъ, такъ какъ ты молодецъ красивый и въ дѣлахъ любовныхъ опытенъ, разсудить этимъ богинямъ, которая всѣхъ лучше. Побѣдительница въ этомъ спорѣ въ награду и получить яблоко. Ну, и вамъ са-

мимъ надо пойти къ этому судѣ. Я люблю васъ всѣхъ одинаково и отказываюсь тутъ рѣшать; если бы можно было, съ удовольствіемъ видѣлъ бы я побѣдительницами васъ всѣхъ—вѣдь, признавшій одну красивѣйшею, неизбежно станетъ страшно ненавистенъ обѣимъ другимъ,—такъ что я и не берусь быть вамъ судьей. Молодой же фригіецъ, къ которому вы пойдете, царевичъ и милому нашему Ганимеду родня и хоть человѣкъ онъ простой и малообразованный, но никто не можетъ признать его недостойнымъ предстоящаго ему зрѣлища.

Афродита. Если бы ты, Зевсъ, самого Мома назначилъ намъ въ судьи, и предъ нимъ бы я выступила смѣло. Самъ Момъ, со всѣмъ своимъ злымъ умомъ, что могъ бы во мнѣ осудить?. Но нужно, чтобъ выбранный тобой человѣкъ былъ угоденъ и этимъ!..

Гера. Да и я, Афродита, не побоялась бы, хоть бы твоего Арея назначили намъ судьей, и согласна и на этого Париса, каковъ бы онъ тамъ ни былъ.

Зев. Согласна и ты на это, дочка? Что ты говоришь?.. Отвращиваешься и краснѣешь... Это ужъ ваше дѣвичье дѣло стыдиться такихъ разговоровъ! Но ты соглашаешься, всетаки. Ну, такъ идите же, только проспоровшія ужъ не сердитесь на своего судью и не напускайте какихъ-либо бѣдъ на этого молодца. Вѣдь нельзя же всѣмъ быть совсѣмъ одинаково красивыми.

Герм. Ну, такъ маршъ сейчасъ во Фригію, я васъ поведу, а вы не отставайте... Не бойтесь,

я Париса знаю. Молодецъ онъ красивый, женскій полъ любить и споръ вашъ разрѣшить отлично можетъ. Онъ ужъ худо не разсудить.

Афр. Очень это хорошо и по мнѣ ты это говоришь, что судья онъ справедливый. А что, онъ холостой или есть у него жена?

Герм. Ну, не совсѣмъ холостой...

Афр. Какъ это?

Герм. Кажется мнѣ, что живетъ онъ съ одной женщиной съ Иды,—она ничего себѣ, но деревенщина и совсѣмъ не образованная. Только, кажется, не очень то онъ къ ней льнетъ... А на что ты это спрашиваешь?

Афр. Такъ себѣ.

Аѳ. Не по посольски поступаешь, Гермесь: что ты съ ней шепчешься?

Герм. Да пустяки, Аѳина, не объ васъ. Она спрашивала, холость Парисъ или женатъ?

Аѳ. А ей какое до этого дѣло?

Герм. Не знаю. Она говоритъ, что такъ себѣ, вдругъ, спросила..

Аѳ. Ну что же? Холостой онъ?

Герм. Кажется, что нѣтъ.

Аѳ. Ну, а любить онъ войну? Любить славу? Или онъ настоящій пастухъ?

Герм. Не могу тебѣ сказать хорошенько, а думаю, что, какъ молодецъ онъ, то долженъ онъ и этого желать, думать, какъ бы быть ему первымъ и въ битвахъ.

Аѳ. Ага! Ну, я ничуть не беспокоюсь и не сержусь, что ты съ ней шептался. Дѣла Афродиты не важны!..

Герм. И она почти такъ же говорила. Такъ ты и не гнѣвайся и не дуйся, что я и ей попросту

отвѣчалъ. Однако, въ разговорахъ то мы порядкомъ поотощили отъ звѣздъ и ужъ почти во Фригiи. Я уже хорошо вижу и Иду и Гаргаръ, да, если не ошибаюсь, вонъ и самъ вашъ судья, Парисъ.

Гера. Гдѣ? Я не вижу.

Герм. Вонъ тамъ, Гера, смотри налѣво: не у вершины, а внизу, вонъ, гдѣ пещера, гдѣ видно стадо...

Гера. Не вижу я стада...

Герм. Какъ?! Неужели ты не видишь, вонъ тамъ, куда я показываю пальцемъ, что межъ камнями пробираются коровы; не видишь и человѣка, который, съ рожкомъ въ рукахъ, смотреть съ камня, чтобы стадо не разбрелось?..

Гера. Теперь вижу; такъ это онъ?

Герм. Да, онъ. Такъ какъ мы уже близко, то, я думаю, не пойдти ли намъ лучше по землѣ, чтобы не испугать его, если вдругъ сверху явимся предъ нимъ.

Гера. Хорошо, пойдѣмте... Мы спустились, Афродита, и, я думаю, ты теперь отлично можешь идти впередъ и указывать дорогу. Ты, вѣдь, кажется, знаешь эти мѣста, частенько ты, говорятъ, спускалась сюда къ Анхизу.

Афр. Я и вниманiя не обращаю, Гера, на твои задиранья...

Герм. Да я васъ проведу. Я, вѣдь, бывалъ во Фригiи, когда Зевсъ увлекся фригiйскимъ мальчикомъ! Я частенько приходилъ сюда отъ Зевса наблюдать за нимъ. И когда онъ обернулся въ орла, я вѣдь тоже летѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и помогалъ ему уносить красавчика. Помнится, вонъ съ того утеса онъ его и подхватилъ. Мальчуганъ въ

это время подыгрывалъ на дудочкѣ своему стаду, Зевсъ налетѣлъ на него сзади, легонечко обхватилъ его когтями, а клювомъ придерживалъ ему на головѣ шапочку и понесъ мальчика, который страшно перепугался и, обернувъ голову, смотрѣлъ, кто это его... Я тогда его дудочку подхватилъ, со страху онъ ее бросилъ.. Однако, вонъ ужъ Парисъ совѣмъ близко. Заговоримъ съ нимъ. Здравствуй, пастухъ!

Парисъ. Здравствуй и ты, молодецъ. Чей ты? Откуда? И что это за женщины ты ведешь? Не здѣшнія онѣ, не деревенскія, больно ужъ онѣ красивы.

Герм. Не женщины это, Парисъ! Это Геру, Аѣнну и Афродиту, да и меня, Гермеса, Зевсъ послалъ къ тебѣ... Что ты дрожишь и блѣднѣешь? Ты не бойся, ничего страшнаго нѣтъ: велитъ онъ тебѣ разсудить ихъ красу. Онъ, говорить, самъ всѣмъ хорошъ и дѣла любовныя знаетъ, ему и книги въ руки. А рѣшивъ споръ, въ награду лучшей дай это яблоко.

Пар. Дай-ка посмотрѣть, что такое... „Отдать прекраснѣйшей“... Но гдѣ же мнѣ, господинъ Гермесъ, смертному и совѣмъ простому человѣку, быть судьей въ такомъ удивительномъ спорѣ рѣшить который совѣмъ не по силамъ пастуху! Тутъ еще могутъ разсудить люди опытные, городскіе, а мое дѣло: рѣшить, какая коза или какая телка лучше,—это я знаю; эти же всѣ равно хороши, я не знаю, какъ и глаза отвести съ одной на другую... Просто, остановиться нелегко, но, на что ни взглянешь, хочется все туда смо-

трѣть и все хвалить; а посмотришь на другое, и то больно хорошо, и туда не наглядись, и что около, тоже очень хорошо!.. Просто ослѣпила меня ихъ красота, совсѣмъ меня побѣдила она... Экая досада, что не могу я разсматривать ихъ всѣмъ своимъ тѣломъ, какъ Аргусъ... Миѣ кажется: справедливо рѣшить, такъ надо отдать яблоко имъ всѣмъ... А еще и вотъ что: одна изъ нихъ, вѣдь, сестра и жена Зевса, двѣ дочери... Ну, какая же трудная задана миѣ задача!..

Герм. Ну, что ужъ дѣлать! А нельзя не исполнить велѣнія Зевса.

Пар. Такъ вотъ что, Гермесъ, ты ихъ уговори, чтобы двѣ, которыя яблока не получаютъ, на меня ужъ не сердились, а рѣшили бы, что просто глаза мои худо видятъ.

Герм. Онѣ такъ и общались... Но пора тебѣ разбирать.

Пар. Ну, попробуемъ! Что будетъ, то будетъ! Но еще вотъ что: хотѣлъ бы я знать, надо ли ихъ разсматривать, какъ онѣ сейчасъ, или онѣ могутъ и раздѣться для вѣрности разбора?

Герм. Это ужъ дѣло судьи. Ты самъ приказывай.

Пар. Мое?! Такъ я хочу видѣть ихъ безо всего.

Герм. Тогда раздѣвайтесь! Ты смотри, а я поотойду въ сторону...

Гера. Ну, хорошо, Парисъ... И я первая раздѣнусь, чтобы ты видѣлъ, что не только грудь у меня бѣлая и не только глаза такіе большіе, но и вся я одинаково хороша.

Пар. Раздѣвайся и ты, Афродита!

Аѳина. Смотри, Парисъ, чтобъ она раздѣлась совсѣмъ и поясъ чтобъ сняла! Онъ у нея волшебный и имъ она тебя околдуетъ! Пусть явится безъ всякихъ украшеній и не нарумяненная, точно кокотка, а нагой покажетъ свою красу...

Пар. Вѣрно она говорить: снимай и поясъ!

Афр. Такъ и ты, Аѳина, сними шлемъ и явись простоволосой: зачѣмъ потрясать его гривой и судью пугать?! Боишься видно, что если онъ будетъ смотрѣть безъ перепугу, такъ не очень то поразить его взглядъ твоихъ очей...

Аѳ. Смотри, вотъ онъ шлемъ: я его сняла.

Афр. Смотри и ты: вотъ поясъ.

Гера. Ну, раздѣлась и я...

Пар. Боже ты мой! Что за картина, что за красота, что за прелесть! Ну и дѣвица!.. А эта: какая царственная, блестящая, поистинѣ достойная Зевса! А эта... какъ нѣжно глядитъ, какая у нея сіяющая и задорная улыбка! Я захлебываюсь отъ восторга... Ну, знаете, я долженъ разсмотрѣть васъ каждую особо, иначе у меня совсѣмъ кружится голова, и я не знаю, на что мнѣ и глядѣть, глаза мои разбѣгаются.

Афр. Хорошо...

Пар. Вы обѣ поотойдите, а Гера ты останься...

*

Гера. Ладно... А теперь, когда ты меня хорошо видѣлъ, можешь судить и о томъ, хорошо ли я тебя отблагодарю за рѣшеніе въ мою пользу: если ты признаешь меня первой, Парисъ, ты будешь владыкой всей Азіи!

Пар. Подарками меня не подкупить... Ну, довольно. Я скажу по совѣсти. Аѳина, подойди.

*

Аѳ. Вотъ я... Если меня признаешь красивѣйшей, Парисъ, то никогда не выйдешь изъ битвы побѣжденнымъ, а всегда будешь побѣдителемъ: я сдѣлаю тебя постояннымъ побѣдоносцемъ!..

Пар. Да нисколько мнѣ не нужно, Аѳина, ни войны, ни битвъ. Вѣдь видишь, что теперь во Фригіи и въ Лидіи царить миръ, батюшка править спокойно... Впрочемъ, не бойся: я твоихъ правъ не забуду, а за взятки рѣшать не стану... Ну, одѣвайся и надѣвай свой шлемъ; я посмотрѣть хорошо... Ну-ка, Афродита...

Афр. Ну, вотъ и я, близехонько... Ты смотри хорошенько, ничего не пропуская, разглядывая каждое мѣстечко... А кромѣ того вотъ что, красавецъ: я ужъ давно вижу, что ты молодъ и такъ хорошъ, что другого такого и во Фригіи нѣту, радуюсь на твою красоту и очень жалѣю, что ты не живешь въ городѣ, бросивъ эти скалы и утесы, а здѣсь, въ пустынѣ, губишь свою молодость. Какая тебѣ радость отъ этихъ горъ, а коровамъ,—на что твоя красота?! Да пора бы тебѣ и жениться,—не на такой грубой деревенщинѣ, какъ всѣ бабы здѣсь на Идѣ, а на комъ-нибудь изъ Греціи, изъ Аргоса, Коринѳа, или изъ Спарты, напри-мѣръ на Еленѣ; она молода и хороша, просто ничуть не хуже меня, и что всего важнѣе — сердце у нея горячее. Она, ужъ я навѣрно знаю, если бы только увидала тебя, все бы оставила, чтобъ отдаться тебѣ, пошла бы за тобой и была бы тебѣ хорошею женой... Да ты, навѣрно, слыхалъ о ней...

Пар. Ничего не слыхалъ, Афродита, но твои рѣчи слушаю съ большимъ удовольствіемъ!..

Афр. Она дочь Леды, извѣстной красавицы,—той, къ которой леталъ Зевсъ, обращаясь въ лебедя.

Пар. А какова она собой?

Афр. Да ужъ бѣлая, какъ настоящая лебедь; нѣжная, точно въ яичкѣ выхощенная; одѣвается отлично, статная... И до того она очаровательна, что изъ за нея была война, какъ Тезей увезъ ее, когда она была еще подросткомъ. А когда она стала невѣстой, то всѣ самые лучшіе ахейцы искали ея руки, и она вышла за Менелая, Пелопида. Вотъ, если хочешь, я обдѣлаю дѣло, и она будетъ твоей женой.

Пар. Да какъ же это?.. Вѣдь она же замужемъ!..

Афр. Молодъ ты, милый, и просто, а ужъ я знаю, какъ обдѣлать такое дѣльце...

Пар. Какъ же?? Мнѣ это очень интересно!..

Афр. Ты поѣзжай какъ будто для того, чтобы посмотрѣть Грецію. А когда будешь въ Лакедемонѣ, Елена тебя увидитъ, и тутъ ужъ мое дѣло, чтобы она влюбилась въ тебя и уѣхала бы съ тобой.

Пар. Вотъ это-то и кажется мнѣ совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы она рѣшилась, покинувъ мужа, вдругъ бѣжать съ чужимъ, неизвѣстнымъ ей человекомъ!..

Афр. Объ этомъ не беспокойся! Есть у меня два сына, прехорошенькіе,—Страсть и Эротъ; я ихъ дамъ тебѣ въ провожатые, когда ты поѣдешь, и Эротъ проберется къ Еленѣ и влюбитъ ее въ тебя, а Страсть охватитъ самого тебя и сдѣлаетъ тебя самымъ влюбчивымъ и обольстительнымъ.. Да я и сама съ Харитами буду тамъ и постараюсь, и вмѣстѣ мы живо ее уговоримъ...

Пар. Выйдетъ ли что изъ всего этого, я не знаю, Афродита, но самъ я и теперь ужъ совсѣмъ влюбленъ въ Елену... мнѣ просто кажется, что я ее уже вижу... Мнѣ кажется, будто я ужъ плыву въ Элладу... будто я ужъ уѣзжаю съ красавицей, и мнѣ досадно даже, что все это еще лишь въ мечтахъ!...

Афр. Но, Парисъ, любимъ ты будешь не прежде, чѣмъ мнѣ, которая тебѣ все это рассказала и станетъ тебѣ помогать, присудишь яблоко! Слѣдуетъ, чтобъ и я была съ вами побѣдительницей, чтобъ я праздновала вмѣстѣ и вашу свадьбу и свою побѣду... Этимъ яблокомъ ты можешь купить сразу все: любовь красавицы и свадьбу съ ней!...

Пар. Боюсь я, какъ бы послѣ моего рѣшенія ты и не позабыла обо мнѣ...

Афр. Хочешь, побожусь?!

Пар. Не надо, не надо... а пообщай еще разъ...

Афр. Общаюсь, что дамъ тебѣ въ жены Елену и что тебя къ ней буду провожать и ее въ Иліонъ привезу, сама съ вами буду и все дѣло устрою!

Пар. И возьмешь съ собою и Эрота, и Ладу, и Харитъ?..

Афр. Непремѣнно... возьму съ собой и Престанность и Гименея...

Пар. Ну, съ этимъ даю тебѣ яблоко!

Афр. Съ этимъ и беру!!

Арей.—Гермесь.

Арей. Слышалъ ты, Гермесь, чѣмъ грозилъ намъ Зевсъ? Какія неслыханныя и невѣроятныя вещи! Если, говорить, захочу, спущу съ неба цѣпь, а вы старайтесь, ухватившись за нее, стащить меня. Даромъ будете биться, не стащите. А если я захочу втащить—подниму не только васъ, но и землю съ моремъ вмѣстѣ... и другое, въ томъ же родѣ,—да ты слышалъ. Я не стану спорить: онъ сильнѣе, здоровѣе каждаго изъ боговъ, но чтобы намъ всѣмъ его не перетянуть, особенно, если мы возьмемъ и Землю и Море, не повѣрю!

Гермесь. Поосторожнѣе, Арей; такія рѣчи говорить не безопасно: не случилось бы намъ худа за болтовню...

Ар. Да ты думаешь, что я со всѣми такъ разговариваю? Нѣтъ, братъ, только съ тобой однимъ, зная, что ты умѣешь держать языкъ за зубами... Но не могу удержаться, чтобы не высказать тебѣ, что всего смѣшнѣе казалось мнѣ, когда я слушалъ это хвастовство; помню я, какъ не очень давно, когда Посейдонъ, Гера и Афина, возставши противъ него, рѣшили его схватить и связать, какъ онъ струхнулъ — а ихъ было всего трое! И если бы Оетида сжалившись, не позвала ему на помощь сторукаго Бриарея, быть бы ему связану и съ громомъ своимъ и съ молніей!.. Когда я объ этомъ вспомнилъ, смѣяться мнѣ захотѣлось на его хвастовство!..

Гер. Да потише, осторожно! За этикія рѣчи и влетѣть можетъ — и тебѣ, да и мнѣ...

Гермесь.—Панъ.

Панъ. Здравствуй, батюшка!

Гермесь. Здравствуй, братецъ. Только какой же я тебѣ отецъ?

Панъ. Да вѣдь ты же Гермесь Килленскій?

Герм. Да, я. Но ты-то какъ мнѣ сынъ?

Панъ. Я незаконный, я—„плодъ любви несчастной“!

Герм. Чертъ побери! Отъ козла ты какого-нибудь родился и отъ козы! Какой ты мнѣ сынъ: съ рогами, съ этакимъ-то носомъ, съ долгой бородой, съ козлиными копытами, съ хвостомъ...

Панъ. Что бы ты во мнѣ ни ругалъ, батюшка, ты себя больше вини, что такого сына сдѣлалъ, я тутъ не виновать.

Герм. А кто же твоя мать? Ужъ не пошалилъ ли я какъ ненарокомъ съ козой?

Панъ. Не съ козой ты пошалилъ, а припомни-ка, какъ ты въ Аркадіи... благородную дѣвушку... Что это ты кусаешь ногти и озираешься? Я говорю о Пенелопѣ, дочери Икара.

Герм. Но какъ это она отъ меня,—и родила тебя похожимъ не на меня, а на козла?

Панъ. Вотъ тебѣ ея собственные слова. Когда она произвела меня на свѣтъ въ Аркадіи, она сказала: „дитятко, мать твоя—это я, Пенелопа спартанка; а отецъ твой, знай это,—Гермесь, сынъ Зевса и Майи. Ты ужъ не огорчайся, что у тебя рога и козлиныя ноги; когда отецъ твой подобрался ко мнѣ, онъ, чтобы обмануть, обернулся въ козла, потому и вышелъ ты похожимъ на козла“.

Герм. Ахъ, Господи... помню, помню, что то такое было... А я-то горжусь своей красотой, самъ еще бороды не имѣю, и вдругъ теперь прослышу твоимъ отцомъ! Да меня теперь всѣ замѣютъ за этакое дитятко!..

Панъ. Я тебя не осрамлю, батюшка. Я вѣдь отличный музыкантъ, играю на флейтѣ, Діонисъ безъ меня шагу ступить не можетъ, я ему другъ и пріятель, я и хоромъ у него завѣдую. А если согласишься ты на мои стада, сколько ихъ у меня въ Тегеѣ и на Партеніѣ,—истинно порадуешься. Я вѣдь въ Аркадіи просто царствую! И Аѳинянамъ въ Марафонскую битву я такъ помогъ, что мнѣ на Акрополѣ посвященъ особый гротъ,—вотъ, будешь въ Аѳинахъ, увидишь, какъ тамъ Паново имя почитается.

Герм. Скажи-ка, ты женатъ, Панъ? Такъ, кажется, тебя звать?

Панъ. Нѣтъ, батюшка. Больно я сладострастенъ и одной женщиной не могъ бы удовольствоваться.

Герм. Что жъ ты? Съ козами, такъ сказать, пошаливаешь?

Панъ. Ну, зачѣмъ съ козами, я имѣю дѣло и съ Эхой, и съ Громой, да и со всѣми Діонисовыми менадами, и много и у меня съ ними дѣла бываетъ.

Герм. Вотъ что, сынокъ, хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе?

Панъ. Приказывай, батюшка.

Герм. Вотъ мы съ тобой обо всемъ переговорили, подойди ты ко мнѣ, я тебя поцѣлую,—но, пожалуйста, не называй ты меня отцомъ при другихъ...

Аполлонъ.—Діонисъ.

Аполлонъ. Удивительно, Діонисъ, до чего не похожи другъ на друга и съ лица и по замашкамъ—Эротъ, Гермафродитъ и Пріапъ, дѣти одной матери! Одинъ—такой красавецъ, отличный стрѣлокъ, бойкій, всѣмъ вертитъ, другой—какой то рыхлый, что то въ немъ бабье, да и на видъ ни то, ни сѣ: не поймешь, дѣвченка это, или подростокъ. А вотъ Пріапъ—этотъ мужественъ больше чѣмъ надо.

Діонисъ. Что жъ удивляться, Аполлонъ: не Афродита этому причина, а отцы, совершенно различные. Бываютъ часто различными и дѣти одного отца и одной матери, родные братъ и сестра, какъ, напримѣръ, вы.

Ап. Да, но мы похожи, и занятія у насъ одинаковыя, мы оба стрѣлки.

Діон. Относительно стрѣльбы вѣрно, но въ другомъ, Аполлонъ, не схожи вы: Артемида—вонъ у скиеовъ убиваетъ всѣхъ чужестранцевъ, а ты здѣсь прорицатель и врачъ.

Ап. А ты думаешь, сестрѣ пріятно у скиеовъ? Да она только и мечтаетъ, какъ бы уѣхать ей изъ Тавриды, только бы заѣхалъ туда какой-нибудь грекъ, опротивѣли ей убійства-то.

Діон. И хорошо сдѣлаешь. Но Пріапъ.. смѣшное я тебѣ о немъ расскажу. Недавно былъ я въ Лампсакѣ... иду себѣ по городу, вдругъ, на встрѣчу мнѣ Пріапъ... зоветъ къ себѣ; за отличнымъ ужиномъ немножко мы выпили, затѣмъ улеглись себѣ спать. Вдругъ въ самую полночь, нашъ милѣйшій всталъ... право, мнѣ стыдно говорить...

Ап. Къ тебѣ сталъ подбираться, да?

Діон. ...Да, въ такомъ родѣ...

Ап. А ты что же?

Діон. Да что же... расхохотался...

Ап. Ну, конечно, и не стоило оскорбляться или сердиться. Да ему можно и простить: онъ сталъ подбираться къ тебѣ, потому что очень ужъ ты красивъ.

Діон. Такъ вѣдь этакъ онъ и на тебя, Аполлонъ, можетъ направить свои попытки: ты тоже красивъ,—вишь, у тебя какіе волосы, этакъ, пожалуй и ты когданибудь привлечешь Пріана подъ хмѣлькомъ.

Ап. Ну, на это онъ не рѣшится, Діонисъ: у меня, вѣдь, не только волосы хорошіе, но и стрѣлы тоже...

24.

Майя.—Гермесъ.

Гермесъ. Есть ли, матушка, на небѣ богъ, больше задержанный, чѣмъ я?!

Майя. Ну что ты, Гермесъ...

Герм. Какъ что?! Сколько у меня работы, одинъ я выбиваюсь изъ силъ и разрываюсь на столько дѣлъ! Утромъ, только встанешь, изволь столовую подметать, ковры тамъ разстилать... Только что все устроишь—къ Зевсу являйся и потомъ это—день-деньской, бѣгай вверхъ и внизъ съ его порученіями... Только что вернешься, весь еще въ пыли, амброзію ему подавай, а раньше, пока не взяли этого мальчишки-виночерпія, я еще и нектаръ разливалъ. А всего хуже, что и ночью мнѣ одному изъ всѣхъ нѣтъ покою, а изволь-ка я тогда души къ Плутону отводить, мертвецовъ туда сопровождать и въ судилище ихъ являть. Мало мнѣ

днемъ то дѣла: въ палестрахъ быть, на собраніяхъ дѣйствовать, мнѣ и ораторовъ подучивать, мнѣ и похороны устраивать надо!.. Вонъ оба сына Леды сидятъ себѣ по очереди каждый на небѣ или въ аду цѣлый день, а я кажинный день изволь быть и тутъ и тамъ... Вонъ, сынъ Алкмены и сынъ Семелы, хоть оба отъ простыхъ женщинъ родились, преспокойно себѣ пируютъ, а я, сынъ Майи, внукъ Атланта, имъ служу!.. Вотъ и сейчасъ, только что я пришелъ изъ Сидона, отъ Кадмовой дочери, къ которой онъ посылалъ меня посмотреть, что она подѣлываетъ, и передохнуть я не успѣлъ, а онъ ужъ опять посылаетъ въ Аргосъ поглядѣть, что Даная. А оттуда, говоритъ, по дорогѣ зайди въ Беотію, посмотри, что Антиона!.. Измучился я совсѣмъ. Хоть бы продали меня куда нибудь, какъ на землѣ худыхъ рабовъ продаютъ!..

Майя. Перестань, дитятко! Всячески надо стараться для отца, пока молодъ... Бѣги же, голубчикъ, какъ послали, въ Аргосъ и въ Беотію, да не мѣшкай, чтобы не попало тебѣ, чего добраго... Сердиты бываютъ, кто втюрившись...

25.

Зевсъ.—Геліосъ.

Зевсъ. Ты что это надѣлалъ, негодяй! А?! Все, какъ есть на землѣ сгубилъ, давши колесницу въ руки этому дурню! То онъ сожегъ, слишкомъ близко подѣхавъ; другое—заморозилъ, отѣхавши съ огнемъ очень далеко; все онъ перепуталъ, все перепортилъ! Если бы я, замѣтивъ, что тамъ

дѣлается, не сшибъ бы его молніей, ни одного бы челоуѣка не осталось! Выпустилъ ты намъ кучера!!

Геліосъ. Виноватъ, Зевсъ! Но ужъ ты не гнѣвайся очень, что я уступилъ сыну на великія его просьбы... Могъ ли я думать, что такая бѣда приключится!.

Зев. Да развѣ ты не зналъ, какое тутъ нужно вниманіе, и что чуть немного свернуть съ пути, какъ все и поѣхало?! Развѣ ты не зналъ норова своихъ коней, не зналъ, какъ крѣпко нужно держать вожжи?! Вѣдь имъ чуть потпустишь вожжи, сейчасъ они взбѣсятся, такъ что ихъ и не удержишь, и понесутъ налѣво, направо, назадъ, вверхъ, внизъ, куда вздумается... Онъ совсѣмъ ничего съ ними подѣлать не могъ...

Гел. Все это я зналъ и долго ему отказывалъ и не давалъ править... Но когда онъ, заливаясь слѣзами, сталъ цѣловать меня, да и Климена съ нимъ, я пустилъ его, но наказалъ ему, какъ ему ѣхать, насколько ослаблять вожжи, пока подымается вверхъ, и какъ сейчасъ же ихъ подобрать, когда пойдетъ на спускъ, и какъ крѣпко держать все время вожжи и не давать воли конямъ. Я говорилъ, каково опасно, если не прямо онъ направить... А онъ,—вѣдь еще дите!.. какъ съ такимъ то огнемъ взѣхалъ да глянулъ въ бездонную глубину, понятно и испугался... А кони то, какъ почували, что не я съ ними ѣду, на юнца то и не глядя, вынеслись изъ дороги; вотъ и надѣлали бѣды!.. А онъ то, съ перепугу, чтобы самому не упасть, ухватился какъ видно, за ободъ, вожжи же выпустилъ... Онъ ужъ и наказанъ, Зевсъ, да и мнѣ то довольно горя...

Зев. Довольно—за этакое то дѣло?... На этотъ разъ я тебя прощаю, но впередъ, если что нибудь такое сдѣлаешь, или кого подручнаго, вмѣсто себя, пошлешь, узнаешь немедля, насколько моя молнія сильнѣе твоего огня... Ну, а его пусть сестры похоронять у Эридана, гдѣ онъ упалъ, пусть оплатятъ его и пусть, съ горя по немъ, обратятся въ черные тополи... Ты почини колесницу, у нея вѣдь ось сломалась и одно колесо слетѣло—и опять ѣзди, но хорошенько помни, что я сказалъ!..

26.

Аполлонъ.—Гермесъ.

Аполлонъ. Не можешь ли ты, Гермесъ, объяснить мнѣ, который Касторъ и который Полидевкъ? Я никакъ не могу ихъ различить...

Гермесъ. Который былъ съ нами вчера, тотъ Касторъ, а этотъ Полидевкъ...

Ап. Какъ ты ихъ различаешь? Они совсѣмъ одинаковы!

Герм. А вотъ какъ: у Полидевка на лицѣ шрамы отъ ударовъ, которые онъ получилъ въ дракѣ, а особенно, слѣдъ отъ раны, которую ему нанесъ Бебрикъ Амиковъ, когда они ѣздили съ Язономъ, а у того нѣтъ ничего такого, лицо у него чистое и безъ изъяновъ.

Ап. Спасибо за эту примѣту, а то все остальное у нихъ такъ одинаково: и по половинѣ яйца, и по звѣздѣ во лбу, и по коню въ рукѣ, и кони у обоихъ бѣлые, такъ что я зачастую Кастора называлъ Полидевкомъ, а Полидевка — Касторомъ. А скажи-ка ты мнѣ еще: почему они никогда не

бываютъ у насъ оба вмѣстѣ, а всегда они пополамъ, одинъ богъ, а другой покойникъ?

Гер. А это они изъ дружбы: такъ какъ одному изъ сыновей Леды было суждено умереть, а другому стать богомъ, то они такимъ то образомъ и дѣляютъ безсмертіе.

Ап. Странный дѣлежъ, Гермесъ! Вѣдь такъ они никогда не видятся, чего они, вѣроятно, всего болѣе желали бы, коли всегда одинъ съ богами, другой съ мертвецами!? А, кромѣ того, я, вотъ, прорицателемъ, Асклепій—врачемъ, ты—отличный учитель по части борьбы, Артемида — повитухой, и вообще мы, боги, всѣ занимаемся какимъ нибудь ремесломъ, полезнымъ или людямъ, или богамъ... А они, что они дѣлаютъ? или сидятъ себѣ просто за столомъ, этакіе то лѣнтяи?

Гер. Вовсе нѣтъ, у нихъ тоже есть дѣло: они служатъ у Посейдона, объѣзжаютъ море, смотрятъ, не гибнуть ли гдѣ корабельщики отъ бури, и тогда садятся на судно и спасаютъ его.

Ап. А... ну, это хорошее ремесло, полезное...

Разговоры въ царствѣ мертвыхъ.

1 *) (23).

Плутонъ.—Персефона.—Протезилай.

Протезилай. Владыка ты нашъ, государь, Зевсъ ты нашъ, и ты, Деметрина дочь, не откажите въ просьбѣ любовной...

Плутонъ. Чего тебѣ? И кто ты такой?

Прот. Я Протезилай, сынъ Ифikle, филакіецъ: я ходилъ съ ахейцами и первымъ умеръ подъ Иліономъ; прошу же: отпустите меня ожить ненадолго!

Пл. Этого, Протезилай, всѣмъ мертвымъ хочется, однако никому этого не дается.

Пр. Да не къ жизни я стремлюсь, Аидоней, а къ молодой женѣ, которую, только что женившись, оставилъ я въ чертогѣ, и ушелъ на корабль, а тамъ, злосчастный, и погибъ при самой-то высадкѣ отъ руки Гектора... Безмѣрно терзаютъ меня, батюшка, любовь къ женѣ; я бы, немного поглядѣвъ на нее, снова вернулся бы!

*) Въ скобкахъ поставлены номера, соответствующіе порядку, въ какомъ обыкновенно располагаются разговоры: мы въ размѣщеніи ихъ отступили отъ обычнаго порядка; онъ восстанавливается, если читать діалоги въ такомъ порядкѣ: 23. 15. 29. 19. 16. 27. 11. 24. 13. 14. 12. 1. 10. 22. 20. 2. 18. 25. 21. 17. 26. 28. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 30.

Пл. А воды изъ Леты ты не пилъ, Протезилай!

Пр. Пилъ, господинъ, да тоска то ужъ больно сильна!

Пл. Да ты подожди: когда нибудь вѣдь и она придетъ, и тебѣ не надо будетъ уходить на землю.

Пр. Не вынести мнѣ разлуки, Плутонъ! Самъ ты любилъ и знаешь, что такое любовь!

Пл. Да что тебѣ пользы то, на одинъ день ожить, а потомъ опять тѣмъ же томиться!

Пр. А я надѣюсь и ее уговорить, чтобы она пошла со мной къ вамъ, такъ что вмѣсто одного ты въ скорости получишь двухъ мертвецовъ.

Пл. Нельзя этому быть, и не бывало никогда...

Пр. А какъ же, Плутонъ, выдали же вы Орфею по такой же причинѣ Эвридику, да и родственницу мою, Алкесту, отпускали для Геракла!

Пл. Ну чего ты хочешь показаться своей милой въ этакое видѣ, съ голой головой, безъ тѣла? Какъ она бросится къ тебѣ, ей и не узнать тебя! Она перепугается, я навѣрно знаю, и убѣжить и ты даромъ продѣлаешь такое путешествіе!

Персефона. Ну, да устрой ты ему и это, мужекъ: вели Гермесу, какъ только будетъ Протезилай на бѣломъ свѣтѣ, обратить его своей волшебной палочкой въ красиваго юношу, какимъ онъ былъ на свадьбѣ!..

Пл. Ну, если Персефонѣ такъ угодно, такъ отведи его на землю и сдѣлай снова женихомъ... А ты помни: на одинъ день...

Ахиллесъ.—Антилохъ.

Антилохъ. Какъ это было бы непріятно и даже стыдно твоимъ наставникамъ, Ахиллесъ, Хирону и Фениксу, что ты недавно говорилъ Одиссею о смерти! Я слышалъ, какъ ты сказалъ, что лучше хотѣлъ бы служить у послѣдняго мужика въ батракахъ, чѣмъ царствовать надъ всѣми мертвыми!? Такія недостойныя рѣчи приличны, пожалуй, какому нибудь робкому фригійцу, тому, кто до неприличія цѣпляется за жизнь; сыну же Пелееву, безстрашнѣйшему изъ всѣхъ героевъ, великій срамъ такъ низко о себѣ думать; да такія рѣчи противны и тому, какъ ты поступалъ въ жизни,—ты, который не пожелалъ долго, но безславно царствовать во *Ἠтіотидѣ*, а добровольно предпочелъ раннюю смерть съ громкой славой.

Ахиллесъ. Ахъ, сынъ Нестора! Тогда я еще не зналъ, что здѣсь; не понималъ, что изъ двухъ лучше, и эту несчастную ихъ славишку предпочелъ жизни! Теперь же я вижу, что нѣтъ мнѣ отъ нея никакой пользы, сколько бы ни воспѣвали ее всѣ поэты земли: межъ мертвыми всѣ равны; нѣтъ здѣсь, Антилохъ, ни красоты, ни силы, лежимъ мы всѣ здѣсь, въ этомъ мракѣ, одинъ какъ другой, ничѣмъ не отличаясь другъ отъ друга—мертвые троянцы меня не боятся, а мертвые ахейцы мнѣ не услуживаютъ; здѣсь полное равенство и каждый мертвый похожъ на другого, и благородный и подлець... Это меня терзаетъ, и я жалѣю, что я не въ работникахъ, лишь бы быть живымъ...

Ант. Да чего жъ объ этомъ жалѣть-то, Ахиллесъ? Вѣдь таковъ ужъ законъ природы, чтобы всѣ непременно умирали, и надо ужъ подчиниться общей участи и не прать противъ рожна... А кромѣ того, видишь, сколько насъ у тебя товарищей; вскорѣ, во всякомъ случаѣ, придетъ и Одиссей; есть своего рода утѣшеніе въ сознаніи, что непріятность общая и что не одинъ ее переносишь. Видишь, вонъ Гераклъ, Мелеагръ и другіе дивные мужи. Они, я думаю, не согласились бы уйти отсюда, если бы кто-нибудь сталъ высылать ихъ быть слугами у бѣдныхъ и бездольныхъ людей.

Ах. Успокаиваешь ты меня по дружбѣ... Не могу я тебѣ высказать, до чего мучить меня воспоминаніе о землѣ! Да мнѣ кажется, и каждого изъ васъ! А если вы въ этомъ не признаётесь, то вы еще хуже меня, что спокойно это переносите...

Ант. А не лучше ли, Ахиллесъ? Мы видимъ, что говорить бесполезно, и мы рѣшили молча терпѣть и страдать, чтобы жалобами своими не стать, какъ вотъ ты, посмѣшищемъ.

3 (29).

Агамемнонъ.—Дяксъ.

Агамемнонъ. Дяксъ, коли ты въ припадкѣ сумашествія убилъ самого себя, а готовилъ смерть намъ всѣмъ, такъ зачѣмъ ты винишь въ этомъ Одиссея и недавно, когда онъ приходилъ сюда посоветоваться съ прорикателемъ Тиресіемъ, даже не взглянулъ на него, нѣ слова не сказалъ сотоварищу и соратнику, а широко шагая, надменно прошелъ мимо...

Аяксъ. Понятно это, Агамемнонь: онъ одинъ вина моего сумашествія, онъ затѣялъ со мною споръ изъ-за оружія...

Агам. А ты хотѣлъ бы, чтобы соперниковъ тебѣ не являлось, хотѣлъ бы, чтобы тебя признали выше всѣхъ безъ спору?

Аяксъ. Да, конечно! Оружіе это мое родовое— оно моего двоюроднаго брата. Да и всѣ вы, остальные, хоть гораздо лучше его, а отказались отъ состязанія и уступили мнѣ наслѣдство... А этотъ сынъ Лаерта, котораго я столько разъ спасалъ въ сильнѣйшей сѣчѣ отъ фригійцевъ, захотѣлъ быть выше меня и заявилъ, что онъ достойнѣе получить это оружіе!!

Агам. Такъ вина, любезнѣйшій, Ѳетиду: она должна была передать тебѣ, какъ родственнику, наслѣдство, а она вынесла его для состязанія...

Аяксъ. Нѣтъ, виновать Одиссей, онъ одинъ заспорилъ...

Агам. Да это же простительно, Аяксъ, что человѣкъ искалъ славы, этой увлекательнѣйшей вещи, изъ-за которой каждый изъ насъ подвергался опасностямъ, а къ тому же онъ вѣдь и побѣдилъ тебя, по рѣшенію даже троянцевъ.

Аяксъ. Знаю я, кто рѣшилъ противъ меня! Не слѣдъ только говорить чего-либо про боговъ, Одиссея же я не могу не ненавидѣть, хоть бы сама Афина мнѣ велѣла...

Эакъ.—Менелай.—Парисъ.—Протезилай.

Эакъ. Что ты, Протезилай, схватилъ и душишь Елену?

Протезилай. А то, что изъ-за нея я погибъ, оставивъ неоконченнымъ свой домъ и молодую жену вдовой!..

Эакъ. Такъ вини скорѣе Менелая, который повелъ васъ на Трою изъ-за этой женщины!

Пр. Это правда! Ему надо задать!

Менелай. Не мнѣ, другъ мой! А лучше Парису, который, поправъ все святое, бѣжалъ, похитивъ жену у меня, своего друга! Его надо душить не только тебѣ, но и всѣмъ грекамъ и варварамъ, которые въ такомъ огромномъ числѣ погибли изъ-за него...

Пр. Правда! Ну, тебя, Парисъ проклятый, я не выпущу изъ рукъ!

Парисъ. Несправедливо это, Протезилай, несправедливо! Мы съ тобой—два сапога пара. И я былъ такъ же страстно влюбленъ; тому же богу, что и ты, покорствовалъ и я! Самъ знаешь, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, знаешь, что богъ этотъ вертитъ нами и что противиться ему невозможно!

Пр. А вѣдь правда твоя! О-о! Если бы мнѣ можно было поймать здѣсь Эрота!!!

Эакъ. А я и Эрота предъ тобой стану защищать! Онъ вѣдь скажетъ, что, поддавшись любви, ты такъ же виноватъ, какъ и Парисъ, и въ смерти своей не вини никого другого кромѣ себя за то, что, позабывъ молодую жену, ты подъ Троей такъ безразсудно и неосторожно бросился

впередъ, жаждающая славы,—за то первымъ и погибъ при самой высадкѣ!..

Пр. А я и себя стану предъ тобой оправдывать Эакъ: виноватъ въ этомъ не я, а Судьба и изъ вѣку такъ было predetermined!

Эакъ. Вотъ это такъ! Такъ за что ты этихъ-то обвиняешь?!

5 (16).

Диогенъ.—Геракль.

Диогенъ. Не Геракль-ли это? Ей Богу—онъ! Лукъ, палица, львиная шкура, его ростъ... Это, дѣйствительно, Геракль!! — Такъ ты умеръ, хоть и сынъ Зевса? Скажи ты мнѣ, дѣтинушка, ты мертвъ? А я-то на землѣ приносите тебѣ жертвы, какъ богу!..

Геракль. И законно приносилъ: самъ то Геракль на небѣ, съ богами, и женатъ на лѣноногой Гебѣ, а я—его тѣнь...

Диог. Какъ ты говоришь? Тѣнь бога? Да развѣ возможно кому-нибудь на половину быть богомъ, а другой половиной умереть?

Гер. Конечно; не онъ умеръ, а я, его образъ.

Диог. А, понимаю! Онъ тебя подсунулъ Плу-тону, вмѣсто себя, ты вмѣсто него умеръ.

Гер. Да, да, въ такомъ родѣ.

Диог. Но какъ же Эакъ, такой внимательный, не досмотрѣлъ, что ты—не онъ, и принялъ тебя, поддѣльнаго Геракла, за настоящаго?!

Гер. Да я очень похожъ на него.

Диог. А, вотъ что! Какъ двѣ капли воды?!... Но послушай-ка, не наоборотъ ли: можетъ быть, ты то и есть Геракль, а тотъ, твоя тѣнь, на небѣ женатъ на Гебѣ?

Гер. Нахаль ты и болтунъ. Если не перестанешь шпынять меня, сейчасъ узнаешь, чья я тѣнь!..

Диог. Вижу я твой лукъ... да мнѣ чего бояться, разъ я уже умеръ? А лучше скажи-ка ты, вмѣсто того-то твоего Геракла: когда онъ былъ живъ, ты тоже былъ съ нимъ, какъ его тѣнь? Въ жизни, можетъ быть, вы оба были одно, а когда умерли, такъ и подѣлились: одинъ вознесся къ богамъ, а ты, тѣнь, какъ и слѣдовало, въ адъ прослѣдовалъ?

Гер. Не слѣдъ бы и разговаривать съ такимъ придирой, но, ужъ такъ и быть, слушай: что въ Гераклѣ было Амфитріоново, то и умерло, и я и есть это все, а что Зевсово—то на небѣ съ богами.

Диог. А, теперь понимаю хорошо! Значить Алкмена родила васъ двухъ, составившихъ одного Геракла: одного отъ Амфитріона, другого отъ Зевса, только не замѣтили, что тутъ два близнеца!

Гер. Да нѣтъ, дуракъ! Оба мы вмѣстѣ были онъ самъ!

Диог. Да очень это не легко понять, что два Геракла были одинъ; развѣ вотъ вы были въ родѣ какъ бы кентавры, такъ сказать, сросшійся богъ и человѣкъ.

Гер. А развѣ не видишь ты, что всѣ такъ же сросшися—изъ души и тѣла? И что же тогда мѣшаетъ душѣ, такъ какъ она отъ Зевса, быть на небѣ, а мнѣ, смертному, быть съ мертвыми?

Диог. Но, милѣйшій мой Амфитріонычъ, это было бы хорошо, если бы ты былъ тѣломъ; а то, такъ какъ ты теперь уже безтѣлесная тѣнь, то выходитъ, что ты сдѣлалъ Геракла уже тройственнымъ.

Гер. Какъ тройственнымъ?

Диог. Да такъ: одинъ на небѣ, ты вотъ—съ нами—тѣнь, а тѣло на Этѣ, обратившееся уже въ прахъ. Вотъ и выходитъ—васъ трое! Сообрази же—кого третьяго ты придумалъ бы въ отцы для своего тѣла?

Гер. Шпынь ты и крючокъ... Да кто ты такой?

Диог. А я—тѣнь Діогена синопца. И самъ я постоянно не съ богами, славу Богу, а съ лучшимъ изъ мертвыхъ—съ Гомеромъ, и смѣюсь надъ всякой болтовней...

6 (27).

Антисеенъ.—Діогенъ.—Кратесъ.—Ничій.

Діогенъ. Антисеенъ! Кратесъ! дѣлать намъ нечего, не пойти-ли намъ прогуляться къ воротамъ; посмотримъ на входящихъ, каковы они и что каждый дѣлаетъ?

Антисеенъ. Пойдемъ, Діогенъ! Интересное, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище глядѣть, какъ одни плачутъ, другіе упрашиваютъ чтобъ ихъ отпустили, третьи еле-еле ноги переставляютъ, такъ что Гермесъ ихъ въ шею толкаетъ, а они упираются и даже на землю ложатся!..

Кратесъ. А по дорогѣ я вамъ расскажу, что я видѣлъ, когда я сходилъ.

Диог. Расскажи, Кратесъ! Кажется, ты что то очень забавное видѣлъ.

Кр. Много шло съ нами разнаго народу, въ числѣ другихъ выдѣлялись Исменодоръ, нашъ извѣстный богачъ, мидійскій военачальникъ Арсакъ и арменіецъ Ореть. Исменодоръ—онъ былъ убитъ разбойниками около Киоерона, на пути,

кажется, въ Элевзинѣ—стонать, руками прижимать рану, горевать по малыхъ своихъ дѣтяхъ и упрекать себя въ неосторожности, что вздумать, имѣя съ собою пять золотыхъ фіаловъ и четыре чаши, переваливъ Киѳеронъ проходить всего съ двумя рабами Елевѳеры, совсѣмъ опустошенныя войною; Арсакъ, человѣкъ уже пожилой и, правду сказать, на видъ почтенный, какъ истый варваръ, сердился и ворчалъ, что идетъ пѣшкомъ, и требовалъ, чтобъ ему подвели коня; съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, палъ и его конь; они были убиты оба однимъ и тѣмъ же ударомъ, который ему нанесъ какой-то еракіецъ въ схваткѣ на Араксѣ, противъ Каппадокійцевъ: Арсакъ, какъ онъ рассказывалъ, ѣхалъ слишкомъ опередивъ всѣхъ остальныхъ, и какой-то еракіецъ, появившись вдругъ предъ нимъ, щитомъ отвелъ ударъ копья Арсака, а своимъ копьемъ убилъ сразу его и его коня.

Ант. Кратесъ, могло ли это быть съ одного удара?

Кр. Совершенно свободно, Антисѳенъ: Арсакъ полетѣлъ, выставивъ впередъ свое копье въ 20 локтей длины, а еракіецъ отклонилъ этотъ ударъ щитомъ, такъ что копье въ него не попало, а самъ, принавъ сію же секунду на колѣно, выставилъ свою сариссу; ударъ пришелся въ грудь коня, который съ разбѣгу пронзилъ самого себя да такъ, что и Арсаку копье угодило въ пахъ и проткнуло его насквозь; видишь, какъ это вышло; устроила это болѣе лошадь, чѣмъ человѣкъ. Такъ вотъ онъ и досадовалъ, что ему такой же почетъ, какъ и всѣмъ другимъ, и просился ѣхать верхомъ. А Оретъ такъ и совсѣмъ

паль на обѣ ноги, такъ что онъ и стоять не могъ, не то, что идти; это у всѣхъ мидянъ, какъ только они сойдутъ съ коней, они еле идутъ, какъ то на цыпочкахъ, словно межъ терновника ступаютъ.. Напоследокъ онъ бросился на земь и легъ, и низачто вставать не хотѣлъ, такъ что Гермесъ подхватилъ его да и донесъ до лодки. Вотъ я смѣялся!

Ант. И я, когда сходилъ, не присталъ къ другимъ, но бросилъ ихъ и, пока они всѣ вопили, побѣжалъ себѣ въ лодку и занялъ тамъ мѣсто получше, чтобы удобнѣе ѣхать... Въ дорогѣ тѣ плакали, ихъ рвало, а я то надъ ними подтрунивалъ.

Диог. Вотъ какіе были у васъ спутники, Антисеенъ и Кратесъ. А со мной шли: ростовщикъ Блепсій, знаете, изъ Писы, акарнанецъ Ламписъ, предводитель наемниковъ. и Дамисъ изъ Коринѳа, богачъ. Дамисъ умеръ отъ яду, поднесеннаго ему сыномъ, Ламписъ зарѣзался отъ любви къ красавицѣ Миртіи, а Блепсій, говорятъ, умеръ—несчастный!—отъ голода, да на то и похоже, потому что онъ шелъ блѣднѣе смерти и тощъ былъ до послѣдней степени. Я же, хоть зналъ все это, сталъ ихъ спрашивать, отчего они умерли. И когда Дамисъ сталъ жаловаться на сына, я ему и говорю: „по дѣломъ, братъ, ты пострадалъ, изъ за самого себя, если, имѣя чуть не тысячу талантовъ и проживая въ роскоши девяностый годъ, восемнадцатилѣтнему сыну давалъ по четыре оболъ къ день! А ты, братъ, акарнанецъ—онъ стоналъ и вздыхалъ по своей Миртіи—что ты обвиняешь Эрота, себя вини! Какъ! ты, который никогда не трепеталъ предъ

врагами и безстрашно сражался за других—изъ за какой-то встрѣчной дѣвченки плачешь и взы-хаешь!? Да ты притворяешься, милѣйшій!“ А Бле-сій самъ себя винилъ, что ускорилъ смерть своею глупостью, что все берегъ свое золото, чортъ знаетъ для какихъ наслѣдниковъ,—словно, по глу-пости, думалъ жить вѣчно. Большую они мнѣ забаву доставили своими стонами!... Но вотъ мы ужъ и у воротъ; ну ка, посмотримъ, посмотримъ, какъ сюда издали подходить... Господи! Сколько тутъ ихъ, какая пестрая толпа... И всѣ то пла-чутъ, кромѣ вотъ этихъ новорожденныхъ мла-денцевъ, плачутъ и глубокіе старики... И что это у нихъ какая любовь къ жизни!! Спрошу-ка я вотъ этого стараго старика... Чего ты плачешь, умерши въ такихъ годахъ? О чемъ ты жалѣешь, другъ любезный, приходя сюда въ такихъ лѣ-тахъ! Или ты былъ гдѣ нибудь царемъ?

Нищій. Какое!!

Діог. Ну—сатрапомъ?

Нищ. Да нисколько!!

Діог. Ну, такъ ты былъ богатъ и тебѣ жалко, что, умерши, ты потерялъ свою роскошную жизнь?

Нищ. Да ничего подобнаго... А лѣтъ мнѣ подъ 90, жилъ я бѣдно, рыбачилъ кой-какъ, просто сказать, нищій я, бездѣтенъ, да еще и хромъ я и еле вижу...

Діог. И ты всетаки желалъ жить?

Нищ. Вѣстимо... Любо жить и видѣть свѣтъ... а умирать—страшно неохота...

Діог. Въ дѣтство ты, старикъ, впадаешь и су-дишь, какъ ребенокъ, хоть ты почти ровесникъ перевозчику этому!.. Ну что же сказать о моло-

дыхъ, если и такіе старики любятъ жизнь, хоть бы имъ слѣдовало гнаться за смертью, какъ за лекарствомъ отъ бѣды старости!.. Но пойдемъ-ка назадъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, что мы хотимъ улигнуть, что все у воротъ вертимся...

7 (11).

Диогенъ.—Кратесъ.

Кратесъ. Знавалъ ты, Диогенъ, Мериха, очень богатаго человѣка, изъ Кориноа, у котораго цѣлый караванъ торговыхъ судовъ? Еще его родственникъ, Аристей, и самъ очень богатый человѣкъ, ему постоянно приговаривалъ гомеровскій стихъ: „Иль ты меня срази, иль я тебя“!

Диогенъ. А почему, Кратесъ?

Кр. Они другъ за дружкой ухаживали, каждый изъ за наслѣдства другого; они оба были въ однихъ годахъ; и завѣщанія свои они утвердили: Мерихъ сдѣлалъ наслѣдникомъ всего своего состоянія Аристей, если самъ умретъ раньше, а Аристей—Мериха, если этотъ его переживетъ. Такъ они и написали, и ужасно ухаживали одинъ за другимъ, стараясь другъ друга превзойти въ лести. И не только гадатели, по звѣздамъ ли предсказывающіе будущее, или по снамъ, какъ халдеи, но самъ Пифійскій богъ, то Аристейю обѣщалъ счастье, то Мериху: вѣсы колебались въ сторону то одного, то другого...

Диог. Ну, а каковъ же былъ этому конецъ, Кратесъ? Интересно послушать.

Кр. Оба умерли въ одинъ день и наслѣдства ихъ перешли къ Эвномію и Фразиклу, ихъ родственникамъ, которые ни о чемъ подобномъ не

думали, не гадали: тѣ то оба поѣхали изъ Си-
кіона въ Кирру, а посреди пути ихъ и опроки-
нуло неожиданнымъ порывомъ вѣтра!

Диог. Вотъ и прекрасно!.. Мы, пока были въ
живыхъ, ничего подобнаго другъ другу не замы-
слили: ни я никогда не молилъ смерти Антис-
еену, чтобы унаслѣдовать его батога—у него
былъ здоровенный, оливковый—ни ты Кратесъ,
надѣюсь не мечталъ наслѣдовать отъ меня мое
имущество: ни глянющую мою бочку, ни мою
суму, въ которой у меня бывало бобовъ на цѣ-
лыхъ два дня!

Кр. Ничего этого мнѣ не нужно было, да и
тебѣ тоже, Діогенъ... А что было нужно, ты уна-
слѣдовалъ у Антисеена, а у тебя я, и это больше
и важнѣе царства Персидскаго!

Диог. Ты о чемъ это говоришь?

Кр. О мудрости, умѣренности, правдивости,
прямодушіи, свободѣ...

Диог. Вотъ это вѣрно, ей Богу! Это богатство я по-
лучилъ отъ Антисеена и тебѣ передалъ, еще уве-
личивъ его!

Кр. А всѣ прочіе объ этомъ богатствѣ не думали,
и никто за нами увивался, чтобы получить часть
въ такомъ наслѣдствѣ: всѣ на золото зарились.

Диог. Да и понятно! Что стали бы они дѣлать,
получивъ отъ насъ такое наслѣдство?! Они такъ
отъ изнѣженной жизни испорчены, что словно ды-
рявые мѣшки: если и насыпать имъ мудрости, пря-
модушія, истины, все сейчасъ просыплется и про-
падетъ,—кишка, какъ говорится, не выдерживаетъ!
Словно, какъ Данаиды, возятся, наливая продыра-
вленную бочку... А золото они и зубами, и ког-
тями, и всякими способами берегутъ!

Кр. И вотъ, у насъ и здѣсь остается наше богатство, а они пришли сюда съ однимъ оболомъ, да и его то донесли только до Харона!

8 (24).

Диогенъ.—Мавзолъ.

Диогенъ. Каріецъ, чѣмъ ты такъ гордишься, что считаешь себя выше всѣхъ насъ?

Мавзолъ. И царской властью, синопецъ: я царствовалъ надъ всей Каріей, надъ частью Лидіи, покорилъ нѣсколько острововъ, до Милета доходилъ, подчиняя себѣ большую часть Іоніи; и красивъ я былъ, и великъ, и мощенъ въ битвахъ. А всего болѣе горжусь я тѣмъ, что въ Галикарнасѣ мнѣ воздвигнуть огромнѣйшій памятникъ, и никому другому нѣтъ памятника столь большого и столь изукрашеннаго превосходными изображеніями людей, коней, сдѣланныхъ какъ живые изъ такого красиваго камня, что не часто и для храмовъ такой употребляется. Неужели, по твоему, я не долженъ всѣмъ этимъ гордиться?

Диог. Гордиться царскою властью, красотою и большимъ памятникомъ?

Мав. Ну да, конечно.

Диог. Но, любезнѣйшій Мавзолъ, теперь у тебя вѣдь нѣтъ ни прежней силы, ни прежней красоты. Если мы теперь пригласимъ кого-нибудь судьей красоты, я не знаю, почему бы онъ предпочелъ твой черепъ моему: у обоихъ у насъ голова безволосая, голая, оба мы одинаково оскалили зубы; у обоихъ насъ нѣтъ ни глазъ, ни носа. А твой памятникъ и превосходный тотъ камень Галикарнасцамъ рѣшительно все равно было бы

показывать чужестранцамъ и хвастаться всѣмъ этимъ, какое бы зданіе ни было изъ него сооружено. И ты, милѣйшій, кажется, ничего отъ всего этого не получаешь; развѣ что вотъ только говоришь намъ, что ты лучше другихъ, потому что на тебя давать такіе отличные камни.

Мав. Такъ все это для меня бесполезно и Мавзолъ равенъ Діогену?!

Діог. Не равенъ, другъ любезный, не равенъ! Мавзолъ пойдетъ стонать, вспоминая то, что на землѣ и въ чемъ онъ почитаетъ благо, а Діогенъ станетъ смѣяться надъ нимъ, Мавзолъ всѣмъ будетъ говорить, что надъ нимъ поставленъ памятникъ Артемизіей, его сестрою и супругой, а Діогенъ говорить, что онъ не знаетъ, есть ли надъ его тѣломъ какой памятникъ—это его нисколько не заботило,—но что онъ оставилъ по себѣ отличную память, проживъ честно жизнь, память, которая попрочнѣе твоей, жалчайшій изъ карійцевъ, хотя ты и похороненъ въ такомъ надежномъ мѣстѣ.

9 (13).

Александръ.—Діогенъ.

Діогенъ. Что это, Александръ? И ты умеръ, какъ мы всѣ?!

Александръ. Какъ видишь, Діогенъ; да и не удивительно, что я умеръ, разъ я человѣкъ.

Діог. Такъ оракуль Зевса-Аммона совралъ, сказавъ, будто ты его сынъ,—ты былъ сыномъ Филиппа?

Ал. Значить, Филиппа; будь я сынъ Зевса, я бы не умеръ.

Диог. Значить, и на Олимпіаду тоже наврали, будто она жила съ дракономъ, будто его даже видали у нея на ложѣ, и что ты отъ этого явился на свѣтъ, и что будто Филиппъ обманывался, полагая, что ты его сынъ.

Ал. Слыхалъ я все это, какъ вотъ и ты; теперь же вижу, что не говорили правды ни мать моя, ни пророки Аммона...

Диог. Но ихъ обманъ былъ не бесполезенъ для тебя, Александръ, въ твоихъ дѣлахъ: многіе тебя трепетали, считая тебя за бога... А скажи-ка ты мнѣ, кому ты оставилъ свою огромную державу?

Ал. А не знаю, Діогенъ! Я не успѣлъ о ней распорядиться или, лучше сказать, только передалъ, умирая, перстень Пердиккѣ... Чему же ты смѣешься, Діогенъ?!

Диог. Да какъ мнѣ не смѣяться!? Я вспомнилъ, что выдѣлывала Греція, когда ты только что захватилъ власть: какъ тебѣ льстили, и главою тебя выбирали, и вождемъ противъ варваровъ, иные причисляли тебя къ сонму верховныхъ боговъ, и храмы тебѣ воздвигали, и жертвы тебѣ приносили, какъ сыну дракона!.. А скажи-ка, гдѣ тебя македонцы похоронили?

Ал. Лежу я еще въ Вавилонѣ вотъ ужъ тридцатый день... Но мой оруженосецъ, Птолемей, общается, какъ только ему удастся возстановить спокойствіе вмѣсто продолжающихъ еще смуть, перевезти меня въ Египетъ и похоронить тамъ, чтобы мнѣ стать однимъ изъ египетскихъ божествъ!..

Диог. Ну какъ не смѣяться, Александръ, видя, что ты еще и въ аду то глумишь и надѣешься стать Анубисомъ или Озирисомъ! Не надѣйся, мой божественный! Кто разъ переѣхалъ черезъ

наше озеро и вступилъ во врата адовы, не выйти тому никуда! Эакъ не безпечень, а Церберъ не смиренъ!.. А вотъ что я хотѣлъ бы отъ тебя услышать: какъ ты себя чувствуешь, когда вспоминаешь, какое богатство и величiе покинулъ ты ушедши сюда: тѣлохранителей, оруженосцевъ, сатраповъ, массу золота, поработанные народы, Вавилонъ, Бактру, рѣдкостныхъ звѣрей, почетъ, славу, весь этотъ блескъ, когда ты появлялся съ блестящей діадемой на головѣ, облеченный въ порфиру... Тебя не огорчаетъ это, когда приходитъ тебѣ на память?.. Что? Ты плачешь, глупенькій?! Неужели мудрый Аристотель не выучилъ тебя не почитать за вѣрное дары счастья?!

Ал. Онъ-то! Этотъ льстивѣйшій изъ всѣхъ философовъ!? Позволь ужъ мнѣ знать, что сдѣлалъ Аристотель, что онъ у меня выпрашивалъ, чему онъ меня училъ, какъ онъ злоупотреблялъ моею жаждой знанiя, какъ онъ и льстилъ и восхищался то моею красотой, словно въ этомъ есть хоть частица истинно хорошаго, то моими поступками и богатствомъ: онъ и богатство почиталъ благомъ и не стыдился самъ отъ меня брать. Это былъ, Дiогенъ, настоящiй шарлатанъ и пройдоха. Изъ всей его мудрости только я и вынесъ, что печалюсь будто о великихъ благахъ, обо всемъ томъ, что ты только что перечислил!

Дiог. Знаешь, что тебѣ надо сдѣлать? Я тебѣ дамъ средство отъ этой печали. Лѣкарства отъ глупости здѣсь нѣтъ, а ты пей воду изъ Леты и пей почаще, почаще, да побольше. Тогда перестанешь печалиться объ Аристотелевскихъ благахъ... Но я вижу Клита, Каллисѣена и еще кого-то, которые хотятъ тебя схватить, чтобы растерзать

въ отплату за то, что ты съ ними сдѣлалъ... Такъ ты ужъ уходи другой дорогой, да пей побольше здѣшной водицы, какъ я тебѣ сказалъ.

10 (14).

Филиппъ—Александръ.

Филиппъ. Ну, Александръ, теперь ты не станешь отрицать, что ты мой сынъ: будь ты сыномъ Зевса, ты бы не умеръ?!

Александръ. Да самъ-то я отлично зналъ, что я сынъ Филиппа и внукъ Аминты; я призналъ пророчество оракула вѣрнымъ, находя, что это полезно для меня...

Фил. Что такое? Ты думалъ, что полезно дать себя въ обманъ жрецамъ?!

Ал. Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что варвары трепетали предо мною и никто не противостоялъ мнѣ, думая, что это значитъ сражаться съ богомъ, и я легче ихъ покорилъ.

Фил. Да кого ты и побѣдилъ-то изъ людей, достойныхъ вниманія? Ты имѣлъ всегда дѣло съ дрянью, которая вооружена луками, маленькими щитами, иногда просто плетеными изъ ивовыхъ прутьевъ. Побѣдить эллиновъ, беотійцевъ, фокейцевъ, аеинянъ, это—другое дѣло! Разбить аркадскихъ гоплитовъ или вессалійскую конницу, элейскихъ или мантинейскихъ копейщиковъ, еракійцевъ, иллирійцевъ, пеоновъ, это — не шутка! А какъ побѣдили твои войска, подъ начальствомъ Клеарха мидянъ, персовъ, халдеевъ, этихъ раззолоченныхъ и разряженныхъ воиновъ, — ты развѣ не знаешь? Они въ рукопашную даже и вступать

не рѣшились, а бѣжали прежде чѣмъ стрѣлять въ нихъ стали.

Ал. Ну, батюшка, скинемъ и индѣйскіе слоны это—тоже не пустяки! А кромѣ того я, вѣдь, побѣждалъ безъ интригъ, на измѣну не надѣялся и не покупалъ побѣды деньгами; я ради побѣды никогда никого не подводилъ, не нарушалъ клятвъ, ничего подозрительнаго не дѣлалъ. Эллиновъ я подчинилъ себѣ безъ пролитія крови, а какъ я наказалъ оиванцевъ, ты, поди-ка знаешь...

Фил. Знаю, все знаю: мнѣ рассказалъ Клитъ, котораго ты дротикомъ хватилъ на пиру за то, что онъ осмѣлился меня восхвалять по сравненію съ твоими дѣлами. Да ты еще, оставивъ македонскую хламиду и одѣвшись, какъ говорятъ, по персидски, требовалъ земныхъ поклоновъ отъ македонянъ, свободныхъ людей, а что ужъ всего смѣшнѣе—сталъ подражать побѣжденнымъ!! О другомъ я ужъ и не говорю: какъ ты львами травилъ благородныхъ людей, какъ много разъ женился, какъ влюбился въ Гефестіона... Слыша рассказы о тебѣ, я одно только одобрилъ, именно, что ты не коснулся красавицы, жены Дарія, и позаботился о его матери и сестрахъ. Это ты сдѣлалъ по царски.

Ал. А отваги моей ты не хвалишь, отецъ? въ Оксидракѣ я первымъ взшелъ на стѣну, а раненъ я былъ много разъ!

Фил. Этого я не похваляю, Александръ, не потому, чтобы я думалъ, что нехорошо иногда царю и получить рану и подвергаться опасности во главѣ войска, но потому, что именно для тебя это менѣе всего подходило: вѣдь, разъ тебя считали богомъ, то видѣть, что ты раненъ, что тебя выно-

сать изъ строя истекающимъ кровью и стонущимъ отъ боли, было очень смѣшно, и оракуль Аммона оказывался шарлатаномъ и вралемъ, а жрецы его—лъстецами. Кто бы могъ удержаться отъ смѣха, видя сына Зевса въ безпамятствѣ и нуждающимся въ помощи врачей? А теперь, когда ты уже умеръ, какъ ты думаешь: не много есть такихъ, которые глумятся надъ поддѣлкой, видя хладный трупъ бога, который уже гниетъ и смердитъ, какъ всѣ тѣла вообще? А кромѣ того, твое признаніе, что потому ты съ большею легкостью побѣждалъ, очень уменьшаетъ славу твоихъ дѣлъ: если это сдѣлано богомъ, то это вовсе не много.

Ал. Не такъ думаютъ обо мнѣ люди: они ставятъ меня вровень съ Геракломъ и Діонисомъ. Я покорилъ страны, куда до меня никто и не проникалъ!

Фил. Вотъ опять ты заговорилъ какъ сынъ Зевса, и равняешь себя съ Геракломъ и Діонисомъ!.. Не стыдно ли тебѣ, Александръ, что ты не избавился отъ своей надменности, не позналъ самого себя и не одумался даже послѣ смерти-то!

11 (12).

[Миносъ—Александръ—Аннибалъ—Сципіонъ.

Александръ. Меня должно почитать больше чѣмъ тебя, ливіецъ: я выше!

Аннибалъ. Нѣтъ, меня!

Ал. Пусть насъ разсудитъ Миносъ!

Миносъ. Вы кто такіе?

Ал. Это—кареагенянинъ Аннибалъ, а я—Александръ, сынъ Филиппа.

Мин. Ого... оба вы знамениты! А споръ у васъ о чемъ?

Ал. О превосходствѣ: онъ говоритъ, что онъ былъ лучший полководецъ, чѣмъ я, а я говорю, что всѣмъ извѣстно, что не только его военные подвиги, но подвиги всѣхъ далеко ниже моихъ.

Мин. Ну, говорите, только не оба вмѣстѣ; говори первымъ ты, карѳагенянинъ!

Анн. Я, Миносъ, здѣсь извлекъ ту выгоду, что выучился по гречески, и въ этомъ то ужъ онъ не выше меня. Я говорю, что наибольшей похвалы заслуживаютъ тѣ, кто, не будучи первоначально ничѣмъ, затѣмъ выдвинулись своими дарованіями и были признаны достойными власти. И вотъ я, явившись въ Иберію во главѣ незначительнаго отряда и бывъ сначала помощникомъ брата, затѣмъ, признанный всѣми за замѣчательнѣйшаго человѣка, достигъ высшихъ почестей, покорилъ кельтиберовъ, побѣдилъ западныхъ галатовъ, перешедши огромные хребты горъ прошелъ по всей Эриданской области, сравнялъ съ землею множество городовъ, овладѣлъ равнинною Италіей, дошелъ до предмѣстій знаменитаго города и убилъ въ одинъ день столько воиновъ, что мѣрами мѣрили ихъ перстни, а рѣки были запружены тѣлами мертвыхъ... И все это я совершилъ, не называясь сыномъ Зевса, не представляя себя богомъ, не ссылаясь ни на какіе сны своей матери, а признавая, что я человѣкъ, и сражаясь противъ отличныхъ полководцевъ и храбрѣйшихъ солдатъ, а не противъ какихънибудь мидянъ или ассирійцевъ, которые бѣгутъ еще прежде чѣмъ ихъ погонять, и почти не оспариваютъ побѣды у смѣло нападающаго.

Александръ же, унаслѣдовавъ власть отъ отца, распространилъ ее и усилилъ опираясь преимущественно на счастливый случай. Когда онъ окончательно разбилъ при Иссеѣ и при Арбелахъ несчастнаго этого Дарія, онъ, презрѣвъ обычаи родины, потребовалъ себѣ поклоненія, сталъ вести развратный мидійскій образъ жизни и на пирушкахъ сталъ убивать и отсылать на казнь своихъ друзей. А я, первенствуя въ отчизнѣ, не измѣнилъ своего характера, и когда родина подъ страшнымъ напоромъ огромной массы враговъ, переправившихся въ Ливію, вызвала меня изъ Италіи—я немедленно повиновался, затѣмъ покорно удалился въ частную жизнь, а когда меня осудили, я покорно перенесъ и это. И я все это сдѣлалъ, хоть я—варваръ, хоть не получилъ классическаго воспитанія, хоть не выросъ, какъ Александръ, на рапсодіяхъ Гомера и не былъ ученикомъ знаменитаго Аристотеля, сдѣлалъ благодаря единственно своимъ природнымъ дарованіямъ. Вотъ почему я утверждаю, что я выше Александра. Или онъ лучше меня потому, что на головѣ у него діадема? Въ глазахъ македонцевъ это много значить, но нельзя же за это признать его выше благороднаго воителя, который во всемъ болѣе обязанъ своему великому духу, нежели счастью!

Мин. А вѣдь не дурно онъ сказалъ, хоть бы и не ливійцу впору!.. Что ты, Александръ, скажешь противъ?

Ал. Не слѣдовало бы мнѣ просто и говорить съ такимъ наглцемъ, Миносъ: общая молва вполне достаточна для того, чтобы ты могъ судить, какой я былъ царь, какой онъ—разбойникъ. Но слушай, кратко въ возражу ему.

Юношей я выступилъ на поприще общественной дѣятельности; я унаслѣдовалъ колеблющуюся власть, но наказалъ убійцъ отца и, быстро устранивъ Элладу раззореніемъ Фивъ, я былъ избранъ греками въ предводители. Я не считалъ достойнымъ себя пешихъ только о Македонскомъ царствѣ и довольствоваться властью надъ тѣми, кого оставилъ мнѣ отецъ, — я задумалъ покорить весь міръ; мнѣ казалась невыносимой мысль, что я не одержу верха надъ всѣми. Съ небольшимъ войскомъ переправился я въ Азію, выигралъ блестящее сраженіе при Граникѣ, овладѣлъ Лидіей, Іоніей, Фригіей и всѣми ближайшими областями; затѣмъ я подошелъ къ Иссѣ, гдѣ ожидалъ меня Дарій со многими десятками тысячъ войска. И вы знаете здѣсь, Миносъ, сколько я вамъ прислалъ мертвыхъ въ одинъ день!.. Говорятъ, вѣдь, что перевозчикъ не успѣвалъ всѣхъ перевозить въ лодкѣ и что многихъ переправилъ на насоро сколоченныхъ плотяхъ. И совершилъ я это, лично подвергаясь опасности, и даже былъ раненъ. И не говоря уже о томъ, что совершилъ я при въ Тирѣ и при Арбелахъ, я вѣдь дошелъ до Индіи, океанъ сдѣлалъ я границею своихъ владѣній, забралъ тамъ слоновъ, царя Пора взялъ въ плѣнъ; конныхъ скивовъ, народъ незначительный, я разбилъ, перешедши Танаисъ, въ огромномъ сраженіи. Друзьямъ я благодѣтельствовалъ, недруговъ защищалъ. А если я и казался людямъ богомъ, то простительно, что пораженные величіемъ моихъ дѣлъ они этому вѣрили. И въ концѣ концовъ, я и умеръ царемъ, а этотъ—какъ, впрочемъ, и слѣдовало ему, этому

кровожадному злодѣю, — жалкимъ бѣглецомъ у Прузіи въ Виѣннѣ. Я не буду говорить, какъ онъ покорилъ италійцевъ: не силою, а разными пакостями, хитростью, вѣроломствомъ; блестящаго же и достойнаго ничего тутъ не было. А если онъ меня порицаетъ за роскошный образъ жизни, то, значить, онъ забылъ, что дѣлалъ въ Капуѣ, гдѣ онъ проводилъ все время съ развратницами и достойнымъ удивленія образомъ погубилъ то, что приобрѣлъ войной. Если бы я не стремился преимущественно на востокъ, считая, что западъ слишкомъ для меня ничтоженъ, то неужели же для меня представило бы малѣйшее затрудненіе покорить Италію почти безъ пролитія крови, взять Ливію и дойти до Гадеса! Мнѣ просто казалось это недостойнымъ битвъ: тамъ и такъ меня трепетали и называли господиномъ... Я сказалъ свое, Минось; теперь рѣшай. Довольно того, что сказано!..

Сципіонъ. Рѣшай, однако, не прежде, чѣмъ меня выслушаешь.

Мин. А ты кто, любезнѣйшій? Откуда ты, чтобы здѣсь говорить?

Сц. Я—римлянинъ Сципіонъ, полководецъ, покорившій Картагенъ и разбившій ливійцевъ въ большихъ сраженіяхъ.

Мин. Ну, что же ты скажешь?

Сц. Скажу, что я ниже Александра, но выше Аннибала, такъ какъ я его, разбивъ, обратилъ въ постыдное бѣгство. Какъ же онъ наглъ, что спорить съ Александромъ, съ которымъ равняться не смѣю я, его побѣдитель!..

Мин. Вотъ умно говоришь, Сципіонъ, ей-Богу! Итакъ, первымъ признается Александръ, за

нимъ—ты, а ты, Аннибаль, уже затѣмъ, третьимъ; да и это не мало!:

12 (1).

Полидевкъ.—Диогенъ.

Диогенъ. Полидевкъ, ты, вѣдь, скоро уходишь,—если не ошибаюсь, завтра твоя очередь оживать,—такъ скажи ты, пожалуйста, Мениппу, цинику, если увидишь его гдѣ нибудь,—а найти его ты можешь въ Коринѣ у Краніона, или въ Ликее, онъ тамъ смѣется надъ философами, вѣчно спорящими между собою,—скажи ты ему, что, дескать, Диогенъ зоветъ тебя, если ужъ ты довольно насмѣялся надъ тѣмъ, что на землѣ, идти къ нему, тамъ ты еще болѣе найдешь того, что достойно смѣху! На землѣ то у тебя смѣхъ еще съ сомнѣніемъ, особенно когда ты касаешься того, что ждетъ насъ за гробомъ, а въ Аидѣ ты, навѣрное, будешь непрерывно хохотать, какъ вотъ я теперь, особенно когда увидишь богачей, сатраповъ, тиранновъ такими то жалкими, такими то скромными, выдѣляющихся только своими стонами, когда они безсильно и униженно вспоминаютъ то, что на землѣ. Скажи ему это, да напослѣдъ еще, чтобы онъ приходилъ сюда, захвативъ въ котомку побольше бобовъ, да можетъ, найдетъ онъ гдѣ нибудь на перекресткѣ ужинъ Гекаты, или очистительное яйцо или что нибудь въ этомъ родѣ.

Полидевкъ. Хорошо, передамъ, Диогенъ, только бы мнѣ знать, каковъ онъ изъ себя?

Диог. Онъ лысый старикъ, въ отрепанномъ плащѣ, который разлетается на немъ отъ легкаго вѣтерка, съ заплатами всѣхъ цвѣтовъ. Онъ вѣчно смѣется, особенно надъ философами пустозвонами.

Пол. По этимъ признакамъ найти его легко...

Диог. Можетъ быть, позволишь дать тебѣ порученіе и къ этимъ философамъ?

Пол. Пожалуйста, мнѣ не трудно...

Диог. Посовѣтуй ты имъ бросить пустословіе, не спорить объ общихъ понятіяхъ, не подносить другъ другу „рогатыхъ силлогизмовъ“, не пускать „крокодиловъ“, и не заниматься такими бессмыслицами, когда учать молодыхъ людей.

Пол. А они скажутъ, что я, порицая ихъ мудрость, самъ невѣжда и неучъ.

Диог. А ты скажи, что бранишь ихъ отъ меня.

Пол. Хорошо, Диогенъ, скажу.

Диог. А богачамъ, милый Полидевкъ, скажи отъ меня такъ: что вы, безумцы, бережете золото? Что вы себя мучите, подсчитывая барыши и наживая талантъ за талантомъ, вы, кому скоро придется явиться сюда всего съ однимъ оболомъ!

Пол. Сказано будетъ имъ и это.

Диог. А силачамъ и красавцамъ, кориняцу Мегиллу и борцу Дамоксену, скажи, что у насъ здѣсь нѣтъ ни русскихъ волосъ, ни голубыхъ или черныхъ глазъ, ни румянца на щекахъ, ни крѣпкихъ мускуловъ, ни мощныхъ плечъ, а все одинъ прахъ, головы голыя и безобразныя...

Пол. Не трудно и это сказать красивымъ молодцамъ.

Диог. А, наконецъ, Лаконецъ, скажи ты бѣднымъ,—вѣдь много ихъ и всегда они горюютъ о своихъ несчастіяхъ и жалуются на нищету,—чтобы они не плакали и не вздыхали; объясни имъ равенство, какое здѣсь; скажи, что здѣсь они видятъ богатыхъ ни чуть не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ они сами. И спартамъ своимъ, пожалуй, попеняй отъ меня, что совѣмъ они распустились...

Пол. О спартамцахъ не говори такъ, Діогенъ, мнѣ это очень непріятно. А все, что ты сказалъ о другихъ, я передамъ.

Діог. Ну, оставимъ ихъ въ покоѣ, если ты такъ хочешь... А что тѣ отвѣтятъ тебѣ, ты мнѣ послѣ Расскажи...

13 (10).

Гермесъ. — Харонъ. — Мениппъ. — Хармолей. — Лампихъ.
Демасій. — Кратонъ. — Воинъ. — Философъ. — Риторъ.

Харонъ. Послушайте-ка, господа, вотъ въ чемъ дѣло. Подченка у насъ, какъ видите, маленькая, гнилая, течетъ она порядкомъ, и коли качнуть ее посильнѣе, пойдетъ она вверхъ дномъ; а васъ вонъ сколько сразу пришло, и каждый съ поклажей... Если со всѣмъ этимъ вы сядете, боюсь, какъ бы потомъ вамъ не пожалѣть, а особливо тѣмъ, кто плавать не умѣетъ...

Гермесъ. Такъ что же намъ сдѣлать, чтобы переѣхать благополучно?

Хар. А вотъ что я вамъ скажу. Надо садиться безо всего, все лишнее оставить на берегу. Еле-еле и такъ моя лодченка васъ подыметъ... Гермесъ, ужъ ты позаботься, чтобы никто не сѣлъ въ лодку, кто не голъ и не оставилъ всѣхъ вещей, какъ я говорю. Стань, вонъ, у сходни, да и осматривай, лишнее снимай и заставляй входить голыми.

Герм. Ладно, сдѣлаемъ такъ. Эй ты, первый! Ты кто?

Мениппъ. Я Мениппъ. Смотри, Гермесъ, у меня только котомка; я и батоги въ озеро кинулъ, а плаща я, къ счастью, и не бралъ.

Герм. Ну иди, Мениппъ, молодець, хорошій ты человекъ. И мѣсто занимай возлѣ рулевого, повыше, чтобы тебѣ за всѣми смотрѣть. А этотъ красавецъ кто?

Хармолей. Я Хармолей, изъ Мегары; меня очень любили и за ласки мои платили по два таланта.

Герм. Бросай ты свою красоту, и свои губы съ ихъ поцѣлуями, и густые свои волосы, и румянецъ щекъ и всю кожу. Ну, вотъ такъ; теперь ты готовъ, иди. А ты кто, сумрачный такой, въ порфирѣ и діадемѣ?

Лампихъ. Я Лампихъ, властитель Гелойскій.

Герм. Зачѣмъ же ты, Лампихъ, явился сюда со всѣмъ этимъ?!

Ламп. Затѣмъ, Гермесъ, что нельзя же властителю явиться голымъ!

Герм. Властителю, конечно, но мертвецу отлично можно. Скидывай-ка все это...

Ламп. Смотри, брошены всѣ украшенія...

Герм. И спесь свою оставь, Лампихъ, и надменность; тяжело будетъ подченокъ, если все это въ нее попадетъ...

Ламп. А діадему-то позволь мнѣ оставить и мой плащъ?!

Герм. Никоимъ образомъ! Скидывай и это.

Ламп. Я бросилъ... Еще что нибудь?.. Я все скинулъ, самъ видишь...

Герм. И кровожадность свою, и взбалмошность, и наглость, и гнѣвъ—все оставь!

Ламп. Гляди, я совсѣмъ голъ...

Герм. Иди, садись!.. А ты кто, махиница?!

Дамасій. Я Дамасій, атлетъ.

Герм. Оно и видно! Я часто встрѣчалъ тебя въ палестрахъ.

Дам. Вѣрно, Гермесь. Пусти же меня, голаго.

Герм. Какого голаго, милѣйшій, когда на тебѣ столько мяса! Скидывай его, не то потопишь ты подку, едва лишь одной ногой въ нее ступишь... И вѣнки эти бросай, и всѣ награды...

Дам. Ну, смотри, видишь, я совсѣмъ голъ, совсѣмъ такой, какъ всѣ другіе мертвецы..

Герм. Такъ вотъ лучше, на легкѣ, ну, ступай. А ты, Кратонъ, оставь свое изнѣженность, богатство, и роскошь, и пиры, не тащи съ собой и пышныхъ похоронъ, ни заслугъ предковъ; оставь свой родъ и его славу, не вспоминай, что городъ когда то тебя чествовалъ, не вспоминай ни надписей на статуяхъ, ни высокаго кургана въ твою честь; и воспоминанія обо всемъ этомъ тяжелы.

Кратонъ. Бросаю, хоть и съ сожалѣніемъ, что подѣлаешь!..

Гер. Э-э-э, а ты зачѣмъ съ оружіемъ? Что это за трофей несешь ты?

Воинъ. А это за то, что я побѣдилъ и отличился, городъ меня почтитъ.

Гер. Кидай ты на землю свой трофей! Въ аду миръ и оружіе тамъ не нужно... А это кто, съ виду такой суровый, строгій, съ нахмуренными бровями, съ думой на челѣ и съ длинной бородой?

Мен. А это, Гермесь, какой то философъ, или лучше сказать, вмѣстелище пустословія и надувательства; раздѣнь-ка его, увидишь подъ одѣяніемъ много смѣшного...

Гер. Ну, скидывай свой внѣшній видъ, а потомъ и все прочее... Господи! Сколько онъ тащилъ съ собой шарлатанства, сколько невѣжества, задора, сколько тщеславія!.. Сколько пустыхъ вопросовъ, придирокъ, запутанныхъ понятій!.. Ка-

кое множество безплодной работы, Господи!.. болтовни, вздоровъ, споровъ о пустякахъ!.. да тутъ и сребролюбіе, и сладострастіе, и безстыдство, и гнѣвъ, и объяденіе, и роскошь!! Не скроешь, братецъ, отъ меня этого, какъ ты ни прячь! Оставляй и лживость свою, и гордость, и мысль, что ты лучше остальныхъ... Вѣдь съ такою кладью какую нужно лѣдку, чтобы тебя поднять!!

Философъ. Все это я оставляю, если ты велишь...

Мен. Да и бородищу свою пусть онъ оставитъ, Гермесъ, долгую, густую! Тутъ вѣдь мало-мало минъ на пять волосу!

Гер. Вѣрно, вѣрно—оставляй и бороду!

Фил. А кто же мнѣ ее сбреетъ?

Гер. А вотъ Мениппъ возьметъ плотничій топоръ, да и отрубитъ, подложивъ тебѣ подъ бороду сходню...

Мен. Нѣтъ, Гермесъ, дай-ка я пилой.. такъ будетъ смѣшнѣе...

Гер. Хорошо и топоромъ... вотъ такъ. Ты теперь сталъ гораздо человѣкообразнѣе, безъ козлиной своей бороды...

Мен. Хочешь, немного подрѣжу я ему и брови?!

Гер. Валяй! слишкомъ ужъ онъ ихъ насупливаетъ, словно невѣсть богъ о чемъ размышляетъ... Это что такое? Ты еще и плачешь, сволочь несчастная? Робѣешь предъ смертью?... Ну, пошелъ!..

Мен. Онъ украдкой несетъ еще одну штуку очень тяжелую!..

Гер. Что такое?

Мен. Лестъ, которая бывала ему очень полезна на землѣ,

Фил. Ахъ, Мениппъ, такъ и ты оставь свою независимость, свободу рѣчи, свою безпечальность, вольность, и смѣхъ... Ты изъ всѣхъ одинъ смѣешься здѣсь...

Гер. Нѣтъ, нѣтъ—держи все это: это легко, отлично переносимо и даже полезно въ нашемъ пути.—А ты, риторъ, бросай всѣ свои обороты, свою широковѣщательность, свои антитезы и уподобленія, періоды, варваризмы и вообще всю тяжеловѣсность рѣчи...

Риторъ. Ну смотри, все бросаю.

Гер. Ну, готово! Отдавай причалы, снимай сходни, принимай якорь... Ставь парусъ, правъ, перевозчикъ!.. Въ добрый путь! Что вы стонете, несчастные, а особливо—ты, философъ, что только что бороды своей лишился?!

Философъ. Потому стону, Гермесь, что я считалъ душу безсмертной!..

Мен. Вретъ онъ, вретъ: кажется, другое его печалить!..

Гер. А что?

Мен. А то, что больше не будетъ онъ ѣсть роскошныхъ обѣдовъ, а потомъ, потихоньку ото всѣхъ, не выйдетъ ночью, закрывъ голову плащомъ, чтобы шататься всю ночь по всякимъ вертепамъ, а по утру—не будетъ опять, надувая юношество якобы мудростью, собирать съ нихъ деньги—вотъ, что его печалить...

Фил. А ты, Мениппъ, небось, не горевалъ умирая?!

Мен. Я?! Да я самъ, никто меня не звалъ, бросился навстрѣчу смерти!.. А что это: сквозь наши разговоры шумъ какой то слышится, словно съ земли кричатъ?..

Герм. Да, Мениппъ, да и не съ одного мѣста, а тамъ—люди, сами собой сбѣжавшись на сходку, радуются Лампиховой смерти: жену его схватили другія женщины, а въ дѣтей его, совсѣмъ еще маленькихъ, другія дѣти швыряютъ камнями; въ Синопѣ хвалятъ ритора Діофанта, выступившаго съ рѣчью въ честь нашего Кратона... а тамъ, убитая горемъ мать Дамасія начинаетъ, съ другими женщинами, надгробныя ему причитанія... О тебѣ, Мениппъ, никто не плачетъ, одинъ ты лежишь себѣ спокойно!..

Мен. Нѣтъ! Ты сейчасъ услышишь, какъ жалобно-жалобно завоютъ собаки, какъ вороны станутъ хлопать крыльями—это они собравшись, хоронятъ меня..

Гер. Молодецъ ты, Мениппъ!.. Но вотъ, мы уже переѣхали; такъ вы идите теперь въ судилище, прямо вонъ по той дорогѣ, а мы, съ перевозчикомъ, будемъ перевозить другихъ...

Мен. Счастливаго пути, Гермесъ!.. Ну, пойдемъ и мы!.. Чего вы еще мѣшкаете?!.. Всѣмъ нужно судиться—и наказанія, говорятъ, жестокія! кому колесо, кому камни, кому коршуны!.. Все, все будетъ на совѣсть разобрано!..

14 (22).

Гермесъ.—Харонъ.—Мениппъ.

Харонъ. Давай за перевозъ деньги, паршивый!..

Мениппъ. Кричи себѣ, дядя, если тебѣ это пріятно...

Хар. Деньги давай, говорю, за перевозъ!

Мен. Съ того, у кого нѣтъ ничего, ничего ты не получишь...

Хар. Да развѣ есть человѣкъ, у котораго бы обола не было?!

Мен. Не знаю, есть ли другой, а у меня нѣтъ.

Хар. Разорву тебя, сволочь, ей-Богу, если не заплатишь!!

Мен. А я тебѣ башку батогомъ прошибу!

Хар. Такъ задаромъ ты столько проѣхалъ?!

Мен. Вонъ пускай Гермесъ за меня заплатитъ, онъ меня сюда привелъ.

Гермесъ. Чортъ побери! Мнѣ то что?! Стану я еще и платить за мертвыхъ!

Хар. Не отстану я отъ тебя!!

Мен. Тогда вытаскивай свою лодку и жди. Но все-таки, коли у меня ничего нѣтъ, такъ что ты возьмешь?

Хар. Не зналъ ты, что-ли, что придется платить?!

Мен. Зналъ, да нѣтъ у меня ничего... Что же? Изъ-за этого мнѣ было не умирать, что-ли?

Хар. Ишь ты, одинъ ты будешь хвастать, что даромъ переѣхалъ!

Мен. Нѣтъ, братъ, не даромъ: я воду отливалъ, я и весломъ работалъ, да и не плакалъ я одинъ изъ всѣхъ переѣзжавшихъ...

Хар. Да это же не плата! Оболъ подавай, иначе непорядокъ!!

Мен. Такъ вези меня сейчасъ на землю!

Хар. Шутки, братъ, шутишь, чтобы мнѣ еще и битымъ быть отъ Эака!

Мен. Ну, такъ не приставай!..

Хар. Показывай, что у тебя въ котомкѣ?!

Мен. Пожалуйста: просо и ужинъ Гекаты!

Хар. Откуда ты взялъ, Гермесъ, этого пса? Чтò онъ мололъ по дорогѣ, какъ задираетъ и при-

ставалъ къ переѣзжавшимъ, да распѣвалъ, когда всѣ вздыхали!

Мерм. Не знаешь ты, Харонъ, кого ты привезъ: это человѣкъ поистинѣ свободный, которому все все равно: это Мениппъ!

Хар. Ну, ужъ если ты мнѣ когда нибудь попадешься!!!

Мен. Да вотъ, если попадусь, только вѣдь, милѣйшій, дважды къ тебѣ никто не попадаетъ!!

15 (20).

Эакъ.—**Мениппъ.**—**Пиеагоръ.**—**Эмпедокль.**—**Сократъ.**

Мениппъ. Ради самого Плутона, Эакъ, покажи мнѣ все въ аду!

Эакъ. Все—это, Мениппъ, не легко, а вотъ главное, смотри. Это, ты знаешь, Церберъ, а лодочника, который тебя перевезъ, и озеро, и Пирифлегетонъ ты видѣлъ входя...

Мен. Это я знаю; знаю, что ты здѣсь за привратника, видѣлъ я и господина нашего и Эриний, а ты мнѣ покажи древнихъ людей, особенно же самыхъ знаменитыхъ!

Эакъ. Вотъ это—Агамемнонъ, это—Ахиллесъ, это вотъ. рядомъ—Идомей, это—Одиссей, тамъ—Аяксъ, Диомедъ и лучшіе изъ ахейцевъ!..

Мен. Э-гэ, Гомеръ, какъ невидны и ничтожны подъ землею главные персонажи твоихъ рапсодій! Все это прахъ, тлѣнъ, поистинѣ пустыя головы! А это кто, Эакъ?

Эакъ. А это—Киръ, а это—Крезъ, за ними Сарданапаль, за нимъ Мидасъ, а это вотъ Ксерксъ...

Мен. А, такъ это передъ тобой, сволочь, трепетала Эллада? это ты черезъ море мостъ по-

строилъ, ты заставлялъ корабли проплывать черезъ горы?!.. А Крезъ вотъ каковъ... А Сарданапала позволь мнѣ, Эакъ, треснуть по башкѣ?!..

Эакъ. Нельзя, нельзя! Разлетится у него черепъ: онъ у него бабій...

Мен. Ну, такъ я хоть плюну въ рожу этому андрогину...

Эакъ. А хочешь, покажу тебѣ мудрецовъ?

Мен. Ахъ, ради Бога!..

Эакъ. Первый, это тебѣ Пифагоръ!..

Мен. Здравствуй, Эвфробъ, или Аполлонъ, или какъ тебѣ угодно!

Пифагоръ. Здравствуй, Мениппъ!

Мен. Что это? Бедра то у тебя не золотыя?

Пиф. Да, не золотыя... А посмотри-ка, нѣтъ ли у тебя въ котомкѣ чего съдобнаго?..

Мен. Есть бобы, да вѣдь ты ихъ ѣсть не станешь...

Пиф. Давай, давай!.. У мертвыхъ другіе взгляды! Я знаю теперь, что бобы—это не головы нашихъ предковъ...

Эакъ. Это вонъ Солонъ, сынъ Экзекестиды: тамъ Ѡалесъ, за ними Питтакъ и остальные; здѣсь они всѣ семеро, какъ видишь...

Мен. И одни они только, Эакъ, здѣсь веселы и безпечальны!.. А этотъ вотъ, весь въ пеннѣ, словно картофель печеный въ золѣ, въ пузыряхъ, это кто такой?

Эакъ. А это Эмпедоклъ, Мениппъ, онъ изъ Этны явился полуподжареннымъ...

Мен. Другъ ты мой мѣдноподошвенный, съ чего это ты бросился въ кратеръ?

Эмпедоклъ. Отъ меланхоліи, Мениппъ...

Мен. Нѣтъ, братецъ, отъ тщеславія, самонадѣянности и необдуманности... Вотъ что тебя поджарило, съ самими сандалями, да этого ты и стоилъ!.. Нисколько тебѣ твоя выдумка не помогла: ты оказался мертвымъ... А гдѣ здѣсь Сократъ, Эакъ?

Эакъ. А онъ обыкновенно бесѣдуетъ съ Несторомъ и Паламедомъ...

Мен. Мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть, если онъ здѣсь...

Эакъ. Видишь вонъ того плѣшиваго?

Мен. Да здѣсь все плѣшивые, такъ что это здѣсь общая примѣта.

Эакъ. Я говорю вонъ объ томъ, безносомъ...

Мен. И это опять то же: безносы всѣ...

Сократъ. Ты меня спрашиваешь, Мениппъ?

Мен. Тебя, тебя, Сократъ...

Сокр. Ну, что въ Аѳинахъ?

Мен. Говорятъ, тамъ чуть не вся молодежь философствуетъ... И, судя по ихъ виду и важности, это—истинные философы...

Сокр. Много я такихъ видалъ...

Мен. Видѣлъ ты, кажется, каковы явились сюда послѣ тебя Аристиппъ и самъ Платонъ: одинъ въ прахъ раздушенный, а другой, научившійся, какъ служить сицилійскимъ тираннамъ...

Сокр. А что обо мнѣ думаютъ?

Мен. Въ этомъ отношеніи ты счастливецъ, Сократъ: всѣ находятъ, что ты былъ удивительный человекъ и все зналъ, въ сущности, надо ужъ сказать правду, ничего не зная!

Сок. Я самъ это имъ и сказалъ, а они считали это за ироническое замѣчаніе...

Мен. А кто это съ тобой?

Сокр. А это, Мениппъ, Хармидъ, Федръ и сынъ Клиніи...

Мен. Значить, Сократъ, и здѣсь ты не бросаешь своихъ привычекъ и не удаляешься отъ общества красивыхъ?

Сокр. Да что же намъ другого-то дѣлать? Оставайся ты съ нами, если хочешь...

Мен. Нѣтъ, очень благодаренъ! Я пойду къ Крезу и Сарданапалу и постараюсь поселиться поближе къ нимъ... Мнѣ кажется, что немало я посмѣюсь надъ ихъ причитаніями...

Эакъ. Охъ, да и мнѣ пора, а то еще не убѣждалъ бы кто тайкомъ. Въ другой разъ ты, Мениппъ, остальное посмотришь...

Мен. Ступай, ступай! На этотъ разъ довольно!..

16 (2).

Плутонъ. — Мениппъ. — Мидасъ. — Сарданапалъ. — Крезъ.

Крезъ. Плутонъ, мы не можемъ выносить, что съ нами живетъ этотъ пестъ Мениппъ, такъ что или ты его куда нибудь убери, или мы переедемъ въ другое мѣсто!

Плутонъ. Чѣмъ же онъ вамъ мѣшаетъ? Онъ такой же покойникъ...

Кр. А вотъ въ то время, какъ мы вздыхаемъ и горюемъ, вспоминая то, что на землѣ (Мидасъ—свое золото, Сарданапалъ—свое широкое житъе, я, Крезъ,—свои сокровища), онъ насмѣхается и дразнится, называетъ насъ холопами и дрянью, а не то пѣснями своими мѣшаетъ нашимъ стонамъ... И вообще, онъ невыносимъ!

Плут. Что это они говорятъ, Мениппъ?

Мен. Правду говорятъ, Плутонъ: терпѣть я не могу этихъ жалкихъ людишекъ, которымъ мало того, что они скверно жили, надо имъ еще и мертвецами то вспоминать и жалѣть о томъ, что они оставили! Для меня огромное удовольствіе ихъ задирать...

Пл. Не надо этого! Вѣдь они жалѣютъ не пустяковъ...

Мен. Да что, и ты поглупѣлъ, Плутонъ?! Ты соглашаешься, что имъ и слѣдуетъ стонать?!

Пл. Ахъ нѣтъ, но мнѣ хочется, чтобы вы не ссорились!..

Мен. Ну такъ вотъ же вамъ, жалчайшіе изъ лидійцевъ, фригійцевъ и ассирійцевъ: не перестану я! Куда бы вы ни пошли, пойду и я за вами, буду къ вамъ приставать, пѣть, смѣяться!..

Кр. Каково нахальство?!

Мен. Нѣтъ! Настоящее то нахальство было то, что вы дѣлали, когда требовали, чтобы вамъ поклонялись, когда вы оскорбляли свободныхъ людей и совсѣмъ забывали о смерти! Вотъ теперь и плачьте, что того ужъ нѣтъ!..

Кр. Господи! Какого богатства у меня нѣтъ!

Мидасъ. Какой массы золота у меня!!

Сарданапалъ. А я какіе пиры задавалъ!!

Мен. Ну и прекрасно! Плачьте себѣ, а я вамъ буду подпѣвать: „познай себя“, „познай себя“, это самый лучший принѣвъ для вашихъ вздоховъ!!

Гермесъ.—Мениппъ.

Мениппъ. А гдѣ здѣсь, Гермесъ, красавицы и красавцы? Ужъ ты мнѣ, новичку, покажи...

Гермесъ. Недосугъ мнѣ, Мениппъ... Да ты просто посмотри вонъ туда направо: тамъ Гіацинтъ, Нарциссъ, Нирей, Ахиллесъ, Тиро, Елена, Леда,—все, что издавна знаменито красотой...

Мен. Да я вижу одни кости и черепа безъ кожи и все другъ на друга похожіе...

Герм. Это и есть тѣ самые, кѣмъ восторгались поэты, эти кости, къ которымъ ты относишься такъ пренебрежительно!

Мен. Ну хоть Елену мнѣ укажи, я не могу ее отличить...

Герм. Вотъ этотъ черепъ, это Елена!

Мен. Такъ изъ-за этого то была снаряжена со всей Эллады тысяча кораблей, погибло столько эллиновъ и варваровъ, такіе цвѣтушіе города были въ конецъ разрушены!?

Герм. Ну, ты не видалъ ея, Мениппъ, живою! И ты бы сказалъ, что изъ-за такой женщины стоить много и долго страдать! Вѣдь и цвѣты, если глядѣть на нихъ, когда они утратили свѣжесть, кажутся безобразными, а когда они свѣжи и благоухаютъ, какъ они прекрасны!

Мен. Вотъ я и удивляюсь, Гермесъ, какъ это эллины не одумались, принимая столько трудовъ изъ-за предмета, столь недолговѣчнаго и непрочнаго...

Герм. Ну, мнѣ некогда съ тобой философствовать; ты иди себѣ, куда тебѣ угодно, а я пойду перевозить новыхъ мертвыхъ...

Мениппъ.— Нирей.— Терситъ.

Нирей. Погоди, вотъ Мениппъ разсудить, кто красивѣе! Скажи, Мениппъ, ты не находишь, что я красивѣе?

Мениппъ. Да кто вы такіе? Мнѣ прежде всего надо это знать.

Нирей. Нирей и Терситъ.

Мен. Который же Нирей и который Терситъ? Это совсѣмъ не видно!

Терситъ. Вотъ и выходитъ, что ты похожъ на меня и вовсе ужъ не такъ отличаешься, какъ тебя расхвалилъ слѣпой Гомеръ, говоря, что ты всѣхъ красивѣе, а вотъ я, и плѣшивый и большеголовый, вовсе не показался хуже нашему судѣ. Взгляни, Мениппъ, кого еще ты признаешь красивѣе?!

Нир. Меня, сына Аглаи и Харопа, меня, красавца изъ красавцевъ межъ всѣми, сошедшимися подъ Троей...

Мен. Да, но не подъ землей! Кости у васъ одинаковы, а голова твоя только тѣмъ и отличается отъ терситовой, что ее легче расшибить: слабая она и нѣтъ въ ней ничего мужского

Нир. Да спроси Гомера, каковъ я былъ, когда ходилъ въ походъ вмѣстѣ съ ахейцами!

Мен. Ты мнѣ басни то не рассказывай; я вижу, каковъ ты теперь, а то знаютъ тѣ, что тогда были.

Нир. Такъ я ничуть не красивѣе его, Мениппъ?!

Мен. Ни ты, ни онъ не красивѣе: въ аду одинъ почетъ всѣмъ и всѣ похожи другъ на друга.

Тер. Съ меня и этого довольно!

19 (17).

Мениппъ.—Танталъ.

Мениппъ. Что ты тутъ вопишь, Танталъ? что кланешь себя, стоя въ водѣ?

Танталъ. Я умираю отъ жажды, Мениппъ!!

Мен. Господи! Ты до того лѣнивъ, что не хочешь напиться нагнувшись, или зачерпнуть воды хоть руками!?

Тан. Даромъ, Мениппъ, нагнусь: вода убѣгаетъ, какъ только почувствуетъ, что я къ ней приближаюсь... Если же я зачерпну и понесу ко рту, не успѣю еще губъ омочить, проскользнетъ вода у меня межъ пальцами и какъ то сразу руку оставляетъ сухой!..

Мен. Диво дивное съ тобой творится, Танталъ! Но скажи ты мнѣ: зачѣмъ тебѣ и пить-то? Вѣдь тѣла, которое могло бы испытывать голодъ и жажду, у тебя нѣтъ: оно похоронено тамъ гдѣ то въ Лидіи, ты же тѣнь, какъ можешь пить или терпѣть жажду?

Тан. Въ томъ наказаніе мое, что душа моя хочетъ пить, словно тѣло!..

Мен. Ну, положимъ, что такъ, что тебя наказываютъ жаждой, да тебѣ то что?! Умереть, что ли, ты опасaeшься отъ жажды? Такъ вѣдь, кажется, другого ада, послѣ этого, нѣтъ и отсюда умереть въ другое мѣсто нельзя...

Тан. Вѣрно все это; и это тоже наказаніе мое, что я хочу пить, хоть это мнѣ не нужно...

Мен. Пустое ты мелешь, Танталъ; тебѣ, ей Богу, нужно лечиться отъ сумашествія; у тебя совсѣмъ наоборотъ выходитъ, чѣмъ у тѣхъ, кто укушенъ бѣшенными собаками: не водобоязнь, а жаждобоязнь!..

Тан. Не поможетъ мнѣ, Мениппъ, никакое лѣкарство! Такова ужъ моя доля!

Мен. Богъ съ тобой, Танталъ; не пьетъ никто изъ мертвыхъ, вѣдь это же невозможно, а не всѣ,—какъ, яко бы въ наказаніе, ты—жаждутъ убѣгающей отъ нихъ воды...

20 (26).

Мениппъ.—Хиронъ.

Мениппъ. Я слышалъ, Хиронъ, что ты, бывъ богомъ, пожелалъ умереть?

Хиронъ. Вѣрно, Мениппъ, и какъ видишь, я умеръ, хотя могъ быть безсмертнымъ.

Мен. Какъ же это тобой овладѣло желаніе смерти, ненавистнѣйшей большинству?

Хир. Тебѣ, какъ умному человѣку, я скажу: не сладко было мнѣ тянуть безсмертіе.

Мен. Не сладко было жить и видѣть свѣтъ?!

Хир. Да, Мениппъ, не сладко: пріятнымъ я считаю нѣчто разнообразное, а не простое; пока я жилъ, я зналъ все одно и то же: солнце, свѣтъ, пищу; часы смѣнялись такими же часами; все совершалось, какъ по заведенному порядку, одно слѣдовало за другимъ. Я былъ наполненъ разнообразными ощущеніями. А наслажденіе — не въ томъ, что всегда, а въ томъ, что иногда.

Мен. Это правда, Хиронъ; ну, а въ аду ты какъ поживаешь, разъ ужъ, предпочтя его, ты сюда пришелъ?

Хир. Да ничего себѣ, Мениппъ; равенство—устройство хорошее, а разница не велика—на свѣту-ли жить или въ темнотѣ. А кромѣ того, здѣсь не какъ на землѣ, не знаешь ни голода, ни жажды, а совершенно свободенъ отъ всего подобнаго...

Мен. Смотри, Хиронъ, какъ бы себѣ не стать въ противорѣчіе съ самимъ собой и не попасть въ *circulus vitiosus*!

Хир. Какъ такъ?!

Мен. А такъ, что если въ жизни тебѣ было противно однообразіе, то и здѣсь оно можетъ надѣсть, потому что и здѣсь одно и то же, и тогда тебѣ захочется какой нибудь перемѣны, захочется отсюда въ какую нибудь другую жизнь, а это, кажется, невозможно!

Хир. Ну, такъ что же дѣлать?

Мен. Я такъ думаю, что какъ говорится: мудрый долженъ довольствоваться тѣмъ, что есть, любить его, и ничего не считать невыносимымъ.

21 (21).

Мениппъ. — Церберъ.

Мениппъ. Церберъ, Церберъ, я тебѣ родня: меня всѣ зовутъ псомъ... скажи мнѣ, ради самого Стикса, каковъ былъ Сократъ, когда онъ сходилъ къ вамъ? Ты, вѣдь, песъ божественный и не только лаять, а когда хочешь, и по человѣчески говорить можешь...

Церберъ. Издали, Мениппъ, казалось, что онъ идетъ на встрѣчу смерти съ безтрепетнымъ лицомъ и смерти не очень-то боится и что онъ хочетъ это показать стоявшимъ за входомъ... Но когда онъ спустился въ преисподнюю, да увидѣлъ мракъ кромѣшный, да какъ я, когда онъ тутъ замѣшкался, хватилъ его по собачьи за ногу, онъ какъ заплачетъ, словно малый ребенокъ... совсѣмъ, какъ другіе...

Мен. Такъ что и онъ былъ просто софистъ, а не серьезно презиралъ смерть?

Цер. Нѣтъ: когда онъ увидѣлъ, что ужъ ничего не подѣлаешь, онъ вдругъ взялъ себя въ руки, словно и не противъ желанія подвергается тому, что долженъ испытать всякій, такъ что всѣ присутствующіе удивились. Вообще же о всѣхъ такихъ людяхъ я могу сказать, что до входа они тверды и мужественны, ну, а здѣсь, внутри — они горюють взаправду...

Мен. А какъ по твоему: я хорошо сошелъ сюда?

Цер. Ты одинъ, Мениппъ, дѣйствительно достоинъ своей породы, да до тебя вотъ Діогенъ, вы вошли сюда безъ принужденія, безъ стоновъ, но добровольно, со смѣхомъ, вздохи оставивъ другимъ...

22 (28).

Мениппъ.—Тирезій.

Мениппъ. Тирезій, положительно не могу я рѣшить, слѣдъ ты или нѣтъ: вѣдь у всѣхъ у насъ такъ же нѣтъ глазъ, а только ихъ мѣста; да и относительно всего остального невозможно сказать, кто Финей, а кто Линкей; по наслышкѣ же отъ поэтовъ я знаю, что ты былъ прорицатель и „обоюго пола особа“, и мужчина и женщина. Такъ скажи ты мнѣ, ради самого Создателя, когда ты больше наслаждался жизнью, когда ты былъ мужчиной, или лучше быть женщиной?

Тирезій. Гораздо лучше дѣло женское, Мениппъ, спокойнѣе. Женщины и надъ мужчинами командуютъ, а не надо имъ ни въ походы ходить, ни стражу нести въ гарнизонахъ, ни въ народномъ собраніи разсуждать ни въ судилищахъ за сѣдать...

Мен. Ты, значить, не читалъ, Тирезій, еврипидовой „Медей“: что тамъ говоритъ она о несчастной женской долѣ: женщины вѣдь должны нести ужасныя муки родовъ... А кстати, скажи мнѣ, жалобы Медей навели меня на эту мысль: ты и рожалъ, когда былъ женщиной, или ты былъ неплодентъ и потомства на землѣ не оставилъ...

Тир. Какіе вопросы, Мениппъ...

Мен. Да что жъ тутъ особеннаго... Отвѣтъ пожалуйста, Тирезій, если только можно!..

Тир. Я не былъ неплодентъ, но и не родилъ...

Мен. Прекрасно... А хотѣлъ бы я знать: то, что для этого особенно нужно, ты имѣлъ?

Тир. Ну, конечно, имѣлъ...

Мен. А это все, женское, постепенно у тебя пропадало и ты мало по малу обращался въ мужчину и обросталъ бородой, или сразу изъ женщины дѣлался мужчиной?

Тир. Не понимаю, къ чему эти вопросы... Ты, кажется, просто не вѣришь, что это было?

Мен. Не надо такимъ штукамъ ни вѣрить, ни не вѣрить, Тирезій, но, чтобы не сломать изъ себя дурака, должно разсмотрѣть, возможно это или невозможно!

Тир. Этакъ ты не повѣришь и въ другихъ случаяхъ, когда услышишь, что нѣкоторыя женщины обращались въ птицъ, въ деревья, въ животныхъ, какъ, напр., Аэдонъ, Дафна, или дочери Ликаона?

Мен. Когда встрѣчусь съ ними, тогда посмотрю, что онѣ будутъ говорить. А ты, другъ любезный, предвѣщалъ и тогда, когда былъ женщиной, или предвѣщателемъ могъ ты быть, только когда былъ мужчиной?

Тир. Видишь, ты ничего обо мнѣ не знаешь, не знаешь, какъ я разрѣшилъ споръ богинь, какъ Гера меня за это ослѣпила, а Зевсъ, въ утѣшеніе, далъ мнѣ даръ пророчества...

Мен. Все еще ты, Тирезій, носишься со своимъ вздоромъ?! Ты поступаешь въ этомъ отношеніи, какъ настоящій прорицатель: у нихъ вѣдь обычай—ничего здраваго не говорить...

23 (3).

Мениппъ.—Трофоній.—Амфилохъ.

Мениппъ. Ну вотъ, Трофоній и Амфилохъ! Оба вы,—мертвецы, а удостоились, ужъ не знаю какъ, храмовъ, почитаетесь за прорицателей, а иные легковѣрные люди думаютъ, что вы боги!

Амфилохъ. Мы то чѣмъ же виноваты, если они, по глупости, такъ думаютъ о мертвыхъ?!

Мен. Но они бы этого не думали, если бы при жизни вы не продѣлывали разныхъ штукъ, якобы зная напередъ будущее и умѣя его предсказывать.

Трофоній. Ну, Мениппъ, Амфилохъ пусть самъ говоритъ, что слѣдуетъ ему отвѣтить о себѣ, а я—герой, и я предсказываю, если кто ко мнѣ обращается... Да ты, кажется, вовсе и не бывалъ въ Лебадіи?! Такъ ты и не повѣришь ничему!

Мен. Что такое?! Если я не былъ въ Лебадіи, если тамъ, вырядившись дурацкимъ образомъ въ бѣлыя одежды, съ особыми лепешками въ рукахъ не пролѣзалъ въ узкую пещеру, такъ я не могу понять, что ты такой же мертвецъ, какъ и мы, и отличаешься только своимъ шарлатанствомъ?! Да и помимо предвѣщанья, что такое герой? Я не понимаю.

Тр. Герой—это соединеніе бога и человѣка!

Мен. Такъ что выходитъ, это не богъ и не человѣкъ, а частью то, частью другое? Такъ куда же теперь то у тебя дѣвалась твоя божественная половина?

Тр. Спроси, Мениппъ, оракула въ Беотіи!

Мен. Не понимаю я, Трофоній, что ты и говоришь... А что ты доподлинный мертвецъ, это я отлично вижу...

24 (4).

Гермесъ. — Харонъ.

Гермесъ. Послушай, братецъ, подсчитаемся-ка, сколько ужъ ты мнѣ долженъ, чтобы потомъ намъ не разпориться.

Харонъ. Подсчитаемся, Гермесъ; расчетъ—самое разлюбезное дѣло.

Гер. Я привезъ тебѣ, по твоему заказу—якорь, 5 драхмъ.

Хар. Дорогонько...

Гер. Клянусь Плутономъ, я заплатилъ 5 драхмъ да за ремень 2 обола.

Хар. Ну, считай: 5 драхмъ 2 обола.

Гер. Потомъ шило для паруса, заплатилъ 5 оболовъ.

Хар. Считай ихъ.

Гер. Да вару, чтобъ дыры на лодкѣ замазать, да гвоздья, да пеньки на канатъ, всего на 2 драхмы.

Хар. Ладно, это стоить.

Гер. Вотъ и все, если мы чего не позабыли при счетѣ... Когда же, говоришь, отдашь?

Хар. Сейчасъ мнѣ, Гермесъ, невозможно. Вотъ, если чума, или какая-либо война пошлетъ намъ народу побольше, тогда мнѣ удастся разжиться, собирая денежки за перевозъ.

Гер. Такъ что же, мнѣ напастей какихъ вымаливать, чтобъ свое получить?!

Хар. Невозможно иначе, Гермесь; теперь, самъ видишь, къ намъ мало приходитъ—миръ, вишь.

Гер. Ну, да такъ то все же лучше, хоть и придется мнѣ отъ тебя долгу подождать. А кстати, знаешь что, Харонъ: прежде то какіе приходили люди: храбрые, окровавленные, израненные большею частью... А теперь: тотъ умеръ отъ зелья, поднесеннаго сыномъ, либо женой; тотъ отъ обжорства, брюхо по колѣно отроостивъ; всѣ блѣдные, тщедушные, на тѣхъ совсѣмъ не похожіе... И кажется, чуть не всѣ приходятъ потому, что одни противъ другихъ козни строили изъ за денегъ!

Хар. О деньгахъ всего больше думаютъ!..

Гер. Такъ что, пожалуй, и мнѣ не грѣхъ поназойливѣе отъ тебя требовать должокъ-то?!

25 (5).

Плутонъ—Гермесь.

Плутонъ. Знаешь ты старика, стараго престарого, богача Евкрата, у котораго дѣтей нѣтъ, а охотниковъ на его наслѣдство видимо-невидимо?

Гермесь. Сикіонца? Знаю, ну что же?

Пл. Оставь ты его, Гермесь, сверхъ 90 лѣтъ, которыя онъ уже прожилъ, жить въ прибавку еще столько же, а если можно, такъ и больше, а приживальщиковъ его, мальчишку Харина и Дамона и остальныхъ всѣхъ, заberi сюда помаленьку.

Гер. Это будетъ ужъ совсѣмъ дико!

Пл. Нисколько не дико, а вполнѣ справедливо: чего они молятся, чтобы старикъ умеръ?!

Чего они подбираются къ его денежкамъ, хоть со-
всѣмъ они ему не родни?! А особенно противно,
что молятся они объ этомъ, а для вида, какъ за
нимъ ухаживаютъ! Когда онъ хвораеть, всѣмъ ясно,
о чемъ они замышляютъ: а они даютъ обѣты при-
нести жертвы, если ему полегчаетъ. Ужасно про-
тивна ихъ безсовѣстность... Вотъ и пусть онъ бу-
детъ безсмертенъ, а они пожалуютъ сюда напередъ
его, понапрасну облизываясь на его наслѣдство.

Гер. Будетъ смѣху надъ ними, надъ разбой-
никами! Но вѣдь и тотъ то ихъ прикармли-
ваетъ и поддерживаетъ надеждами: кажется, вотъ,
вотъ на ладанъ дышетъ, а онъ живетъ себѣ лучше
молодого... А они-то, около него живучи, наслѣд-
ство, ужъ, такъ сказать, подѣлили и расположили
себѣ жизнь самымъ лучшимъ образомъ...

Пл. Ну, вотъ и пусть со старика спадетъ
старость, и онъ пусть явится юношей, какъ Юлей,
а они, посреди надеждъ, лишась богатства, о
которомъ они грезили во снѣ и на яву, пусть
пожалуютъ сюда—злымъ злая и смерть.

Гер. Хорошо, Плутонъ: я предоставлю ихъ тебѣ
сюда одного за другимъ. Ихъ тамъ, кажется,
семеро?

Пл. Тащи ихъ всѣхъ! А тотъ, изъ старика
ставъ юношей, ихъ еще и хоронить будетъ...

Терпсіонъ. Справедливо это, Плутонъ, что я
умеръ тридцати лѣтъ, а Эукритъ, которому за
девяносто, живетъ себѣ!

Плутонъ. Очень справедливо, Терпсіонъ: онъ живеть, потому что не молить смерти никому изъ друзей, а ты все время желалъ ему конца, зарясь на наслѣдство.

Тер. Да развѣ и не надо такъ, чтобы старикъ, который уже не можетъ пользоваться богатствомъ, и умиралъ, уступая мѣсто молодымъ?

Пл. Ну, ты это, Терпсіонъ, выставляешь новый законъ, чтобы тотъ, кто уже не можетъ пользоваться своимъ богатствомъ для наслажденій, сейчасъ и умиралъ! Судьба и природа иначе распоряжаются.

Тер. Вотъ за эти распоряженія я ихъ и обвиняю! Надо, чтобы все шло по порядку: чтобы сначала умиралъ старшій, потомъ тотъ, кто за нимъ по лѣтамъ, чтобы никакъ не происходило замѣшательства и чтобы не жилъ дряхлый старикъ, у котораго осталось какихъ нибудь три зуба, почти слѣпой, который бродить, поддерживаемый четырьмя слугами; глухой, съ гноящимися глазами, почти ничего не понимающій, живой мертвецъ, предметъ насмѣшекъ молодежи,—и чтобы не умирали красивѣйшіе и здоровые юноши! „Не течетъ рѣка обратно“. Или ужъ по крайней мѣрѣ нужно, чтобы было извѣстно, когда кто изъ стариковъ умретъ, чтобы понапрасну имъ не прислуживать. А то теперь—саночки то возишь, а кататься не даютъ...

Пл. Нѣтъ, Терпсіонъ, это гораздо разумнѣе, чѣмъ тебѣ кажется. А зачѣмъ вотъ вы на чужое ротъ развѣаете и втираетесь въ домъ къ бездѣтнымъ старикамъ?! За то и вызываете насмѣшки, когда они же васъ хоронятъ, и это весьма пріятно многимъ. И чѣмъ больше вы молитесь, чтобы они

умерли, тѣмъ болѣе всѣмъ пріятно, когда вы умираете раньше ихъ. Новую это вы штуку придумали—проникаться любовью къ старухамъ и старикамъ, а особенно къ бездѣтнымъ: у кого есть дѣти, тѣ любовью вашею не пользуются. Впрочемъ, многіе изъ стариковъ, понявъ, что любовь ваша лишь хитрость, имѣя своихъ дѣтей, дѣлають видъ, что терпѣть ихъ не могутъ, чтобы видѣть около себя преданныхъ людей... Но потомъ, въ завѣщаніяхъ, и забыты тѣ, кто чуть на рукахъ ихъ не носили, и природа и любовь къ дѣтямъ—какъ это и справедливо—торжествуютъ надъ всѣмъ и тѣ лишь тайно скрежещутъ злости зубами!...

Тер. Ахъ, это вѣрно!.. А Оукритъ этотъ—сколько у меня сгубилъ! Все казалось, что вотъ-вотъ онъ умретъ. Когда я приходилъ къ нему—онъ такъ стоналъ, такъ кряхтѣлъ изъ самого нутра, словно птенецъ, только что вылупившійся, что я, увѣренный, что скоро-скоро онъ ляжетъ въ гробъ, дѣлалъ ему множество подарковъ, чтобы не превзошли меня въ любезности другіе, уважившіеся около него. И сколько ночей провелъ я безъ сна отъ заботъ, всё вычисляя и планируя! Это и въ могилу меня свело—безсонныя ночи да заботы. И несмотря на всѣ мои ухищренія, онъ же, недавно, посмѣивался на моихъ похоронахъ!!

Пл. И прекрасно, Оукритъ, и живи, сколько влѣзетъ, въ своею богатствѣ, надсмѣхаясь надъ расчетами подобныхъ господъ... И не раньше ты умрешь, какъ схоронишь всѣхъ своихъ прихлебателей!..

Тер. А, вотъ это и мнѣ, Плутонъ, ужасно пріятно, если Харіадъ умретъ раньше Оукрита.

Пл. Не безпокойся, Терпсіонъ: и Фидонъ, и Меланеъ, и всё другіе явятся сюда раньше его—погубивъ себя такими же заботами.

Тер. Ну, хоть это хорошо!.. Тогда живи себѣ, Оукритъ, какъ можно дольше!

27 (7).

Зенофантъ.—Каллидемидъ.

Зенофантъ. Каллидемидъ, ты отчего умеръ? Я—ты знаешь—бывъ приживальщикомъ у Дейніа, окачурился, слишкомъ много покушавши,—ты вѣдь былъ при этомъ?

Каллидемидъ. Былъ, Зенофантъ. Со мной же случилось нѣчто невѣроятное... Ты, кажется, знаешь старика Птеодора?

Зен. Бездѣтнаго богача, съ которымъ я тебя постоянно видѣлъ?

Кал. Того самаго; я около него увивался, такъ какъ все обѣщало, что онъ умретъ раньше меня. Но такъ какъ дѣло тянулось до безконечности и старикъ жилъ Маѳусаиловы вѣка, я придумалъ къ наслѣдству дорожку покороче: купилъ я зелья и упросилъ виночершія: какъ попросить Птеодоръ пить—а пилъ онъ здорово,—имѣть зелье на готовѣ и, наливъ въ вино, поднести ему; если сдѣлаетъ такъ, я обѣщаль ему отпустить его на волю.

Зен. Что же вышло? Ты хочешь рассказать, кажется, что то очень странное...

Кал. Пришли это мы, къ обѣду, вымытые; у парня двѣ чаши, одна, для Птеодора, съ зельемъ, другая—для меня; не знаю ужъ, какъ онъ ихъ перепуталъ, но мнѣ онъ подаль съ зельемъ, а

Птеодору—безъ зелья... Онъ себѣ вышелъ, а я тутъ же навзничъ, мертвецъ по ошибкѣ, вмѣсто того... Что это? Ты смѣешься, Зенофантъ? Не слѣдъ смѣяться надъ товарищемъ!

Зен. Штука съ тобой вышла, Каллидеמידъ! А старикъ что?

Кал. Сначала то перепугался отъ неожиданности, а потомъ, узнавъ въ чемъ дѣло, я думаю, смѣялся, что виночерпій то его устроилъ!

Зен. Не искать бы тебѣ короткаго пути, идти бы большой дорогой!.. Оно спокойнѣе, хоть и подольше немного!

28 (8).

Дамниппъ.—Кнемонъ.

Кнемонъ. Ой-ой... Вотъ ужъ правду говорится: не рой другому яму...

Дамниппъ. Что охаешь, Кнемонъ?

Кн. Что охаю, спрашиваешь? Бѣда моя, попался я и наследство оставилъ тому, отъ кого самъ очень рассчитывалъ получить... Тому свое оставилъ!

Дам. Какъ же такъ вышло?

Кн. Увивался я за Гермолаемъ, очень богатымъ и бездѣтнымъ, въ расчетъ на его кончину, и онъ ничего себѣ къ этому относился. Вотъ и вздумалось мнѣ: заявлю я формально свое завѣщаніе, что я ему оставляю все свое имущество,—авось и онъ въ отвѣтъ то же сдѣлаетъ!..

Дам. Ну, а онъ?

Кн. Что онъ написалъ въ завѣщаніи, не знаю: я внезапно умеръ, кровлей меня придавило; те-

перь Гермолай получилъ все мое, словно щука, что и крючекъ глотаешь вмѣстѣ съ наживкой!..

Дам. Тутъ ужъ не только крючекъ, но и рыбака! Самъ ты себѣ это подстроилъ...

Кн. Да, да... Вотъ и вздыхаю!..

29 (9).

Полистратъ. — Симиль.

Симиль. Пришелъ, наконецъ, къ намъ и ты, Полистратъ, проживъ годовъ, поди, безъ малаго сотню?

Полистратъ. 98, Симиль.

Сим. Какъ же прожилъ ты еще 30 лѣтъ послѣ меня? Когда я умеръ, тебѣ было около 70-и.

Пол. А превосходно, хоть это тебѣ и покажется страннымъ.

Сим. Невѣроятно, чтобы старикъ, больной да еще и одинокій, могъ наслаждаться жизнью!

Пол. Во-первыхъ, я былъ достаточно крѣпокъ, затѣмъ около меня было множество красивыхъ юношей, были очаровательныя женщины, всевозможныя благовонія, чудное вино, великолѣпнѣйшій столъ...

Сим. Странно это: я зналъ тебя очень экономнымъ.

Пол. Всѣ эти блага изливались на меня, милѣйшій мой, отъ другихъ! Съ самаго утра сейчасъ ко мнѣ во дворъ собиралось множество народу, и цѣлый то день приносили мнѣ въ подарокъ со всѣхъ сторонъ, что только есть наилучшаго на землѣ!..

Сим. Ты сталъ послѣ меня тиранномъ гдѣ ии-будь, Полистратъ?

Пол. Ничуть: у меня были тысячи поклонниковъ...

Сим. Вотъ потѣха! Поклонники у тебя, у такого то старика, у котораго всего четыре зуба?!

Пол. Ну ей-же Богу, да еще и лучшіе люди всего города! Вотъ за такимъ, какъ ты меня видишь, за лысымъ старикомъ, полуслышнымъ, сопливымъ, увивалось многое множество, и тотъ изъ нихъ, на кого я только взгляну, былъ уже счастливъ.

Сим. Такъ Афродиту, что-ли, ты, какъ Фаонъ, перевозилъ съ Хіоса, и она, по твоей мольбѣ, дала тебѣ быть снова молодымъ, красивымъ, привлекательнымъ?

Пол. Да нѣтъ, меня любили такимъ, каковъ я сейчасъ.

Сим. Загадки ты загадываешь!

Пол. Да вполне понятна эта страстная любовь къ богатымъ бездѣтнымъ старикамъ.

Сим. А-а! Понимаю, милѣйшій! Къ тебѣ привлекала та красота, которая отъ золотой Афродиты...

Пол. Пусть такъ, Симишь, а все-таки, не мало я и натѣшился на своихъ поклонниковъ: они вѣдь на меня чуть что не молились. Частенько я надъ ними ломался, иныхъ и прогонялъ, а они то другъ предъ дружкой старались превзойти въ угодливости...

Сим. Ну, а въ концѣ концовъ, ты какъ распорядился своимъ имуществомъ?

Пол. Каждому изъ нихъ я прямо говорилъ, что наследникомъ дѣлаю его. И каждый вѣрилъ и старался быть какъ можно услужливѣе. Но у меня было другое, формальное завѣщаніе; его я и оставилъ и тѣмъ всѣмъ пришлось плакать...

Сим. Кто же наслѣдникомъ по этому завѣщанію? Ктонибудь изъ твоей родни?

Пол. Ну нѣтъ, одинъ фригіецъ, молодой человѣкъ.

Сим. А сколько ему лѣтъ, Полистратъ?

Пол. Около 20.

Сим. Ну знаю, чѣмъ онъ снискалъ твою милость...

Пол. Да онъ гораздо достойнѣе всѣхъ другихъ быть наслѣдникомъ и хоть онъ и варваръ и мужикъ, за нимъ ужъ теперь увиваются тѣ же, самые знатные... Вотъ онъ и наслѣдовалъ мнѣ и теперь, хоть онъ и бритый, и по гречески плохо говоритъ, а считается ужъ за знатнаго господина, ему ужъ говорятъ, что онъ благороднѣе Кодра, красивѣе Нирея, умнѣе Одиссея...

Сим. Ну и чертъ съ нимъ, пусть его хоть Элладой предводительствуетъ, лишь бы тѣ ничего не получили...

30 (30).

Миносъ.—Состратъ.

Миносъ. Гермесъ! Этотъ Состратъ, какъ душегубецъ, да будетъ ввергнутъ въ Пиріелегетонъ; какъ святотаецъ, да будетъ растерзанъ Химерой; какъ тираннъ, да будетъ, подобно Титію, отданъ коршунамъ, чтобы они терзали его печень!.. Вы же, добрые, поспѣшайте въ Елисейскія поля, живите на островахъ блаженныхъ, поелику благо вы творили въ жизни!

Состратъ. Миносъ! Выслушай ты меня! Быть можетъ, согласишься, что я говорю дѣло!

Мин. Еще мнѣ слушать?! Да развѣ ты не обличень, Состратъ, что ты былъ негодяемъ и погубилъ столько народу!?

Сост. Обличень, но посуди: по правдѣ ли я буду наказанъ?

Мин. И даже очень, потому что справедливо терпѣть должно.

Сост. Отвѣтъ мнѣ, пожалуйста, Миносъ; мои вопросы будутъ не длинны.

Мин. Ну говори, только не размазывай; мнѣ надо судить еще и остальныхъ...

Сост. Что я сдѣлалъ въ жизни, сдѣлалъ я это произвольно, или какъ опредѣлено судьбой?

Мин. Безъ сомнѣнія, какъ опредѣлено судьбой.

Сост. Такъ что и всѣ добрые и мы, почитаемые злыми, дѣлали то или другое, повинуюсь судьбѣ?

Мин. Да, повинуюсь паркѣ Клото, которая всякому рождающемуся предопредѣляетъ то, что ему дѣлать.

Сост. А если бы какой-нибудь человѣкъ совершилъ убійство по принужденію другого, не въ силахъ будучи противиться его приказанію, напр., палачъ или тѣлохранитель, повинуюсь одинъ судьбѣ, а другой своему тиранну, кого бы ты обвинилъ тогда въ убійствѣ?

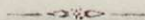
Мин. Конечно-же судью или тирана, не мечъ же! Вѣдь тутъ второй является какъ бы средствомъ, а духомъ—первый, который приказалъ!

Сост. Спасибо, Миносъ; ты мнѣ даешь даже больше, чѣмъ я просилъ. А если бы ктонибудь пришелъ въ храмъ по приказу господина и принесъ бы золото или серебро, кого надо было бы благодарить и вписать въ число благотворителей?

Мин. Конечно приславшаго, Состратъ; принесшій былъ только исполнителемъ.

Сост. Ну, такъ неужели ты не видишь, какъ несправедливо ты поступаешь, наказывая насъ, которые являемся лишь исполнителями того, что повелѣла Клото, а тѣхъ вознаграждая, хотя и они лишь исполнители чужихъ благодѣяній? Развѣ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь сказать, что мы были въ состояніи противиться совершенно неизбѣжнымъ повелѣніямъ?!

Мин. Ну, братъ Состратъ, многое и другое увидишь ты не совсѣмъ то понятнаго, если разобратъ хорошенько... Эти свои распросы ты оставь; изъ нихъ видно, что ты не только разбойникъ, но и софистъ.. Развяжи ты его, Гермесъ, и чортъ съ нимъ!... Только смотри, не научи у меня и другихъ мертвыхъ заводить такія же разсужденія...

ХАРОНЪ

или

Наблюдатели.

Гермесь. — Харонъ. — Крезъ. — Солонъ.

Гермесь. Что ты смѣнешся, Харонъ? Да и какъ это ты, оставивъ свой перевозъ, выбрался въ наши страны? Не очень то для тебя обычно выходить сюда...

Харонъ. Захотѣлось мнѣ, Гермесь, взглянуть: чтó такое есть на землѣ, и чтó люди тамъ дѣлають, или чтó они тамъ теряють, что всѣ вздыхають, сходя къ намъ,—вѣдь безъ слезъ никто со мной не переѣхалъ! Вотъ и отпросился у Аида и я, какъ, знаешь, молодой фессалиецъ, чтобы мнѣ на одинъ денекъ оставить перевозъ, и вышелъ на свѣтъ божій... И какъ это кстати я съ тобой встрѣтился: надѣюсь, ты прогуляешься со мной, проведешь меня и покажешь—ты, вѣдь, всё знаешь...

Герм. Ой, недосугъ мнѣ, братецъ! Иду я къ Зевсу по одному дѣлу, очень важному... А онъ вѣдь горячъ и я боюсь, какъ бы за промедленіе то онъ меня и совѣмъ съ тобой не оставилъ, загнавъ меня въ преисподнюю, либо не швырнулъ.

бы меня, какъ сдѣлалъ разъ съ Гефестомъ, схвативъ за ногу, съ небеснаго порога, такъ что и надолго будутъ смѣяться, когда я стану, прихрамывая, разносить вино...

Хар. Такъ ты меня бросишь одного блуждать по землѣ, это другъ то, спутникъ и товарищъ?!... Не грѣхъ бы тебѣ хоть то припомнить, сынъ Майи, что никогда я не заставлялъ тебя ни воду отливать, ни сторожить, а храпѣлъ ты себѣ, развалившись на палубѣ—съ твоей то сидищей!—либо, когда попадался разговорчивый мертвецъ, болталъ съ нимъ всю дорогу, а я, старикъ, одинъ обоими веслами работалъ!... Ну, пожалуйста, милый Гермесъ, не оставляй ты меня, покажи ты мнѣ все на землѣ, чтобъ уйти мнѣ—дѣйствительно видѣвши... Если ты меня покинешь—я вѣдь буду ровно слѣпой—какъ они во тьмѣ путаются и поскользываются, такъ и я безъ тебя ничего не увижу на землѣ... Ужъ сдѣлай милость, Кипленецъ, никогда ея не забуду...

Гер. Будетъ мнѣ за это трепка! Чувствую—не обойдется намъ это осматриваніе всего безъ потасовки!.. Но ужъ пойдемъ! Коли пріятель заставляетъ—чего не сдѣлаешь! Но все и хорошенько тебѣ осмотрѣть положительно, братецъ, невозможно! Это дѣло нѣсколькихъ лѣтъ! А мнѣ вѣдь потомъ нужно будетъ сбѣгать отъ Зевса на народное собраніе, тебѣ же помѣшаетъ долго возиться съ этимъ работа смерти, и царство Плутона страдаетъ, если ты долго не станешь перевозить мертвыхъ, да и Эакъ то, вашъ таможенникъ, разсердится, коли долго не получить своихъ оболонь... Поэтому надо такъ устроить, чтобы ты видѣлъ хоть главное.

Хар. Самъ ужъ ты, Гермесь, обдумай, какъ лучше. Я ничего о земныхъ дѣлахъ не знаю, я здѣсь чужой...

Герм. Перво-на-перво, Харонъ, надо намъ какое нибудь возвышенное мѣсто, чтобы оттуда тебѣ все и осматривать... Если бы можно было тебѣ идти на небо—лучше бы не надо: съ той высоты ты бы отлично все видѣлъ. Но такъ какъ тебѣ не подобаешь идти въ чертоги Зевса, потому что ты постоянно съ мертвыми тѣлами, то намъ надо высмотрѣть какую нибудь высокую гору.

Хар. Ты, Гермесь, знаешь, что я всегда вамъ говорю, когда мы вмѣстѣ ѣдемъ въ лодкѣ. Какъ только вѣтеръ хватить въ парусъ посильнѣе и подымется волненіе, вы всѣ сейчасъ, по неопытности, заговорите: тотъ—убрать парусъ, тотъ—немного поотдать, тотъ идти по вѣтру... А я вамъ велю сидѣть смирно—самъ я знаю, что нужно. Такъ и ты теперь — дѣлай, какъ по твоему, лучше, теперь ты правишь... А я, какъ и слѣдуетъ пассажиру, буду сидѣть смирно, во всемъ на тебя полагаюсь.

Герм. Правильно ты говоришь. Такъ я самъ буду знать, что дѣлать, и выберу подходящее мѣсто... Вотъ, не годится ли Кавказъ!.. Или Парнасъ? онъ повыше... Или вотъ Олимпъ? онъ выше обоихъ... При взглядѣ на Олимпъ нѣчто хорошенькое пришло мнѣ въ голову... только надо будетъ и тебѣ повозиться и похлопотать...

Хар. Приказывай,—я сдѣлаю все, что могу.

Герм. Гомеръ говоритъ, что сыновья Алоеа—ихъ было тоже двое—еще въ дѣтствѣ задумали выкопать какъ нибудь Оссу съ ея основаній и положить её на Олимпъ, а на нее — Пеліонъ, на-

дѣясь, что получится лѣстница, по которой можно будетъ взойти на небо. Эти два парня были потомъ наказаны—очень ужъ были они наглы. А намъ—вѣдь мы хотимъ сдѣлать это не въ обиду богамъ—почему бы не устроить такъ же, а наваливъ горы одна на другую, мы получимъ отличное мѣсто для наблюдений?

Хар. А мы сможемъ, Гермесъ, вдвоемъ то выворотить и поднять Оссу или Пеліонъ?

Герм. Да почему же нѣтъ, Харонъ?! Неужели ты думаешь, что мы, боги-властители, хуже тѣхъ людишекъ?!

Хар. Нѣтъ, но мнѣ кажется, что все это дѣло неслыханное и невѣроятное...

Герм. Да что ты?! Какой же ты, Харонъ, странный и необразованный человѣкъ! Нашъ милѣйшій Гомеръ двумя стихами сразу сдѣлалъ намъ небо доступнымъ, легохонько нагромоздивъ горы... И я удивляюсь, что это кажется тебѣ чѣмъ то невозможнымъ, когда ты, конечно, знаешь Атласа, который одинъ все небо держитъ, со всѣми нами... Да вѣдь слыхалъ же ты и о братцѣ моемъ, Гераклѣ, какъ онъ однажды смѣнилъ Атласа и на нѣкоторое время избавилъ его отъ бремени, подставивъ подъ его ношу собственную спину.

Хар. Слыхать то слыхалъ, только правда ли оно—то вы, Гермесъ, съ поэтами знаете.

Герм. Чистѣйшая правда, Харонъ! Ну чего ради стали бы врать умные люди?! Ну, такъ выворотимъ же прежде всего Оссу, какъ это рассказываютъ намъ басня и нашъ строитель Гомеръ, а потомъ, на Оссу—и лѣсистый Пеліонъ... Видишь, какъ легко, совсѣмъ какъ въ сказкѣ говорится, мы всё обдѣлали! Дай-ка я взойду, да

взгляну, довольно ли этого, или нужно еще прибавить. Батюшки, далеко еще мы ниже неба... На востокъ чуть-чуть видѣются Іонія и Лидія, на западъ—части Италіи и Сициліи, на сѣверъ—только до Истра, а туда Критъ, не совсѣмъ хорошо... Кажется, братецъ, надо намъ притащить еще и Эту, да на все—еще и Парнасъ...

Хар. Ладно. Только смотри, не сдѣлать бы намъ постройку слишкомъ непрочной, если подыmemъ её больше чѣмъ слѣдуетъ: послѣ, обрушившись вмѣстѣ съ ней и разбивъ себѣ головы, не испытать бы намъ, какъ плоха гомеровская работа...

Герм. Небось... Будетъ прочно... Пододвигай-ка Эту... Подкачивайся, Парнасъ!!.. Смотри, видишь—я всхожу... Отлично.. Я все вижу. Выходи и ты...

Хар. Дай-ка мнѣ руку, Гермесъ: ты меня поднимаешь на огромную махину...

Герм. Да если ты хотѣлъ, Харонъ, все видѣть... А это несовмѣстимо—и сидѣть спокойно и все осмотрѣть. Ну, держись, да смотри, не поскольз-нись... Ну вотъ, поднялся и ты... У Парнаса двѣ вершины—вотъ мы и сядемъ, одинъ на одну, другой на другую... Ну, ты у меня озирайся кругомъ и разсматривай все.

Хар. Я вижу много земли, какое то большое озеро, горы, рѣки—больше, чѣмъ Кокитъ и Пирифлегетонъ, людей очень маленькими, и какія то у нихъ кучи...

Герм. Это города то, что ты называешь кучами...

Хар. Вотъ видишь, Гермесъ, ничего у насъ не вышло, задаромъ переворошили мы Парнасъ съ Кастальскимъ источникомъ, Эту и остальные горы.

Герм. Это почему?

Хар. Ничего я хорошенько не вижу съ такой высоты! А я хотѣлъ бы видѣть не только города и горы, какъ на картѣ, а самыхъ то людей, что они дѣлають и что говорятъ—вотъ какъ тогда, когда ты меня встрѣтилъ, я смѣялся, а ты меня еще спросилъ, чего я смѣюсь? —я смѣялся, услышавъ нѣчто, пока подымался.

Герм. А что же это такое было?

Хар. Да кто-то, приглашаемый на завтра, повидимому на обѣдъ, отвѣчалъ: „непремѣнно буду!“—и не успѣлъ еще онъ вымолвить, какъ большая черепица, не знаю ужъ отчего сорвавшись съ крыши, убила его. Я и смѣялся, что онъ не исполнить обѣщанія... Слѣдовало бы и мнѣ теперь поспуститься, чтобы больше видѣть и слышать.

Герм. Не безпокойся! Я это сейчасъ исправлю и мигомъ сдѣлаю такъ, что ты будешь отлично видѣть—у Гомера и на это найдется заговоръ. Какъ только я скажу нѣсколько словъ—помни, что ты ужъ видишь не плохо, а все очень ясно.

Хар. Ну, скажи-ка...

Герм. Мракъ у тебя отъ очей я отвелъ, окружавшій ихъ прежде,

Нынѣ ты ясно познаешь и бога, и смертнаго мужа.

Ну что? видишь?

Хар. Великолѣпно!! Теперь—Линкей предо мной слѣпнущъ! Теперь ты также объясняй мнѣ и отвѣчай на вопросы. Не хочешь-ли—и я тебя спрошу изъ Гомера, чтобы ты зналъ, что и я не невѣжда въ его сочиненіяхъ?

Герм. Да откуда тебѣ ихъ знать! Ты вѣдь все только перевозишь, да сторожишь!.

Хар. Ну, чего ты ремесло мое порочишь...

И, какъ перевозилъ его послѣ смерти, много наслушался, какъ онъ распѣвалъ, и кое-что еще помню. А тогда насъ подхватила жестокая непогода—съ того, знать, что онъ завелъ не очень то подходящій для плавающихъ стихъ: какъ Посейдинъ собралъ тучи и ударомъ трезубца такъ все море взбушевалъ, что вода словно ключемъ кипѣла, вѣтры все выпустилъ и прочее,—этими словами онъ возмутить море—и вотъ вдругъ буря и вихорь налетѣли, чуть чуть не разбили нашего судна! И пѣвецъ нашъ самъ, страдая отъ морской болѣзни, изрыгнулъ много своихъ рапсодій—о Скиллѣ, Харибдѣ, Циклопѣ. Немудрено было изъ такого изверженія кое что и сохранить въ памяти. Ну, вотъ скажи мнѣ:

Кто этотъ мужъ претолстый, могучій, огромный? Онъ и головой и плечами широкими всехъ перевысилъ.

Гер. А это Милонъ кротонскій, атлетъ. Рукоплещутъ ему эллины за то, что онъ, взявъ на руки быка, пронесъ его цѣлую стадію.

Хар. А насколько же справедливѣе было бы имъ, Гермесъ, привѣтствовать меня—я, немного спустя, этого самого Милона посажу въ лодку, когда онъ придетъ къ намъ, сраженный непобѣдимѣйшимъ противникомъ, смертью, не выдержавъ, какъ она его хватить? Поплачется онъ у насъ тогда, вспоминая эти вѣнки и эту бѣшеную овацію... А теперь—онъ величается, что ему дивятся за штуку съ быкомъ.. Да что намъ о немъ думать?—будемъ надѣяться, умретъ когданибудь и онъ!

Гер. Гдѣ ему теперь о смерти думать, при его то здоровьи!..

Хар. Ну его; немного спусти посмѣшить онъ насъ, когда побѣдетъ—и ему не только быка, а и комара не снести!.. А скажи-ка ты мнѣ: кто вонъ тотъ почтенный мужъ? не элинь, какъ кажется, по крайней мѣрѣ, по одеждѣ?

Гер. Это, Харонъ, Киръ, сынъ Камбиза. Онъ недавно водворилъ здѣсь власть персовъ вмѣсто того что прежде владычествовали здѣсь мидяне, онъ побѣдилъ ассирійанъ, взялъ Вавилонъ, и теперь, кажется, собирается на Лидію, чтобы, подчинивъ себѣ Креза, господствовать ужъ надъ всѣми.

Хар. А Крезъ—онъ гдѣ?

Гер. Смотри вонъ туда на большое укрѣпленіе среди города съ тройною стѣной — это Сарды; тамъ ты видишь и самого Креза, онъ сидитъ на золотомъ креслѣ и разговариваетъ съ аоніянскимъ Солономъ. Хочешь, послушаемъ, что они говорятъ?

Хар. Очень хочу.

Крезъ. Ну, аоніянинецъ, вотъ ты видѣлъ мое богатство, мои сокровища, видѣлъ, сколько у меня золота въ слиткахъ, видѣлъ все мое великолѣпіе... скажи-ка ты мнѣ: кто, какъ ты думаешь, самый счастливый человѣкъ на землѣ?

Хар. Что то отвѣтитъ Солонъ?..

Гер. Не бойсь, отвѣтитъ не глупо, Харонъ!

Солонъ. О Крезъ! счастливыхъ мало! изъ тѣхъ же, кого я знаю, я думаю, что самые счастливые Клеобисъ и Битонъ.

Гер. Это онъ называлъ дѣтей одной жрицы въ Аргосѣ, которые недавно оба вмѣстѣ умерли, послѣ того какъ довели свою мать до святилища, сами впрягшись въ повозку.

Бр. Ну, пусть такъ; пусть они занимають первое мѣсто по благополучію. А кто второй?

Сол. Афинянинъ Теллъ, который честно прожилъ жизнь и умеръ за отечество.

Бр. А я, чертъ тебя дери, по твоему—не счастливъ?!

Сол. Не знаю, Крезъ, пока не достигнешь ты конца своей жизни; въ этомъ дѣлѣ безошибочно рѣшается смерть—прожилъ ли человѣкъ счастливымъ до конца?

Хар. Отлично, Солонъ, что ты насъ не забылъ и признаешь, что въ моей лодкѣ находится рѣшеніе этого вопроса!.. А кого это тамъ Крезъ отправляетъ, и что они несутъ на плечахъ?

Гер. Это онъ посылаетъ золотые слитки пифійскому оракулу—въ благодарность за прорицаніе, отъ котораго онъ самъ же вскорѣ и погибнетъ... Онъ ужасно чтитъ оракуловъ!

Хар. Такъ это-то и есть золото, это свѣтлое, что блеститъ, красновато-желтое? Я въ первый разъ теперь его вижу, а слышу о немъ постоянно.

Гер. Это, Харонъ, и есть оно, знаменитый предметъ ссоръ и войнъ...

Хар. А я не вижу, что въ немъ хорошаго, кромѣ того только, что люди изнемогають, когда несутъ его.

Гер. Ахъ, ты не знаешь, сколько изъ за него войнъ, подлостей, разбоевъ, клятвъ, убійствъ, наказаній, какія плаванія, путешествія, сколько людей въ рабствѣ!

Хар. Изъ за этого, Гермесъ, такъ мало отличающагося отъ мѣди?—мѣдь я знаю, получая, какъ тебѣ извѣстно, по оболу со всякаго переѣзжающаго.

Гер. Да, но мѣди много, такъ что она у нихъ не очень уважается, а этого рабочіе добываютъ немного, съ большой глубины—вѣдь и оно изъ земли, какъ свинець и пр.

Хар. Какую ты глупость о людяхъ рассказываешь, что они такъ любятъ это желтое и трудно находимое!

Гер. Да, но только не Солонъ нашъ его любить, какъ видишь. Онъ смѣется надъ Крезомъ съ его варварскою надутостью. Мнѣ кажется, онъ что то хочетъ его спросить... Посмотримъ-ка...

Сол. Скажи мнѣ, Крезъ: ты думаешь, что пиѣйскій богъ нуждается въ этихъ слиткахъ?

Кр. Конечно! у него въ Дельфахъ нѣтъ подобнаго дара!

Сол. Такъ ты думаешь: богу будетъ пріятно, если онъ, въ числѣ прочаго, получить и слитки золота?

Кр. А развѣ нѣтъ?

Сол. Бѣднымъ же ты, Крезъ, представляешь себѣ небо, коли богамъ изъ Лидіи приходится добывать себѣ золото—если оно имъ нужно.

Кр. Да гдѣ же столько золота, какъ у насъ?

Сол. Скажи мнѣ: желѣзо въ Лидіи родится?

Кр. Совсѣмъ его нѣтъ.

Сол. Ну, такъ лучшаго то вы и не имѣете.

Кр. Какъ? желѣзо лучше золота?

Сол. Если будешь отвѣчать—только не сердись!—самъ поймешь.

Кр. Ну спрашивай, Солонъ.

Сол. Кто лучше: тѣ-ли, кто спасаютъ другихъ, или спасаемые другими?

Кр. Конечно—спасающіе.

Сол. Ну, а если Киръ, какъ носятъ слухи, на-

падаетъ на Лидію—ты даешь своему войску мечи золотые, или тутъ тебѣ необходимо желѣзо?

Кр. Желѣзо, само собой.

Сол. И если бы его не было, золото твое стало бы добычей персовъ...

Кр. Типунъ тебѣ на языкъ!

Сол. Да не будетъ этого никогда, но, кажется, ты соглашаешься, что желѣзо важнѣе золота.

Кр. Такъ по твоему, мнѣ и богу пожертвовать куски желѣза, а золото отобрать?

Сол. Да и желѣзо ему не надобно. И пожертвуешь ли ты туда мѣдь, или золото—комунибудь другому даешь ты богатство и выгоду—фокейцамъ, беотійцамъ, дельфійцамъ, какомунибудь тиранну или грабителю, богу же мало дѣла до золотыхъ вещей!..

Кр. Все ты нападаешь на мое богатство изъ зависти!..

*

Гер. Не выносить, Харонъ, нашъ лидіецъ смѣлости и правды въ рѣчахъ! Ему кажется чѣмъ то страннымъ человѣкъ бѣдный и не унижающійся, а свободно высказывающій свое мнѣніе. Но немного спустя вспомнить онъ Солона—когда придется ему, понавъ въ плѣнъ, идти по волѣ Кира, на костерь... Я недавно слышалъ, какъ Клото разбирала предназначенное каждому, а тамъ написано, что Крезъ будетъ взятъ въ плѣнъ Киромъ, а Киръ—самъ погибеть вонъ отъ той массагетки—видишь скиѣскую женщину? Вонъ ту, что скачетъ на бѣлой лошади?

Хар. Вижу.

Гер. Это Томирисъ. Она, собственною рукою отрубивъ голову Кира, сунетъ ее въ мѣшокъ,

полный крови... Видишь и его сына—мальчика? Это Камбизъ. Онъ будетъ царствовать послѣ отца, потеряетъ десятки тысячъ въ Ливіи и Эѳіопіи, убьетъ затѣмъ Аписа и, наконецъ, умретъ въ сумашествіи.

Хар. Ой! вотъ потѣха! А теперь!—кто взглянуть смѣетъ на нихъ, такъ возносящихся надъ другими! Или кто повѣритъ, что вскорѣ этотъ будетъ въ плѣну, а того голова—въ мѣшкѣ съ кровью!.. А это кто, Гермесь, на острову, вонъ—одѣтый въ порфиру, съ діадемой? Ему рыбакъ, только что выпотрошивъ рыбу, подаетъ кольцо?

То не царь ли нѣкій зрится?

Гер. О-го, Харонъ, ты въ поэзію ударился! Видишь ты Поликрата, самосского тиранна. Онъ увѣренъ, что онъ совершенно счастливъ—но онъ будетъ распятъ, выданный сатрапу Орету Меандріемъ, который у него теперь управителемъ—въ мигъ падетъ онъ изъ своего благополучія... Это я тоже слышалъ отъ Клото...

Хар. Люблю я эту Клото! Жги ихъ, голу-бушка, отсѣкай имъ головы, распинай ихъ, чтобы они знали, что они люди! Пусть поднимаются они на страшную высоту, чтобы больнѣе оттуда падать!.. Вотъ я уже посмѣюсь, какъ узнаю каждого изъ нихъ въ своей лодченкѣ—голымъ, безъ порфиры, безъ тиары, безъ золотого ложа!..

Гер. Такъ съ ними и будетъ... А видишь ты, Харонъ, эти толпы людей—плавающихъ, воющихъ, судящихся, работающихъ въ полѣ, дающихъ въ ростъ, просящихъ милостыню?..

Хар. Я вижу пеструю толпу и сумятицу, города ихъ, похожіе на улы, гдѣ каждый имѣетъ жало и жалитъ ближайшихъ, а какіе то немногіе,

словно осы, держатся поосторожнѣе... А что это — словно рой видѣній носится надъ ними?

Гер. А это, Харонъ, надежды и страхи, глупость и увлеченія, жадность и гнѣвъ, ненависть и т. п. Изъ числа этихъ штукъ глупость вмѣшивается между людьми и управляетъ съ ними государствомъ, а съ нею—ей-же Богу!—и ненависть, гнѣвъ, зависть, невѣжество, неумѣлость, жадность. А страхъ и надежды пролетаютъ надъ людьми и то вдругъ ужасъ пугаетъ ихъ и приводитъ въ трепетъ, а то надежды, витая надъ ихъ головами, когда иной думаетъ вотъ-вотъ поймать ихъ, взвиваются и исчезаютъ, оставивъ людей съ разинутыми ртами—вотъ какъ Танталя ты можешь видѣть у себя подъ землею, страдающаго отъ жажды. А если присмотришься увидишь: тамъ Парки наматываютъ для каждаго его веретено, отъ тонкихъ нитокъ котораго суждено зависѣть всѣмъ и каждому... Видишь, словно какая паутина сходитъ сверху отъ каждаго веретена?

Хар. Вижу очень тонкія нитки къ каждому человѣку—и онѣ перепутаны: та съ этой, другая съ той.

Гер. Такъ и надо, братецъ: суждено ужъ, что этотъ будетъ убитъ тѣмъ, тотъ—другимъ, тому вонъ—наслѣдовать имущество отъ этого, у котораго нитка совсѣмъ коротенькая, а тому—вонъ отъ этого—такъ, приблизительно, показываютъ перепутанныя нити. Видишь, всѣ они прикрѣплены къ тонкимъ ниточкамъ.. И вонъ тотъ, поднятый вверхъ, у всѣхъ на виду, а немного погодя, упавши, когда нитка порвется, не выдержавъ тяжести, онъ произведетъ великій шумъ, а тотъ, немного приподнятый надъ землею, если и сва-

лится, упадетъ безъ шуму, такъ что еле и сосѣди замѣтитъ, что онъ упалъ.

Х. Потѣха это, Гермесъ!

Г. Сказать нельзя, Харонъ, до чего это смѣшно, а особенно чрезмѣрные ихъ усилія и вдругъ—уходъ посреди своихъ надеждъ, когда они попадутся нашей милѣйшей Смерти. А у нея тутъ, какъ видишь, прислужниковъ и помощниковъ многое множество: лихорадки, горячки, чахотки, воспаленія, мечи, разбои, яды, судьи, тираны... Ничего этого словно до нихъ и не касается, они себѣ благоденствуютъ... А какъ попадутся ей—сколько тутъ и „ой-ой-ой“! и „ай-ай-ай“! и разныхъ аховъ! А если бы они съ самаго начала, сразу, поразсудили, что они смертны и что, потолкавшись тутъ въ жизни малое время, уйдутъ, словно отъ сна очнутся, оставивъ все земное,—они и жили бы умнѣе и меньше бы горевали умирая. А то, надѣясь на вѣкъ пользоваться земными благами, они, какъ какой нибудь такой слуга, явившись, позоветъ ихъ или потащить горячкой или чахоткой, жалуются, что ихъ уводятъ,—никогда, вишь, они и не думали, что ихъ отсюда возьмутъ! Чего бы не сдѣлалъ тотъ, который вонъ съ великимъ тщаніемъ строить себѣ домъ, торопить рабочихъ, если бы онъ зналъ, что домъ этотъ принесетъ ему смерть, что онъ умретъ, едва покрывъ крышу, и наслѣднику своему оставить пользоваться этимъ домомъ, а самъ, бѣдняжка, въ немъ и не пообѣдаетъ! Или вонъ тотъ, который съ радости, что жена родила ему сына, и друзей угощаетъ и именемъ своего отца называетъ младенца, если бы зналъ онъ, что сынъ его, едва достигши семи лѣтъ, умретъ,—какъ ты

думаешь, сталъ бы такъ радоваться его рожденію?! А происходитъ это отъ того, что онъ смотритъ вонъ на того, счастливаго своимъ сыномъ, на того, чей сынъ получилъ призъ въ Олимпіи, а на сосѣда, который потерялъ сына, онъ не смотритъ, да не знаетъ и того, на какой ниточкѣ все это виситъ... Видишь спорящихъ о межахъ своей земли—сколько ихъ; видишь собирающихъ богатства, а потомъ, прежде чѣмъ они богатствами этими воспользуются, ихъ отзываетъ одинъ изъ тѣхъ прислужниковъ и помощниковъ, о которыхъ я говорилъ....

Х. Гляжу я на все это и разсуждаю самъ съ собой: чтò имъ такъ сладко въ жизни и чтò это, чего лишаясь, они такъ горюютъ?.. Если бы взглянулъ кто нибудь на царей, которые кажутся всѣхъ счастливѣе, то вѣдь и ихъ положеніе вовсе непрочное, а колеблющееся, и въ ихъ положеніи больше тягостей, чѣмъ радостей: тамъ страхи, смуты, ненависть, заговоры, гнѣвъ, лесть, вотъ среди чего они живутъ... Я ужъ не говорю о личныхъ несчастіяхъ, болѣзняхъ, страданіяхъ; ясно, что они подвержены всему этому наравнѣ съ другими. А если ужъ ихъ положеніе плохо, можно себѣ представить, каково положеніе простыхъ людей!.. Хочу я тебѣ, Гермесъ, сказать, на чтò, по-моему, похожи люди и вся ихъ жизнь... Наблюдалъ ты когда нибудь пузыри, которые образуются на водѣ, куда падаетъ какая-нибудь сильная струя? Одни изъ нихъ маленькіе и сейчасъ же, только что поднялись, и лопаются; другіе держатся долѣе и даже очень увеличиваются и вздуваются, захватывая сосѣдніе пузыри, но и они—раньше или позже—окончательно пропадають, иначе ужъ не можетъ быть. Такова и жизнь человѣческая. Всѣ надуг-

ваются—одни больше, другіе меньше, одни держатся всетаки нѣкоторое время, другіе исчезаютъ, едва образовавшись. Но лопаются всѣ непременно.

Г. Харонъ, да ты привелъ сравненіе ничуть не хуже, чѣмъ у Гомера, который уподобляетъ родъ людской листьямъ деревьевъ...

Х. И вотъ такіе то, Гермесъ, смотри, что дѣлаютъ, какъ борются и спорятъ изъ за власти, почестей и денегъ, хоть имъ придется, бросивъ все это, явиться къ намъ съ однимъ оболомъ. Не закричать ли мнѣ, пока мы на такой высотѣ, громко-на-громко, не посовѣтовать ли имъ бросить пустыя заботы, жить, имѣя всегда предъ глазами смерть; не сказать ли имъ: „глупые вы люди! Что вы выбиваетесь изъ силъ Богъ знаетъ надъ чѣмъ?! Перестаньте, отдохните; не вѣкъ вамъ жить. Вѣдь ничто изъ важнаго для васъ здѣсь—не вѣчно, и умирая никто ничего съ собой не возьметъ. Уйдете отсюда каждый безо всего, а домъ, земля, деньги останутся всегда во власти другихъ и будутъ перемѣнять своихъ господъ!“. Если я закричу имъ,—съ мѣста, откуда можно услышать—такъ, или что нибудь въ такомъ родѣ, какъ ты думаешь, это не будетъ имъ очень полезно и не сдѣлаются они гораздо умнѣе?

Г. Ну, другъ любезный, ты не знаешь, до чего овладѣли ими глупость и обманъ,—сверломъ ушей имъ не просверлишь! Они такимъ же воскомъ залѣпили ихъ, какимъ нѣкогда Одиссей задѣлалъ уши своихъ товарищей, чтобы они не слышали сирень! Гдѣ имъ услышать, хоть бы ты допнулъ отъ крика! Чтò у васъ дѣлаетъ Лета, то здѣсь—глупость. Но и кромѣ того, есть межъ ними нѣсколько человѣкъ, которые не набили воску въ

уши, которые стремятся къ истинѣ, внимательно всматриваются въ вопросы жизни и изслѣдуютъ ихъ...

Х. Ну такъ крикнемъ имъ.

Г. И это лишнее—говорить имъ то, что они знаютъ. Видишь они, удалившись отъ толпы, смѣются надъ тѣмъ, что творится; нигдѣ и ни въ чемъ они не находятъ удовольствія и сами, очевидно, хотятъ бѣжать къ вамъ отъ этой жизни. Они — предметъ общей ненависти за то, что изобличаютъ глупость другихъ.

Х. И слава вамъ, благородные люди! Но какъ ихъ мало, Гермесъ!

Г. Довольно и того... Однако, пойдемъ-ка!

Х. Еще одно мнѣ хочется, Гермесъ, знать, и если покажешь и это—превосходно закончишь ты свои объясненія. Хочется мнѣ видѣть хранилища труновъ, гдѣ ихъ зарываютъ...

Г. Они называютъ это, Харонъ, кладбищами, курганами, могилами. Вонъ, у городовъ, видишь ты груды земли, плиты, пирамиды? Это все—мѣста погребенія мертвыхъ, тамъ сохраняются трупы...

Х. Зачѣмъ же они увѣшиваютъ камни вѣнками и мажутъ ихъ масломъ?.. А тѣ, вонъ, разведя предъ могилами огни и выкопавъ какую то яму, жгутъ тамъ дорогія яства и въ ямы что то пьютъ,—кажется мнѣ, вино и какой то составъ съ медомъ?..

Г. Не знаю, братецъ, на что это нужно тѣмъ, кто въ аду, а они увѣрены, что души, вылетая изъ преисподней и носясь около, питаются дымомъ и запахомъ и пьютъ изъ ямъ этотъ напитокъ съ медомъ...

Х. Это они-то пьютъ и ѣдятъ,—они, у которыхъ одни черепа?! Да, впрочемъ, смѣшно, что я

это говорю тебѣ; ты каждый день видишь мертвыхъ. Ты-то ужъ знаешь, могутъ ли выйти тѣ, кто разъ попали въ подземное царство. Этого только и недоставало, Гермесь, чтобы ты—и такъ ужъ не мало у тебя дѣла—не только отводилъ ихъ, но и опять выводилъ, чтобы они напивались... Вотъ глупые такъ глупые: не знаютъ, какъ отличается то, чтò живое, отъ того, что мертвое и что у насъ. Равная честь погребеннымъ и тѣмъ, кому нѣту кургана;

Равны средь мертвыхъ и Ирѣ, и царь Агамемнонъ;
Равенъ Терситу тамъ мощный сынъ лѣпокудрой
Θемиды—

Головы всѣхъ мертвецовъ одинаково тамъ без-
сильны,

Послѣ того, какъ изсохли онѣ на лугу Асфодела.

Г. Господи, сколько ты, Харонъ, знаешь изъ Гомера! Но если ужъ ты мнѣ его напомнилъ, я хочу тебѣ показать могилу Ахиллеса. Видишь—вонъ тамъ, у моря? Тамъ троянскій Сигей, а напротивъ похороненъ въ Ретеѣ Аяксъ.

Х. Не велики, Гермесь, ихъ могилы! А покажи ты мнѣ ужъ и знаменитые города, о которыхъ мы слышимъ въ аду—Сарданапалову Ниневію, Вавилонъ, Микены, Клеоны и, наконецъ Иліонъ. Помню—многихъ я оттуда перевезъ, цѣлыхъ десять лѣтъ не вытаскивалъ и не сушилъ лодки...

Г. Ниневія, братъ, ужъ погибла, и слѣда отъ нея не осталось; не найдешь, гдѣ она и была. А Вавилонъ—вонъ тебѣ тотъ городъ, съ крѣпкими стѣнами, огромный, но немного спустя, придется и его разыскивать, какъ Ниневію. А Микены и Клеоны мнѣ просто стыдно тебѣ и показывать, особенно же Иліонъ! Оттаскаешь ты, я увѣренъ, Го-

мера, какъ сойдешь внизъ, за высокопарность его рассказовъ. Впрочемъ прежде они процвѣтали, теперь же умираютъ. Вѣдь умираютъ, другъ мой, и города, какъ люди, и даже—какъ это ни странно—рѣки: Инаха въ Аргосѣ и русла не осталось!

Х. Вотъ тебѣ разъ! А у Гомера-то что похвалъ, что восклицаній! Иліонъ священный, прекрасный, Клеоны крѣпкоустроенныя!.. Между прочимъ: кто это тамъ воюющіе и за что они убиваютъ другъ друга?

Г. Это, Харонъ, аргивяне и лакедемонцы, — видишь, стратегъ Отриадъ, умирая отъ ранъ, надписываетъ трофеей своей кровью.

Х. А изъ за чего же у нихъ война, Гермесь?

Г. А изъ за этой самой равнины, на которой они сражаются.

Х. Ой, какъ это глупо! Не знаютъ они, что каждый изъ нихъ, хоть бы цѣлый Пелопоннесъ прибрѣлъ, у Эака получить самое маленькое мѣстечко, а это поле будутъ потомъ воздѣлывать другіе и развѣ какъ нибудь плугомъ выпахнутъ ихъ трофеей...

Г. Да, такъ и будетъ. А мы пойдемъ-ка, разставимъ горы по мѣстамъ да и отправимся—я, куда посланъ, а ты—на свой перевозъ... Скоро я самъ приду къ тебѣ, приведу мертвыхъ!

Х. Ну, спасибо, Гермесь, ублаготворить ты меня! Я тебя и на вѣчное поминаніе запишу. Благодаря тебѣ большую я пользу извлекъ изъ своего путешествія... Вотъ жизнь жалкихъ людей! Цари, куски золота, гекатомбы, битвы,—а о Харонѣ нѣтъ и въ помыслахъ!...

Народное собраніе боговъ.

Зевсъ. — Гермесъ. — Момъ.

Зевсъ. Не ворчите больше, господа боги, и не шепчитесь по угламъ, жалуясь, что въ нашихъ пирахъ участвуетъ много недостойныхъ. Открывается по этому вопросу совѣщаніе, говорите же каждый открыто, что ему думается, и заявляйте свои неудовольствія. Гермесъ, давай обычный знакъ!

Гермесъ. Господа! Молчаніе!! Кто хочетъ говорить изъ имѣющихъ на то право взрослыхъ боговъ? Вопросъ о чужихъ и новопоселенцахъ!

Момъ. Я, Момъ! если позволишь, Зевсъ...

Зевсъ. Приглашеніе даетъ уже тебѣ право, такъ что отъ меня ничего не нужно.

Момъ. Я хочу сказать, что худо дѣлають тѣ изъ насъ, которые, не довольствуясь, что сами изъ людей стали богами, думаютъ еще, что ничего важнаго и существеннаго не достигнуто, если они не сдѣлають равными намъ по почету и своихъ слугъ и спутниковъ. Зевсъ! Я прошу дать мнѣ позволеніе говорить съ полною свободою. Иначе я не могу, а все знаютъ, какъ я невоздержанъ на языкъ и что ни о чемъ я не умолчу, что дѣлается не хорошо. Я все изобличаю и говорю открыто то, что думаю, не опасаясь никого и стыдясь скрывать свое мнѣніе. За это я многимъ и

кажусь невыносимымъ, прирожденнымъ донощикомъ, за это меня и называютъ фискаломъ. Но если ужъ позволено, если мы приглашены и если ты самъ, Зевсъ, даешь позволеніе, я выскажусь, ничего не скрывая.

Я говорю, что многіе, не довольствуясь тѣмъ, что допущены къ участию во всѣхъ нашихъ пирахъ и равно съ нами почитаются, хотя на половину они смертные, привели еще съ собой на небо и вписали въ число боговъ цѣлая артели слугъ и теперь, ни гроша не заплативъ, принимаютъ участіе въ жертвоприношеніяхъ и все раздѣляютъ наравнѣ съ нами.

Зевсъ. Да говори. Момъ, безъ намековъ, открыто и прямо, называй имена: теперь твои замѣчанія слишкомъ общи, они могутъ касаться многихъ, того или другого. Надо быть смѣлымъ и говорить безъ стѣсненій.

Момъ. Спасибо, Зевсъ, что ты меня еще и вызываешь на откровенность! Ты поступаешь царственно, правдолюбиво, великодушно, требуя отъ меня и именъ.. Ну-съ, вотъ нашъ благороднѣйшій Діонисъ, получеловѣкъ, даже по женской линіи не грекъ, а внукъ какого то сирофиникійскаго торговца Кадма; разъ ужъ онъ удостоился бессмертія—не стану я говорить, каковъ онъ; не стану говорить о его митрѣ, объ его пьянствѣ, объ его ухарствѣ. Всѣ вы, я думаю, видите, какъ мало онъ похожъ на настоящаго мужчину, какая это баба; видите, что онъ полоумный и что съ утра уже отъ него разить винищемъ... Но вѣдь онъ ввелъ къ намъ всю свою братію, цѣлую орду, и сдѣлалъ богами Пана, Силена и сатировъ, этихъ мушлановъ, скотниковъ, буяновъ и съ такими

харями! У одного изъ нихъ рога, ноги отъ колѣна козлиныя и со своей длинной бородой онъ почти совсѣмъ похожъ на козла; другой—лидіецъ-то этотъ,—плѣшивый, курносый старикъ, вѣчно на ослѣ... Сатиры — точно фригійцы: уши у нихъ острыя, сами они плѣшивые, рогатые да и рога то у нихъ точно у новорожденного козленка. У всѣхъ у нихъ хвосты. Вотъ, какихъ боговъ надѣлалъ намъ его благородіе!!! Удивительно ли, что презираютъ насъ люди, видя богами такихъ уродовъ и чудовищъ? Я ужъ не говорю, что онъ привелъ и двухъ бабъ, одну свою любовницу Аріадну, да еще ея вѣнокъ помѣстилъ въ число звѣздъ; другую, дочь мужика Икара. И что ужъ совсѣмъ смѣшно, боги, и собаку-то Эригоны и ту онъ ввелъ на небо, чтобы—видите ли!—дѣвка то эта не огорчилась, что не взять на небо ея любимый пестъ! Чтó это, боги, не обида?! не пьяный дебошъ?! не насмѣшка?! Но послушайте о другихъ...

Зевсъ. Объ Асклеліѣ и о Гераклѣ, Момъ, не говори! Вижу я, что ты туда гнешь рѣчь! Изъ нихъ одинъ лѣчитъ и поднимаетъ отъ одра болѣзней и одинъ онъ стоитъ многихъ другихъ, а Гераклъ—мой сынъ и не малыми трудами купилъ онъ себѣ безсмертіе, такъ что ихъ ты ужъ не тронь!

Момъ. Для тебя, Зевсъ, я о нихъ умолчу, хотя имѣю многое сказать, хотя бы одно то, что оба они огонькомъ клеймлены... Если мнѣ можно говорить о тебѣ самомъ, я бы многое имѣлъ сказать?

Зевсъ. Обо мнѣ всего больше можешь говорить. Но что же: ты и меня будешь обвинять въ томъ, что я чужой?

Момъ. Ну, на Критѣ не только это можно о

тебѣ слышать; тамъ говорить о тебѣ кое что и еще и могилу твою показываютъ. Впрочемъ, я не вѣрю ахейскимъ эгейцамъ, которые болтають, что ты подкидывшъ; я скажу то, что, по моему, гораздо болѣе заслуживаетъ порицанія. Вѣдь даль поводъ для всѣхъ этихъ безобразій и былъ причиною того, что у насъ завелось это скопище незаконнорожденныхъ, ты самъ, Зевсъ, связываясь съ смертными женщинами, пробираясь къ нимъ и тутъ, и тамъ въ разныхъ видахъ. Мы положительно трепетали, чтобы ктонибудь не закололъ тебя, какъ жертвенную скотину, когда ты обратился въ быка, или чтобы какойнибудь золотыхъ дѣлъ мастеръ не переплавилъ тебя, когда ты обращался въ золотой дождь, такъ что вмѣсто Зевса вдругъ бы у насъ оказались брошка, браслетъ или сережки... А потомъ ты набилъ небо этими полубогами,—иначе не могу я ихъ назвать. Вѣдь это же потѣха слышать, что Геркулесъ оказался богомъ, а Эвриссеей, который имъ командовалъ, простой смертный и что рядомъ—храмъ Геркулеса, холопа, и могила Эвриссея, его хозяина. И опять въ Оивахъ: Діонисъ—богъ, а его двоюродные братья—Пентей, Актеонъ, Леархъ—самые обыкновенные люди! Съ того времени, какъ ты, Зевсъ, для всѣхъ такихъ открылъ сюда двери и связался со смертными женщинами, всѣ бросились тебѣ подражать и не только боги, но—что ужъ совсѣмъ позоръ—и богини. Кто не знаетъ Анхиза, Тіеона, Эндиміона, Ясіона и остальныхъ?! Впрочемъ, это ужъ лучше опустить: слишкомъ долго было бы рассказывать всѣ ихъ вины.

Зевсъ. Момъ, ничего не говори о Ганимедѣ.

Я разсержусь, если ты огорчишь этого мальчика, ругая его родню!

Момъ. Пожалуй, и про орла ничего не говорить, ибо и онъ на небѣ, сидитъ на царскомъ скипетрѣ, чуть не на головѣ у тебя гнѣзда вьетъ и тоже на бога походить?! И его оставить изъ за Ганимеда?... Ну, а Атисъ, Корибантъ, Сабазій, эти откуда затесались въ нашъ кругъ? А этотъ мидіецъ, Миора, въ кандисъ и тіарѣ, даже по гречески не разумѣющій, такъ что онъ ни „здравствуй“, ни „прощай“ не понимаетъ!! И вотъ геты и скифы, видя такія штуки, говорятъ, что немного мы значимъ, и сами дѣлаютъ бессмертными и богами кого имъ вздумается, напримѣръ, Замолксисъ, простой рабъ, вписался въ боги, не знаю ужъ какъ волгавшись. Да все это, боги, еще бы ничего себѣ. Но ты, египтянинъ, запеленанный, съ собачьей мордой! ты, милѣйшій, кто такой? Какъ это ты изъ гончихъ удостоился стать богомъ?! Чего нужно этому разукрашенному быку Мемфиса, тоже почитаемому, изрекающему оракулы, окруженному жрецами!? Мнѣ просто стыдно говорить объ ибисахъ, обезьянахъ, козлахъ и другихъ вещахъ, еще болѣе смѣшныхъ, Богъ знаетъ какъ перебравшихся изъ Египта на небо! И какъ это вы, боги, терпите, что все это почитается такъ же какъ вы, если только не болѣе!! Да ты, Зевсъ, какъ ты то терпишь, что и тебѣ наростили бараньи рога??

Зевсъ. Все, что ты говоришь объ египтянахъ, и вѣрно и стыдно. Только, вѣдь, Момъ, многое тутъ загадочно, и не надо очень смѣяться надъ этимъ, если не посвященъ въ таинства...

Момъ. Да ужъ, дѣйствительно, надо быть очень

посвященнымъ, чтобы понимать, что боги—боги и есть, а несоголовые—такъ несоголовые...

Зевсъ. Оставь, пожалуйста, вопросъ объ египтянахъ... Мы разсмотримъ это въ другое время, на досугъ... Говори дальше...

Момъ. Тогда я скажу о Трофоніи и, что всего болѣе меня бѣситъ, объ Амфилохѣ, который, сынъ окаиннаго матереубійцы, предсказываетъ себѣ, какъ настоящій богъ, въ Киликіи, жестоко надувая и шарлатанствуя изъ-за двухъ грошей... Теперь ужъ не ты, Аполлонъ, славись, а любой камень, любой алтарь подаетъ оракулы, если его помазать масломъ, да положить на него вѣнковъ, лишь бы при немъ оказался какой-нибудь шарлатанъ, а ихъ много! Вонъ статуя борца Полидаманта исцѣляетъ горячечныхъ въ Олимпіи, статуя Ѡеагена — на Ѡазосѣ, Гектору приносятъ жертвы въ Иліонѣ, а насупротивъ въ Херсонесѣ—Протезилаю. Стало насъ такъ много, больше стало и клятвопреступленій и святотатствъ, и хорошо люди дѣлають, что насъ презирають!..

Ну, я кончилъ о богахъ незаконнорожденныхъ и незаконно вписавшихся. Очень смѣюсь я также, Зевсъ, слыша какія то странныя слова для вещей, которыхъ нѣтъ у насъ, слова, которыя ничего и не могутъ заключать. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, Многославная Доблесть, и Природа, и Судьба, и Счастье, эти пустыя, ничего не обозначающія слова, выдуманныя болтунами - философами?! И вотъ, появившись ни съ того ни съ сего, они такъ овладѣли умами безумцевъ, что никто не хочетъ приносить намъ жертвъ, зная, что хоть тысячу гекатомбъ сожги онъ намъ, а Судьба все равно сдѣлаетъ то, что предопредѣлено каждому изъ

вѣку Рокомъ!! Позволь тебя, Зевсѣ, спросить: да ты самъ то видѣлъ когда нибудь Добродѣтель, Природу или Судьбу? А вѣдь ты вѣчно слышишь эти слова въ философскихъ разсужденіяхъ и я знаю, что ты вѣдь не какой нибудь глухарь, и навѣрно слышишь ихъ громкіе вопли. Однако, я прерываю свою рѣчь, хотя имѣлъ бы еще многое сказать. Я вижу, что многіе сердятся на меня и даже по-свистываютъ, особенно тѣ, кого затронули мои смѣлыя слова. Если хочешь, Зевсѣ, я прочту уже заготовленную резолюцію по этому вопросу?..

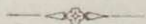
Зевсѣ. Читай. Я не скажу, чтобы все у тебя было невѣрно, и надо, въ самомъ дѣлѣ, многое устранить, чтобы не развилось еще большаго...

Момъ. Резолюція: „Въ часъ добрый. На законно состоявшемся собраніи, въ 7-й день мѣсяца, почетнымъ предсѣдателемъ былъ Зевсѣ, предсѣдательствовалъ Посейдонъ, товарищемъ предсѣдателя былъ Аполлонъ, секретаремъ былъ Момъ, сынъ Ночи. Сонъ внесъ предложеніе. Такъ какъ многіе посторонніе, не только эллины, но даже варвары, никоимъ образомъ недостойные быть членами нашей общины, незаконно вписались въ наше число и объявились богами, переполнили небо, такъ что пиры боговъ стали полны шумной толпой, разноголосой и разноязычной, а нектаръ и амброзія, вслѣдствіе множества потребителей, стали истощаться, такъ что стаканъ стѣить уже мину, да они же по дерзости, постолкавши съ сѣдалищъ старинныхъ и настоящихъ боговъ, заняли первыя мѣста, не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, и стремятся на землѣ получить особое почитаніе, то совѣтъ и народъ постановили: въ день зимняго солнцестоянія созвать на Олимпѣ

общее собраніе и избрать семь взрослыхъ боговъ въ комиссію, трехъ изъ стараго совѣта, что были при Кроносѣ, и четырехъ изъ двѣнадцати, въ числѣ ихъ Зевса. Комиссія эта имѣетъ работать, давъ узаконенную клятву Стиксомъ. Гермесъ, какъ глашатай, пригласитъ всѣхъ, кто претендуетъ на право участвовать въ собраніи, а они соберутъ свидѣтелей, которые бы клятвенно засвидѣтельствовали ихъ происхожденіе. Затѣмъ они будутъ по одиночкѣ представлены въ комиссію и комиссія, допросивъ свидѣтелей, рѣшитъ, признавать ли ихъ богами или должно ихъ отправить на ихъ кладбища и положить подъ фамильными памятниками. И если потомъ кто-нибудь изъ этихъ недостойныхъ и обличенныхъ комиссіей полѣзетъ на небо, того схватить и бросить въ Тартаръ. Богамъ же каждому заниматься своимъ дѣломъ, и Аѳинѣ не лечить, Асклепію не давать оракуловъ, Аполлону не дѣлать сразу столько дѣлъ, а, избравъ что нибудь одно, быть или вѣщуномъ, или врачомъ, или пѣвцомъ. Философамъ же подтвердить, чтобъ не выдавали пустые звуки за божества и не пустословили о томъ, чего не знаютъ. А которые изъ исключенныхъ боговъ имѣютъ храмы и жертвенники, тѣхъ изображенія изъять изъ обращенія и замѣнить ихъ статуями Зевса, Геры, Аполлона или кого изъ остальныхъ боговъ, а тѣмъ города могутъ насыпать курганы и вмѣсто жертвенниковъ поставить имъ надгробныя плиты. А если кто не послушаетъ приглашенія и не явится въ комиссію, о томъ будетъ постановлено заочное рѣшеніе".—Таково постановленіе.

Зевсъ. Совершенно вѣрно, Момъ! Кто согласенъ, поднимите руки... впрочемъ, пусть лучше

такъ будетъ исполнено, я знаю, что много тутъ такихъ, которые бы не подняли руки. Теперь ступайте, а Гермесь позоветъ васъ; приходите же каждый съ подлинными документами и ясными доказательствами, кто его отецъ и мать, когда и какъ сдѣлался кто богомъ, кто его родня и свойственники. И какъ кто такихъ доказательствъ не представить, комиссія не будетъ обращать вниманія на то, что кто либо имѣетъ на землѣ пышный храмъ или что люди считаютъ его богомъ!

Зевсъ въ трагическомъ положеніи.

Зевсъ. — Гера. — Посейдонъ. — Аполлонъ — Аѳина. — Афродита. — Гермесъ. — Статуя Гермеса съ аѳинскаго рынка. — Момъ. — Гераклъ. — Колосъ Родосскій. — Тимоклъ. — Демисъ.

Гермесъ. Чтѣ ты, о Зевсъ, размышляя, все что-то шепчешь?

Чтѣ ты такъ блѣденъ, съ лицомъ какъ философъ, серьезнымъ?

Ты мнѣ откройся, приказывай мнѣ, что угодно.

Ввѣрься ты мнѣ, ужъ я тебя, право, не выдамъ!

Аѳина. Да, мой отецъ, Кронидъ, владыка безсмертныхъ!

Молить тебя свѣтлоокая дочь твоя Тритогаенія, Выскажись, душу свою облегчи, пусть знаемъ мы также,

Чтѣ за печали грызутъ тебѣ сильно и душу и сердце,

Чтѣ ты глубоко вздыхаешь, зачѣмъ твои блѣдны ланиты?

Зевсъ. Можно сказать, что нѣтъ такихъ бѣдствій ужасныхъ,

Нѣту несчастій, нѣтъ потрясающихъ душу событій,

Время которыхъ теперь бы роду боговъ не грозило!..

Аѳина. Господи! чтѣ за ужасное рѣчи начало!

Зевсъ. О, вы! всемерзкія праха земного рожденья!
О Прометей! Что за бѣды ты намъ приготовилъ!!

Аонна. Что же такое? Вѣдь ты говоришь о
живущихъ?!

Зевсъ. Молніи быстро текущей гроза, что́ бу-
дешь ты дѣлать!!

Гера. Перестань ты пыхтѣть! Ты думаешь, что
если я не могу отвѣчать тебѣ изъ комедій да
изъ былинъ, какъ вонъ они, или разыгрывать съ
тобой цѣлыя сцены изъ Еврипида, такъ я не
понимаю, что́ это у тебя за печаль?!

Зевсъ. Не знаешь, а то заголосила бы ты!

Гера. Знаю я, что́, вправду, тебя мучить! Лю-
бовныя какія нибудь шашни! Да ужъ по привычкѣ
не жалуюсь, часто я отъ тебя эту обиду терпѣла!..
Вѣстимо, опять нашелъ Данаю какую нибудь,
или Семелу, или Европу,—ну и бѣсишься отъ
любви да придумываешь, какъ бы, обернувшись
въ быка, сатира, или въ золото, пробраться сквозь
крышу въ объятія любезной. Всѣ эти вздохи,
слезы, блѣдность не чего другого это знаки, какъ
влюбленности.

Зевсъ. Ахъ матушка! Ты думаешь, что все еще
у меня мысли о любви и о другихъ такихъ же
пустякахъ?!

Гера. Да что же другое, если не это, такъ раз-
строило тебя, Зевса?!

Зевсъ. Въ отчаянномъ положеніи, Гера, дѣло
боговъ, и на волоскѣ, какъ говорится, виситъ:
пользоваться ли намъ еще почетомъ и получать
ли на землѣ дары, или о насъ совсѣмъ позабытъ
и почитаться намъ за ничто.

Гера. Такъ, стало, Земля опять родила какихъ
нибудь Гигантовъ, или Титаны разбили свои оковы,

вырвались изъ подъ стражи и опять подняли противъ насъ оружіе?!

Зевсъ. Ну-у! съ этой стороны дѣло боговъ въ безопасности.

Гера. Что же другое можетъ быть страшно? Не понимаю я, что же, если не нѣчто подобное, такъ преогорчило тебя, что ты не Зевсомъ кажешься, а дрожишь, какъ осиновь листь.

Зевсъ. Вотъ что, Гера: вчера стоикъ Тимокль и эпикуреецъ Дамисъ—не знаю ужъ, съ чего начавъ рѣчь—спорили о промыслѣ въ присутствіи множества почтенныхъ и извѣстныхъ людей—это то меня и огорчило ужасно,—и Дамисъ говорилъ, что боговъ нѣтъ, что они не блюдутъ и не устраиваютъ ничего въ мірѣ, а почтенный Тимокль старался стоять за насъ. Потомъ подвалила толпа и споръ ничѣмъ не рѣшился. И вотъ они сошлись сегодня обсудить до конца, и вонъ сколько собралось послушать, кто побѣдитъ и чья правда. Видите, какова опасность, въ какомъ трудномъ положеніи наше дѣло: оно зависитъ отъ удачи одного чело-вѣка. И вотъ, одно изъ двухъ: или мы останемся въ презрѣніи, если признають, что мы только одни слова, или будемъ почитаться по прежнему, если переспорить Тимокль.

Гера. Это, вѣра правду, страшно, и не попусту ты, Зевсъ, говорилъ все по трагедіямъ..

Зевсъ. А ты вздумала, что въ такой серьезный моментъ я стану думать о какой нибудь Данаѣ или Антиопѣ! Но что же намъ, Гермесъ, Гера и Афина, дѣлать, а? Подумайте-ка и вы хоть малость.

Герм. По моему, надо обсудить дѣло по обычаю всѣмъ вмѣстѣ, созвавъ собраніе.

Гера. И по моему тоже.

Аиона. А по моему, батюшка, напротивъ, не надо смущать небо, не надо показывать, что ты этимъ встревоженъ, а прямо сдѣлать такъ, чтобы Тимоклъ переспорилъ и чтобы Дамисъ ушелъ изъ собранія осмѣяннымъ.

Герм. Но, Зевсъ, вѣдь это же не останется въ секретѣ: споръ философовъ шелъ явно, и покажется, что ты ужъ слишкомъ много на себя берешь, если не сообщить всѣмъ о такомъ важномъ вопросѣ.

Зевсъ. Ну, такъ скликай, и чтобы собрались всѣ; ты правду сказалъ.

Герм. Эй! боги! сходитесь на совѣты! Не мѣшкайте! Идите, всѣ собирайтесь! Совѣтовать будемъ не о пустякѣ!

Зевсъ. Что ты, Гермесъ, такъ сухо, грубо, прозаически сзываешь и на такое то важное совѣщаніе!

Герм. А какъ же по твоему надо, Зевсъ?

Зевсъ. Какъ по моему? А надо, я думаю, приглашеніе сдѣлать въ стихахъ, поэтически, погромче, чтобы побольше пришло.

Герм. Да, Зевсъ; только вѣдь это дѣло поэтовъ да пѣвцовъ, а я плохой поэтъ, такъ что испорчу все приглашеніе—либо въ размѣрѣ ошибусь, либо стопу пропущу, и станутъ смѣяться моей рѣчи. Я видалъ, какъ Аполлонъ поемѣвается надъ иными отвѣтами оракуловъ, хотя въ оракулахъ все позволительно и слушающимъ не до того, чтобы провѣрять стихи.

Зевсъ. Такъ ты вставь въ приглашеніе побольше гомеровскаго, Гермесъ, какъ онъ насъ созывалъ. Ты помнишь же, вѣроятно...

Герм. Не такъ, чтобы очень ужъ ясно и точно, но попробую.

Къ Зевсу въ чертоги собирайтесь боги всѣ и бо-
гини,

Такъ-же и нимфы, и рѣки—кромѣ одного Океана,—
Всѣ собирайтесь, кто только когда вкушалъ гека-
томбы,

Всѣ, кто только сидитъ надъ какими-нибудь алта-
рями!

Зевсъ. Ладно, Гермесь; отлично у тебя вышло, вонъ ужъ и собираются. Ты ихъ принимай и разсаживай, всякаго по достоинству, по матеріалу и по работѣ: впередъ золотыхъ, затѣмъ серебряныхъ, за ними изъ слоновой кости, потомъ бронзовыхъ и мраморныхъ; изъ этихъ послѣднихъ впередъ надо ставить Фидіевыхъ, или работы Алкамена, Мирона и Евфранора и тому подобныхъ художниковъ, а разная тамъ дрянь, безобразные, пусть такъ, гдѣнибудь подальше въ молчаніи постоятъ на совѣтѣ, лишь бы въ собраніи побольше народу было...

Герм. Слушаю. Разсажу ихъ какъ слѣдуетъ. Но вотъ что не худо бы мнѣ знать: если кто нибудь изъ нихъ золотой и массою своею стоить много талантовъ, а по работѣ плохъ, безобразенъ и нелѣпаго вида, садить ли его выше бронзовыхъ работы Мирона и Поликлета, или мраморныхъ работы Фидія и Алкамена, или должно отдать предпочтеніе работѣ?

Зевсъ. Да, слѣдуетъ такъ, но золото все таки нужно предпочитать...

Герм. А, значить по стоимости и по пышности надо разсадить, а не по божественному достоинству. Ну, такъ идите впередъ вы, золотые!.. Ой,

Зевсъ: кажется, что впередъ то сядутъ одни чужіе боги, потому что греческіе, видишь, какіе они: изящные, красивые, превосходно сдѣланные, но только все бронзовые или мраморные, или ужъ самое большее изъ слоновой кости, кой гдѣ только тронутые позолотой, такъ, въ видѣ подкраски и чтобъ немножечко блестяло, внутри то они деревянные и въ нихъ цѣлыя тысячи мухъ; а вонъ эта Бендисъ, или вонъ тотъ Анубисъ, а за ними вонъ Аттисъ, Митра, Менъ, эти сплошь изъ чистаго золота, тяжелые и дѣйствительно драгоценные.

*

Посейдонъ. Это, Гермесъ, справедливо, что тотъ псоголовый египтянинъ сидитъ выше меня, Посейдона?

Герм. Да вѣдь тебя, потрясатель земли, Лизиппъ сдѣлалъ изъ бронзы, дешевенькимъ, такъ какъ у коринвянъ тогда золота не было, а этотъ очень цѣненъ, онъ весь литой. Такъ ужъ приходится потерпѣть, что тебя и поотодвинутъ и что выше чѣмъ ты будетъ цѣниться тотъ, у кого этакій золотой носъ!

Афродита. Тогда, Гермесъ, возьми меня и посади гдѣ нибудь впереди. Я золотая.

Герм. Нѣтъ, Афродита, — по крайней мѣрѣ, сколько я вижу, если я не ослѣпъ: ты изъ бѣлаго мрамора, кажется пентелійскаго, обращеннаго въ Афродиту Праксителемъ; такъ ты и отдана была въ Книдъ.

Афр. Я приведу тебѣ очень достовѣрнаго свидѣтеля, Гомера: онъ постоянно называетъ меня „золотой“ Афродитой.

Герм. Ну, такъ вѣдь онъ и Аполлона называлъ „многозлатымъ, богатымъ“, а вишь, и онъ теперь

сидить гдѣ то въ третьемъ ряду, послѣ того какъ разбойники стащили у него вѣнки, а разные вертуны отобрали у него лиру, такъ что, ужъ будь добра, сядь и ты подальше.

Колоссъ Родосскій. А со мной кто посмѣетъ спорить, когда я солнце—и такой величины!! Вѣдь если бы родосцы не рѣшили сдѣлать меня непременно колоссальныхъ размѣровъ, такъ на мою цѣну можно было бы сдѣлать 16 золотыхъ боговъ; полагаю, меня такъ и цѣнить надо! Да при такой-то величинѣ у меня и работа отличнѣйшая!...

Герм. Что тутъ дѣлать, Зевсъ? Положительно я не могу рѣшить! Если смотрѣть на матеріаль—онъ бронзовый; если же посмотрѣть, чего онъ стоить—его надо посадить впереди перваго ряда!...

Зевсъ. Ахъ, да зачѣмъ было и приходить сюда этому... Смѣется надъ малымъ ростомъ остальныхъ, и всю эстраду завалилъ... Э-э-э... Вотъ что, великій родосецъ! Если и надо цѣнить тебя выше, чѣмъ золотыхъ, то гдѣ ты тутъ сядешь, если только не заставить всѣхъ стоять? Одинъ ты будешь сидѣть, и то цѣлый Пниксъ займешь сврею одною половиною. Лучше ужъ ты постой, наклонившись...

Герм. Погляди-ка еще, чего тутъ дѣлать станешь? Вонъ двое: оба бронзовые, оба одной работы Лизиппа, одинаковой величины, оба одинаково почитаются по рожденію, какъ дѣти Зевса,—Діонисъ и Гераклъ. Кому изъ нихъ сидѣть выше? Видишь, они спорятся...

Зевсъ. Ахъ, Гермесъ, мы теряемъ время, а давно бы ужъ пора намъ открыть засѣданіе... Ну, пусть теперь сядутъ вперемѣшку, гдѣ кто хочетъ, а потомъ мы обсудимъ это, и я тогда посмотрю, какой установить для нихъ порядокъ...

Герм. Святители, какъ они шумятъ! И орутъ, какъ всегда: „подавай! подавай! Гдѣ нектаръ? гдѣ нектаръ? амброзіи не хватило! А гдѣ гекатомбы? Общихъ жертвоприношеній!“...

Зевсъ. Скажи ты имъ, Гермесъ, чтобы они замолчали... Пусть-ка бросятъ они эти пустяки и узнаютъ, зачѣмъ они собраны.

Герм. Да вѣдь не всѣ понимаютъ, Зевсъ, по гречески, а я не полиглоттъ, чтобы говорить и по скински, и по персидски, и по еракійски, и по кельтски, такъ что, я думаю, просто подать знакъ рукой, чтобы они замолчали...

Зевсъ. Ну, ладно.

Герм. Ну, вотъ, они стали безгласны, что твои софисты, такъ что пора и говорить... Видишь, они глядятъ на тебя, ожидая, что ты скажешь.

Зевсъ. Э-э-э... Послушай, Гермесъ, что со мной; тебѣ то я, какъ сыну, могу это сказать... Ты, вѣдь, знаешь, какъ я всегда говорилъ на собраніяхъ смѣло и рѣшительно...

Герм. Знаю, я всегда трепеталъ, слушая твои рѣчи, а особливо, когда ты грозилъ, спустивъ золотую цѣпь, поднять изъ глубины море и землю со всѣми богами...

Зевсъ. Да... А теперь, сынокъ,—не знаю ужъ, отъ важности ли вопроса, или отъ многолюдства собранія, собраніе, какъ видишь, очень многочисленно—но растерялся я, не соберусь съ мыслями, прилипъ языкъ у меня къ гортани, а что всего нелѣпѣе—я позабылъ начало рѣчи, которую приготовилъ и которое мнѣ казалось всего подходяще для нихъ...

Герм. Ты, Зевсъ, все испортилъ... А они ужъ обратили вниманіе, что ты молчишь, и ожидаютъ

услышать что-то очень неприятное, если ты медлишь...

Зевс. Какъ ты думаешь, Гермесъ: что, если я обращусь къ нимъ съ гомеровскимъ обращеніемъ?

Герм. Съ какимъ это?

Зевс. „Слушайте слово мое вы, боги, и вы всѣ, богини!“

Герм. Нѣтъ, брось! Довольно, что ты давеча намъ продекламировалъ! Знаешь что: оставь ты стихотворную напыщенность, а возьми какую-нибудь изъ демосееновыхъ рѣчей противъ Филиппа, измѣнивъ кое-что, такъ теперь дѣлаютъ очень многіе ораторы!

Зевс. Дѣло! Для того, кто затрудняется, самое подходящее такіа риторическія заимствованія и такая поддержка!

Герм. Ну, начинай же!...

Зевс. „Я увѣренъ, господа боги, что вы дорого бы дали, чтобы вамъ стало вполне яснымъ то дѣло, рѣшить которое вы собрались нынче. Въ виду этого вамъ надлежитъ внимательно выслушать мою рѣчь. Въдѣ настоящий случай, боги, таковъ, что чуть голосомъ не вопіетъ, что его надо особенно обсудить сравнительно со всѣми другими. Мы же относимся къ нему со страннымъ пренебреженіемъ. И вотъ я хочу (ну, теперь я буду говорить ужъ не по Демосеену)... и вотъ я хочу рассказать вамъ обстоятельно, чѣмъ встревоженный, я созвалъ собраніе.“

Вчера, какъ вы знаете, мы, по приглашенію судохозяина Мнеситея, были въ гостяхъ въ Пиреѣ, гдѣ этотъ Мнеситей приносилъ жертву въ благодарность за то, что корабль его около Каферея спасся отъ большой опасности. Послѣ возліанія

вы всё разошлись кто куда, какъ каждому вздумалось, а я—было еще не поздно—пошелъ въ городъ прогуляться вечеркомъ по Керамику, размышляя все время о скаредности Мнеситея, который на угощеніе шестнадцати боговъ принесъ въ жертву одного пѣтуха, да и то совсѣмъ стараго и хриплаго, да четыре кусочка ладону, совершенно заплеснѣвшаго, такъ что онъ сейчасъ же и гасъ на угольяхъ и дыму отъ него не удавалось понюхать ни кончикомъ носа — и это послѣ того, какъ онъ общалъ цѣлая гекатомбы, когда корабль былъ уже межъ камнями и его несло на скалу... Ну-съ, такъ вотъ, думая объ этомъ, вхожу я въ галерею картинъ и вижу, что стоитъ великое множество народу, одни подъ портикомъ, другіе подъ окрытымъ небомъ, а еще какіе-то, сидя на стульяхъ, громко и горячо спорять. Посмотрѣвъ въ чемъ дѣло и узнавъ, что спорщики эти — философы, я вздумалъ послушать, что они говорятъ. Дождался я тучи, завернулся въ нее и обратился въ подобіе ихъ, и бороду отпустилъ, и сталъ совсѣмъ похожимъ на философа. Порастолкавши кой-кого локтями, я вошелъ, сохраняя incognito, и нахожу: эпикурейца, проклятаго Дамиса, и стойка Тимокла, почтеннѣйшаго челоуѣка, спорящихъ съ великимъ азартомъ. Тимоклъ просто вепотѣлъ и голосъ у него осипъ отъ крика, а Дамисъ, язвительно поддразнивая, еще болѣе горячилъ его. Рѣчь же у нихъ шла о насъ. Мерзавецъ Дамисъ говорилъ, что мы не промышляемъ о людяхъ, не бдимъ надъ тѣмъ, что у нихъ совершается; говорилъ даже, что насъ вовсе и нѣтъ,—таковъ былъ смыслъ его рѣчи. И находились такіе, которые одобряли его. Тимоклъ

же держалъ нашу сторону и спорилъ съ нимъ, возражалъ и всячески стоялъ за насъ, восхваляя нашъ промыслъ; доказывалъ, что мы всё въ мірѣ руководимъ и устриваемъ въ надлежащемъ порядкѣ. Были такіе, что и его одобряли, только онъ уже утомился и говорилъ съ трудомъ, и больше соглашались съ Дамисомъ. Тогда я, видя опасность, велѣлъ Ночи спуститься и прекратить бесѣду. И всё разошлись, отложивъ обсужденіе на слѣдующій день, и я, уходя въ большой толпѣ, слышалъ среди идущихъ похвалы Дамису и почти полное согласіе съ нимъ. Но были и такіе, которые не находили возможнымъ выбрать то или другое мнѣніе, а рѣшали ждать, что скажетъ завтра Тимоклъ.

Вотъ это то и есть то дѣло, по которому я васъ пригласилъ, господа боги. Не пустяшное оно, если вы обратите вниманіе, что вся намъ честь, слава и выгода—люди, и если они придутъ къ убѣжденію, что насъ вовсе нѣтъ, или что мы, хоть и существуемъ, да о нихъ совсѣмъ не думаемъ, быть намъ отъ земли безъ жертвъ, безъ приношеній, безъ почета, и будемъ мы сидѣть на небѣ безо всего, впроголодь, лишившись празднествъ, торжествъ, состязаній, жертвъ, служеній и приношеній. Вотъ я и говорю, что теперь надо намъ всѣмъ подумать: гдѣ намъ спасеніе, какъ бы Тимоклъ побѣдилъ и признанъ былъ говорящимъ правду, а Дамисъ былъ бы осмѣянъ слушателями. А я что-то не совсѣмъ увѣренъ, что Тимоклъ побѣдитъ, если ему не будетъ помощи отъ насъ.—Ну, Гермесъ, подавай какъ слѣдуетъ звакъ, чтобы встали желающіе подать совѣтъ.

Герм. Господа! Молчаніе! Не шумите! Кто хо-

четь говорить изъ имѣющихъ право голоса совершеннолѣтнихъ боговъ?!... Что же это? Никто не встаетъ... Всѣ молчать, пораженные важностью предложеннаго вопроса...

Момъ. Ну, будьте вы всѣ тише воды, ниже травы, а я, Зевсъ, имѣю много сказать, если только мнѣ будетъ позволено говорить.

Зевсъ. Говори, Момъ, совершенно свободно. Ты, навѣрно, скажешь что-нибудь дѣльное.

Момъ. Ну-съ, послушайте же боги, чтó, какъ говорится, наболѣло у меня на сердцѣ. Я давно предвидѣлъ, что дѣла наши придутъ въ такое безотрадное положеніе и что народится множество такихъ умниковъ, которые отъ насъ же самихъ заимствуютъ основаніе для своей дерзости. И, говоря по правдѣ, не на Эпикура надо намъ сердиться, не на учениковъ его и послѣдователей, если они такъ говорятъ о насъ. Да и что же о насъ думать, когда всѣ видятъ, что на землѣ такіе беспорядки, что на честныхъ людей никто не обращаетъ никакого вниманія, что они гибнутъ въ бѣдности, болѣзняхъ, въ рабствѣ, а что самые негодные и скверные люди почитаются, богатыются, повелѣваютъ несравненно достойнѣйшими, что святотатцы не несутъ наказаній и остаются неоткрытыми, а что иногда люди, ни въ чемъ не повинные, подвергаются наказаніямъ и даже жестокимъ казнямъ. Совершенно естественно, если, видя все это, люди рѣшаютъ, что насъ вовсе и нѣтъ, а особенно, когда они слышатъ, что оракулъ говорить: „Крезъ, черезъ Галисъ рѣку перейдя, великое царство разрушить“, а не сказано: свое или вражеское; или, еще: „О Саламинъ священный, ты чада женщинъ погубишь“—хотя, вѣдь, кажется,

и персы и греки одинаково чада женщинъ. Или еще, когда они слышать отъ рапсодовъ, что мы и любимъ, и раны получаемъ, и связываютъ насъ иногда; что мы и служимъ, и ссоримся, и имѣемъ тысячи дѣлъ, и что при всемъ этомъ мы, дескать, и блаженны и невредимы,—что же имъ остается, какъ не смѣяться и не ставить все, насъ касающееся, ни во что?! И намъ негодовать, что иные люди, не совсѣмъ глупые, все это изобличаютъ и отвергаютъ нашъ промыслъ?! Да мы должны радоваться, что еще хоть нѣкоторые приносятъ намъ жертвы, когда вины наши такъ велики! Да скажи ты мнѣ, Зевсѣ,—здѣсь вѣдь мы одни, на нашемъ совѣтѣ нѣтъ никого изъ людей, кромѣ Геракла, Діониса, Ганимеда и Асклепія, которые уже приняты въ нашу общину,—скажи ты мнѣ по совѣсти: ты подумалъ когда-нибудь хоть настолько разобратъ, кто изъ людей хорошій и кто худой? Не станешь ты этого утверждать! И если бы Тезей, проходя изъ Трезены въ Аѣины, между прочимъ не убилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, ты—насколько это зависѣло отъ тебя и отъ твоего промысла—ты бы пальцемъ не пошевелилъ, чтобы помѣшать Скирону, Питіокампу, Керкіону и остальнымъ жить себѣ грабежомъ по большимъ дорогамъ. И если бы Эвриссеей, человѣкъ почтенный и умный, не позаботился бы изъ челоуѣколюбія о своей землѣ и не послалъ бы вотъ этого своего раба, мужика дюжаго и трудолюбиваго, на разныя работы,—тебѣ, Зевсѣ, и горюшка мало было бы и не думалъ бы ты ни о гидрѣ, ни о стимфалійскихъ птицахъ, ни о еракійскихъ коняхъ, ни о пьянствѣ и буянствѣ кентавровъ. И если говорить правду, всѣ мы только сидимъ здѣсь, поджидая, не при-

несетъ ли кто жертвы, не покурить ли передъ нами ладона, а все остальное идетъ само собой какъ придется, вперемѣшку. И терпимъ по заслугамъ и еще будемъ терпѣть въ скорости, какъ только люди поймутъ, что нѣтъ имъ никакой пользы отъ жертвоприношеній и устроенія намъ празднествъ. Вотъ скоро ты и увидишь, что Эпикуры, Митродоры, Дамисы насъ осмѣиваютъ, а наши защитники—разбиты и загнаны. И придется вамъ все это терпѣть и допускать, сами вы до этого довели. А Мому не велика бѣда, что онъ останется не въ почетѣ—онъ не былъ никогда въ числѣ почитаемыхъ и раньше, когда вы были еще въ полномъ благополучіи и только и дѣлали, что угощались жертвами.

Зевсъ. Ну, боги, оставимъ его съ его воркотней. Онъ всегда былъ желченъ и рѣзокъ. Еще Демосѣенъ отицно сказалъ: обвинять, бранить, порицать—дѣло легкое и всякому желающему доступное, а вотъ посовѣтовать, какъ поправить дѣло, для этого, по истинѣ, нуженъ мудрый совѣтникъ. И я увѣренъ, что вы всѣ остальные это и сдѣлаете, хотя этотъ и будетъ молчать.

Посейдонъ. Я, собственно, какъ вы знаете, чело-вѣкъ подводный, и у себя, въ глубинѣ морской, свое дѣло дѣлаю, спасаю по мѣрѣ возможности, плавающихъ, перевожу ихъ корабли и унимаю вѣтры. А теперь—вѣдь и меня это дѣло касается,—я полагаю, что надо, прежде чѣмъ дойдетъ до этого спора, извести этого Дамиса молніей тамъ, или инымъ какимъ способомъ, чтобы не одержалъ онъ верху въ спорѣ—ты вѣдь говоришь, Зевсъ, что похоже, будто онъ убѣдитъ. Этимъ мы въ то

же время и людямъ покажемъ, какъ наказываемъ мы тѣхъ, кто противъ насъ подымается.

Зевсъ. Шутить ты, Посейдонъ? или въ самомъ дѣлѣ позабылъ, что не въ нашей власти такія дѣла, а что Судьба рѣшаетъ заранѣе, кому быть убитымъ молніей, кому погибнуть отъ меча, кому умереть отъ горячки или чахотки. Если бы отъ меня зависѣло, да неужели же ты думаешь, что я не хватилъ бы молніей, а позволилъ бы еще недавно уйти ворами изъ Писы, когда они стянули у меня двѣ кудри, каждая по шести минъ?! А ты самъ потерпѣлъ бы, чтобы у тебя въ Герестѣ какой то рыбакъ ореецъ унесъ трезубецъ?! Да кромѣ того такъ мы покажемъ, что тревожимся, огорчены всѣмъ этимъ дѣломъ, боимся, дескать, доказательствъ Дамиса, потому его и погубили, не допуская до диспута съ Тимокломъ. И тогда всѣ рѣшатъ, что мы побѣдили случайно.

Пос. А я такъ думалъ бы, что это кратчайшій путь къ побѣдѣ.

Зевсъ. Да совсѣмъ это плохая выдумка, Посейдонъ, совсѣмъ неспособная—погубить врага заранѣе: тогда онъ умеръ не побѣжденнымъ, его доказательства остались неразбиты, не опровергнуты...

Пос. Ну, придумывайте чтонибудь другое, если мое, по вашему, не подходитъ.

Аполлонъ. Если можно говорить намъ, еще молодымъ, безусымъ, можетъ быть, я бы и сказалъ нѣчто не лишнее для рѣшенія вопроса...

Момъ. Вопросъ, Аполлонъ, такъ важенъ, что тутъ ужъ надо говорить не по возрасту, всѣмъ одинаково принадлежитъ теперь право голоса. Вотъ было бы прекрасно, кабы мы, находясь въ крайней опасности, занялись мелочными формаль-

ностями! Ты же имѣешь и всё права говорить: давнымъ давно ужъ ты вышелъ изъ недорослей, по всемъ правиламъ записанъ въ числѣ двѣнадцати, чуть чуть что въ совѣтѣ Кроноса не участвовалъ. Не мальчишествоуй, пожалуйста, говори прямо, что думаешь, не стѣсняясь, что, дескать, не на законномъ основаніи ты ораторствуешь,—это ты-то, у котораго такой почтенный, бородатый сынъ, какъ Асклепій! Наконецъ, теперь особенно прилично тебѣ показать свою мудрость, если ты не даромъ сидишь на Геликонѣ, разсуждая съ Музами.

Апол. Не тебѣ это, Момъ, разрѣшать, а Зевсу. Если онъ велитъ, я скажу нѣчто не пустое, а достойное моей дѣятельности на Геликонѣ.

Зевсъ. Говори сынъ мой, я разрѣшаю.

Апол. Тимоклъ этотъ человѣкъ хорошій и почтенный. Онъ отлично знакомъ съ ученіемъ стоиковъ, читаетъ лекціи по философіи многимъ молодымъ людямъ и получаетъ за это изрядныя денежки. Онъ говоритъ очень убѣдительно, когда говоритъ только съ учениками. Но въ большихъ собраніяхъ онъ ужасно конфузится, и голосъ у него слабъ, и слова онъ путаетъ, такъ что въ собраніяхъ онъ всегда вызываетъ смѣхъ; онъ не можетъ тогда говорить плавно, а волнуется и заикается, особенно, когда старается быть краснорѣчивымъ. Въ частномъ разговорѣ онъ остроуменъ и находчивъ, какъ говорятъ люди, наилучше знакомые со стоическою философіею, но излагая свою мысль и развивая ее, онъ самъ все и запутываетъ, ослабляетъ свои доказательства и не выясняетъ то, что хочетъ доказать: говоритъ словно загадками, уподобленіями и отвѣчаетъ на постав-

ленные вопросы еще далеко не выяснивъ ихъ, такъ что слушатели не убѣждаются имъ, а насмѣхаются надъ нимъ. Я думаю, что надо непремѣнно говорить ясно и особенное вниманіе обращать на то, чтобы слушатели понимали рѣчь...

Момъ. Вотъ это ты отлично сказалъ, Аполлонъ, выхваляя говорящихъ ясно, хотя въ своихъ оракулахъ ты не очень то придержишься этого правила: тамъ ты двусмысленъ и загадоченъ, большею частью говоришь осторожно, и вашимъ и нашимъ, такъ что слушающимъ нужно другую Пиею, для объясненія оракуловъ. Въ настоящемъ то случаѣ ты что-же совѣтуешь? Какое же средство исправить неспособность Тимокла къ ясному изложенію?

Апол. Вотъ, Момъ, если бы мы могли дать ему въ затрудненіи какого нибудь совѣтника, который бы хорошенько излагалъ то, что этотъ придумаетъ въ возраженіе...

Момъ. Вотъ разсуждаетъ то совѣтъ какъ мальчишка! Дядьку ему какого то нужно?! На диспутъ философъ посылать какого то совѣтника, который будетъ разжевывать слушателямъ то, что Тимоклъ будетъ молоть!! Дамисъ будетъ говорить самолично, а нашъ долженъ будетъ своему подставному на ухо шептать, что надо, а этотъ будетъ ораторствовать, а что услышитъ отъ противника, самъ къ тому будетъ бузучастнымъ! Не потѣха ли это всемъ выйдетъ?! А мы вотъ что посмотримъ: ты, умникъ нашъ, ты вѣдь говоришь, что ты прорицатель и денегъ за это получаешь немало,—тебѣ когда то золото кусками приносили; что бы тебѣ явить намъ въ эту нужную минуту свое искусство! Предскажи, кто побѣдитъ! Ты вѣдь, какъ прорицатель, конечно, знаешь результатъ.

Апол. Какъ же это сдѣлать, Момъ! Здѣсь нѣтъ ни треножника, ни оиміама, ни пророческаго источника Кастальскаго...

Момъ. Вишь! Чуть его прижмутъ, онъ и увертывается!

Зевсъ. А ты всетаки предскажи, сынъ мой, чтобы не давать этому каверзнику клеветать на тебя и издѣваться, будто все твое искусство зависитъ отъ треножника, источника, куреній, а какъ только этого нѣтъ, такъ и все искусство твое тю-тю...

Апол. Лучше бы, батюшка, сдѣлать это въ Дельфахъ, или въ Колофонѣ, гдѣ все, что нужно, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, попробую предсказать, чья возьметъ, и такъ, безъ всего, безъ приготовленій, извините только, если стихи будутъ не очень хороши.

Момъ. Ничего, говори только, Аполлонъ, ясно, а не разводи такъ, что нужно еще толкованій. Теперь, вѣдь, не кусочекъ баранины получать тебѣ или не черепашку, какъ въ Лидіи, самъ знаешь, какое дѣло!

Зевсъ. Ну, что же, говори, сынокъ! А какъ все это страшно предъ прорицаніемъ! Лицо блѣдное, взглядъ блуждаетъ, волосы дыбомъ, какія то судороги, все такъ вдохновенно, страшно, мистично...

Апол. Дивный внимлите оракулъ вѣщателя Феба, Чѣмъ разрѣшится ужаснѣйшій споръ межъ мужами Громкоголосыми, съ множествомъ словъ изощренныхъ!

Сѣмо-овамо мнѣ слышится шумъ ужасающій,
Будто какъ буря громовая по лѣсу мчится...
Только сверчка изловилъ орелъ острокоготый,
Громко вороны закаркали, дождь навлекая...
Муль побѣдилъ, осель своихъ чадъ созываетъ!

Зевсѣ. Что ты тамъ прыскаешь со смѣху, Момъ!! Ничего тутъ смѣшного нѣтъ! Перестань, чертъ тебя дери! Лопается со смѣху!

Момъ. Да какъ не смѣяться при такомъ ясномъ и понятномъ прорицаніи!

Зевсѣ. Ну такъ ты намъ и разъясни, что это и что онъ сказалъ.

Момъ. Очень, очень ясно, такъ что мы обойдемся безъ Ѳеμισтокла! Прорицаніе говоритъ совершенно прямо, что онъ шарлатанъ, а мы, попросту, совершенные ослы и вороны, если ему вѣримъ, а мозги у насъ воробьиные...

Гераклѣ. А я, батюшка, хоть и пришлецъ здѣсь, позволю себѣ все таки сказать, что надо, просто, какъ только они сойдутся и заспорятъ, пока Тимоклѣ будетъ одерживать верхъ, оставить идти этому спору, а чуть что иначе, я тряхну ихъ портикъ и задавлю Дамиса, чтобы онъ, проклятый, насъ не ругалъ..

Зевсѣ. Ахъ, Гераклѣ, Гераклѣ! Дико ты судишь и какъ сущій неотесъ! Столько народу погубить изъ за одного пакостника да еще и этотъ портикъ, память Мараѳона, Мильтіада, Кинегира! Да кромѣ того, если падетъ этотъ портикъ, какъ ораторы будутъ витійствовать, лишившись самаго необходимаго для произнесенія своихъ рѣчей. Наконецъ, пока ты живъ на землѣ, чего добраго ты бы и смогъ выкинуть такую штуку. Но съ тѣхъ поръ какъ ты сталъ богомъ, ты вѣдь, я думаю, долженъ бы знать, что только Парки могутъ сдѣлать что-нибудь подобное, а мы безсильны..

Гераклѣ. Такъ когда я убивалъ льва и гидру, это Парки за меня дѣлали?

Зевсѣ. Конечно.

Гер. И теперь, если кто станетъ меня ругать, или ограбить мой храмъ, или разобьетъ мою статую, если Паркамъ не будетъ угодно, мнѣ съ тѣмъ ничего не подѣлать?

Зевсъ. Ничего.

Гер. Ну, такъ позволь тебѣ сказать откровенно. Я, какъ говорится въ комедіи, человѣкъ простой, я подку подкой и называю... Если таково наше положеніе, такъ Богъ съ вами, съ вашими почестями, поклоненіями, съ кровью жертвенныхъ животныхъ! Я ухожу въ адъ, тамъ меня, безо всего, съ однимъ моимъ лукомъ будутъ бояться хоть души убитыхъ мною чудовищ...

Зевсъ. Ну и прекрасно, и проваливай! И сору изъ избы выноситься не будетъ! Ты словно Дамисовы рѣчи говоришь... Но кто это тамъ такъ бѣжитъ: бронзовый, отлично сдѣланный, изящный, съ высоко подвязанными волосами?.. Ахъ, да это ты, Гермесъ, съ площади отъ Портика! Весь онъ въ гипсѣ, вѣчно его копируютъ! Что это ты, братецъ, такъ бѣжишь? Какія новости съ земли?

*

Статуя Гермеса. Очень важныя, требующія немедленныхъ мѣръ..

Зевсъ. Ну, говори, что такое тамъ еще...

Статуя Гермеса. Въ отличномъ панцырѣ, работы дивной,

На мѣдное копье опершися,
Я, какъ живой, изъ мѣди вылитый,
Стою себѣ давно на площади.
Вдругъ вижу я: валитъ толпа,
Въ ней два, отъ крика хриплые,
Ожесточенно спорятся.
Одинъ Дамисъ...

Зевсъ. Пожалуйста безъ стиховъ, милѣйшій. Я знаю, про что ты говоришь... Что же? Давно ужъ у нихъ начался споръ?

Статуя Гермеса. Нѣтъ. У нихъ пока еще перестрѣлка, они еще задираютъ другъ друга, перекидываясь ругательствами.

Зевсъ. Ну, такъ чего же намъ, боги, лучше? Послушаемъ ихъ тайкомъ! Ну-ка пусть Часы отодвинутъ запоры, разгонятъ облака и откроютъ двери неба... Святители! Сколько ихъ набралось послушать! Тимоклъ то нашъ что то не очень мнѣ нравится: робѣетъ, смущается... Не устоятъ ему противъ Дамиса, сгубитъ онъ все сегодня! Сколько будетъ можно, помолимся за него сами себѣ втихомолку, чтобы Дамисъ не замѣтилъ...

*

Тимоклъ. Такъ какъ же ты говоришь, безбожникъ Дамисъ: боговъ нѣтъ и они не промышляютъ о людяхъ.

Дамисъ. Нѣтъ, сначала скажи ты, изъ чего ты узналъ, что они есть.

Тим. Нѣтъ, нѣтъ, сначала ты, проклятый, отвѣтъ!

Дам. Нѣтъ, нѣтъ! Ты!

Зевсъ. Пока нашъ говорить лучше и громче. Такъ его, такъ его, Тимоклъ! Осыпай его ругательствами! Въ этомъ твоя сила; и во всемъ остальномъ ты покажешься сильнымъ, коли зажмешь ему ротъ.

Тим. Клянусь Аѳиной, первымъ я не буду доказывать!

Дам. Ну, такъ спрашивай, Тимоклъ. Твоя взяла въ этомъ. Согласенъ. Только, пожалуйста, безъ руготни.

Тим. Ну, ладно. Скажи ты мнѣ, несчастный: ты думаешь, что боги не промышляютъ?

Дам. Ничуть.

Тим. Какъ же? Обо всемъ никто не печется?

Дам. Разумѣется.

Тим. И никакой богъ не заботится объ общей гармоніи?

Дам. Не заботится.

Тим. И все совершается такъ-себѣ, бессмысленною силой?

Дам. Да.

Тим. Ужели же вы, господа, слыша это, терпите и не побьете камнями этого разбойника?!

Дам. Зачѣмъ ты, Тимоклъ, возбуждаешь противъ меня другихъ? Да и кто ты, что стараешься за боговъ? Они, вѣдь, вотъ не сердятся и ничего не сдѣлали мнѣ, слыша все это, если только они слышать.

Тим. Слышать, Дамись, слышать, и когданибудь послѣ зададутъ тебѣ!

Дам. Да гдѣ имъ время то на меня выбрать, когда у нихъ столько заботъ, какъ ты говоришь, когда они устраиваютъ все безконечное множество дѣлъ въ этомъ мірѣ. А такъ какъ они никогда не наказывали ни тебя, ни другихъ за клятвопреступленія, то нечего и бранить меня, противъ уговора. А я ужъ и не знаю, какое бы лучшее доказательство своего промысла могли они дать, какъ если бы они погубили позорной смертью такого негодяя, какъ ты. Но, очевидно, они просто забились себѣ за Океанъ, вѣроятно, къ „непорочнымъ“ ээіопамъ—вѣдь они любятъ ходить туда на пиры иногда и безъ зову!

Тим. Ну что сказать на такую безстыдную рѣчь!!

Дам. Вотъ именно то, Тимоклъ, что я давно желаю отъ тебя услышать: какъ ты пришелъ къ убѣжденію, что боги промышляютъ надъ міромъ.

Тим. Прежде всего меня убѣдилъ въ этомъ порядокъ всего существующаго. Солнце всегда идетъ тѣмъ же путемъ, такъ же и луна; часы смѣняются, растенія растутъ, животныя рождаются; все это такъ прекрасно устроено, что питается, движется, мыслить, ходить, строится, одѣвается; все это и другое многое, по твоему, не есть дѣло промысла?!

Дам. Ты допускаешь *petitio principii*. Ни изъ чего я не вижу, что это дѣйствіе промысла, а что все это такъ, это сказали бы и я самъ, но нѣтъ необходимости сейчасъ же признавать, что это совершается по какому-то предуставленному порядку. Возможно, что когда-то было иначе, а теперь такъ, и устроилось мало по малу. А ты этотъ-то порядокъ и называешь необходимостью. И ясно, что ты окажешься въ затрудненіи, какъ только кто нибудь не послѣдуетъ за тобой въ признаніи, что все существующее, каково бы оно ни было, цѣлесообразно и превосходно, и въ твоёмъ заключеніи, что это есть доказательство, что все устроено нѣкимъ промышленіемъ. Такъ что это, какъ говорится въ комедіи, „слабо“, и ты представь другое доказательство.

Тим. А я думаю, что не нужно другихъ доказательствъ, но я ихъ сейчасъ, всетаки, приведу. Скажи мнѣ: ты согласенъ, что Гомеръ—великій поэтъ?

Дам. Конечно.

Тим. Ну, такъ я убѣжденъ имъ: онъ мнѣ раскрываетъ промыслъ боговъ!

Дам. О, другъ любезный, что Гомеръ великій поэтъ, въ этомъ всѣ съ тобою согласятся, но что онъ или какой-либо другой поэтъ раскрываетъ истину въ такого рода вопросахъ, въ этомъ никто не согласится. Вѣдь неоспоримо, что поэты не объ истинѣ заботятся, а о томъ, чтобъ увлечь слушателя; для этого они пишутъ стихами, повторяютъ мнѣя и вообще особенно заботятся о пріятномъ. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ послушалъ бы, чѣмъ это ты убѣдился у Гомера? Не рассказомъ ли его о Зевсѣ, какъ дочь, братъ и жена задумали его связать, такъ что если бы Ѳетида, встревоженная происходящимъ, не призвала Бриарея, сидѣть бы нашему милѣйшему Зевсу въ холодной? А въ отплату за это онъ изъ признательности къ Ѳетидѣ обманулъ Агамемнона ложнымъ сномъ, изъ за чего погибло множество ахейцевъ? Ну, что? Развѣ не могъ онъ хватить молніей и сжечь Агамемнона, а не оказываться самому плутомъ?! Или тебя особенно заставило вѣрить, когда ты услышалъ, какъ Діомедъ ранилъ Афродиту, а потомъ, по приказу Аѣины, и самого Арея, и какъ почти тотчасъ же бросились въ рукопашную и сами боги, тутъ и боги-мужчины и боги-женщины, и Аѣина одолѣла Арея, вѣроятно, ослабѣвшаго отъ раны, которую онъ получилъ отъ Діомеда, „а противъ Латоны стоялъ благодѣтельный Гермесъ крылатый“? Или тебя убѣдилъ рассказъ объ Артемидѣ, какъ она, оскорбленная и взбѣшенная, что Оиней не позвалъ ее въ гости, за это напустила на его землю какую-то сверхъестественную и необыкновенной силы свинью? Такъ вотъ, рассказывая подобныя вещи, тебя и убѣдилъ Гомеръ?!

Зевсѣ. Ай-ай, какъ всѣ вскричали, одобряя Дамиса! А нашъ-то, кажется, въ затрудненіи: волнуется онъ, жметъ; похоже, что запросить онъ пардону; онъ ужъ высматриваетъ, какъ бы незамѣтно улепетнуть...

Тим. Такъ, по твоему, и Еврипидъ не говорить здраво, когда выводитъ на сцену самихъ боговъ и показываетъ, какъ они спасаютъ благородныхъ героевъ и низвергаютъ негодяевъ и нечестивцевъ?!

Дам. Ахъ, Тимоклъ, величайшій изъ философовъ! Если трагики, изображая это, убѣдили тебя, то одно изъ двухъ: либо ты долженъ думать, что Полъ, Аристодемъ, Сатиръ—тоже боги, либо понять, что все это лишь маски боговъ да костюмы, долгополые кафтаны, хламиды, рукавицы, поддѣльные животы, подкладки и т. д. и т. д. А когда Еврипидъ, не стѣсняемый требованіями сцены, говоритъ именно то, что онъ думаетъ, то послушай-ка, какъ онъ рассуждаетъ:

Ты зришь надъ собой безпредѣльное небо,

Зришь землю въ границахъ ея водяныхъ?

Зови это Зевсомъ, считай это богомъ.

И еще:

Зевсѣ, кто бы ты ни былъ!—я имя твое только
знаю!

и т. д.

Тим. Итакъ всѣ люди и всѣ народы ошибаются, почитая и прославляя боговъ?

Дам. Я очень радъ, что ты заговорилъ о „мнѣніи“ народовъ, Тимоклъ: именно изъ нихъ всего яснѣе, что рассказы о богахъ не содержатъ ничего основательнаго: великая тутъ путаница и

въ разное почитаютъ: скиѣмъ поклоняются одному мечу, оракійцы—Замолксису, бѣглому рабу, пришедшему къ нимъ, говорятъ, съ Самоса; фригійцы—Мену, эііопы—дню, килленцы—Фалету, ассирійцы—голубю, персы—огню, египтяне—водѣ; вода у нихъ общій предметъ поклоненія, но поклоняются и особо: мемфисцы—быку, пелузійцы—луку, другіе—ибису, крокодилу, третьи—павіану, кошкѣ, мартышкѣ; въ деревняхъ—такъ у однихъ—богъ просто правое плечо, у ихъ сосѣдей—лѣвое, или полголовы, наконецъ, глиняныя кружки и чашки. Что же это такое, а? Не потѣха это, милѣйшій Тимокль?!

Момъ. Не говорилъ я вамъ, боги, что все это выплыветъ наружу и что намъ здорово за это достанется?!

Зевсъ. Говорилъ, Момъ, говорилъ и совершенно справедливо, и я постараюсь все это исправить, лишь бы намъ избавиться отъ настоящей сейчасъ бѣды...

Тим. Но, богопротивникъ ты этакій, а изреченія оракуловъ и предсказанія будущаго—чьимъ же дѣломъ назовешь ты ихъ, какъ не боговъ и ихъ промысла?!

Дам. Помалкивай ужъ, другъ любезный, объ оракулахъ, не то я тебя спрошу, какой это изъ нихъ ты особенно имѣешь въ виду; не тотъ ли, который далъ пивійскій богъ лидійскому царю? Онъ сказалъ въ высшей степени и такъ и этакъ, и былъ двуличенъ, какъ вотъ инныя гермы—двуликія и похожія съ обѣихъ сторонъ, какъ ихъ ни поверни. Чего еще лучше: Крезъ черезъ Галисъ перейдя, разрушить царство—свое или Кира? А не малыми денежками купилъ этотъ двусмысленный отвѣтъ несчастный повелитель Сардъ.

Момъ. Ахъ, боги! онъ того самаго какъ разъ и касается, чего я особенно опасался! Гдѣ же милѣйшій нашъ пѣвецъ? Пускай онъ и отвѣчаетъ, когда до этого дошло.

Зевсъ. Зарѣзаешь ты насъ, Момъ, не во время начиная ругаться...

Тим. Смотри, что ты дѣлаешь Дамисъ, разбойникъ! Только что не разрушаешь своими рѣчами храмовъ боговъ и ихъ алтарей!

Дам. Не противъ всѣхъ я алтарей, Тимоклъ! Да что намъ до нихъ за дѣло, пускай они себѣ завалены еиміамомъ и благовопіями! А вотъ тѣ, которые посвящены Артемидѣ у тавроскиновъ, тѣ охотно бы я перекувырнулъ: тамъ дѣвица эта угощается такими жертвоприношеніями..

Зевсъ. За что на насъ такая напасть! Никого изъ боговъ этотъ господинъ не щадитъ, „а настигаетъ карающій всѣхъ, и виновныхъ и правыхъ“!

Момъ. Не много ты найдешь межъ нами невиноватыхъ то, Зевсъ! А такъ пойдетъ, скоро онъ доберется и до кого-нибудь изъ самыхъ первыхъ!

Тим. Не слышишь ты, какъ Зевсъ гремитъ, Дамисъ богомерзкій?!

Дам. Что громъ гремитъ, какъ этого не слышать, Тимоклъ, а Зевсъ ли это гремитъ, то тебѣ лучше знать, Тимоклъ: ты пришелъ къ намъ изъ общества боговъ. Жители же Крита другое намъ говорятъ и показываютъ какую-то тамъ могилу и памятникъ, которые свидѣлствуютъ, что Зевсъ не можетъ гремѣть, такъ какъ онъ давно уже умеръ.

Момъ. Ахъ, я давно зналъ, что онъ про это заговоритъ! Что это ты, Зевсъ, поблѣднѣлъ и

и зубъ на зубъ у тебя не попадаетъ?! Надо быть смѣлымъ и презирать этихъ людишекъ!

Зевсъ. Презирать!! Какъ это ты говоришь, Момъ!! Не видишь развѣ, сколько народу слушаетъ и какъ они возбуждены противъ насъ; видишь, какъ Дамисъ отводитъ ихъ отъ насъ, наполняя имъ уши такими рѣчами!?

Момъ. Да, вѣдь, Зевсъ, если ты, разсудивши за благо, цѣпь золотую потянешь — поднимешь ты вмѣстѣ и землю и море!..

Тим. Скажи мнѣ, проклятый, ты ѣздишь когда по морю?

Дам. Очень часто, Тимоклъ.

Тим. Ну и двигалъ все вѣтеръ, надувая разные паруса, или гребцы, а правилъ и велъ корабль кто-нибудь одинъ?

Дам. Да.

Тим. И такъ, корабль не плылъ безъ управителя, а ты утверждаешь, что все это идетъ безъ правителя и вождя?!

Зевсъ. Вотъ это ловко сказано, Тимоклъ! Сравненіе твое превосходно!

Дам. Но, любезнѣйшій мой Тимоклъ, вѣдь этого-то кормчаго можно было видѣть, можно было видѣть, какъ онъ постоянно заботился о необходимомъ, все время все приготовлялъ и распорядился матросами, и ничего у корабля не было бесполезнаго, ничего такого, что не было бы необходимо для плаванія. А твой-то правитель, котораго ты поставляешь во главѣ великаго корабля, и его помощники, вѣдь ничего не устраиваютъ хорошенько и какъ слѣдуетъ. Снасти у нихъ перепутаны: что надо къ носу, идетъ къ

кормѣ и наоборотъ, якорѣ у нихъ вдругъ золотые, а рукоятки—свинцовыя; подводная часть—разукрашена, а наружная безо всякой отдѣлки. И изъ матросовъ—кто хуже, лѣнивѣе, трусливѣе, тѣ получаютъ двойную и тройную плату, а кто отлично плаваетъ и ныряетъ, умѣетъ хорошо реи подбирать, знаетъ все, что нужно, тотъ приставленъ только воду отливать. Такъ же и съ пассажирами: сидитъ рядомъ съ кормчимъ и пользуется всякимъ вниманіемъ негодай; въ почтеніи какойнибудь срамникъ, отцеубійца, святотатецъ; они-то и сидятъ выше другихъ, а множество добрыхъ набиты въ трюмъ и попираются тѣми, кто по истинѣ то гораздо хуже ихъ. Припомни-ка, какъ проплыли этотъ путь Сократъ, Аристидъ, Фокіонъ! Да у нихъ не было хлѣба насущнаго, они ногъ не могли вытянуть на голой лавкѣ нижней палубы,—и съ какими удобствами Каллій, Мидій, Сарданапалъ — эти наслаждались чрезмѣрно и плевали на тѣхъ, кто ниже... Вотъ что творится на твоёмъ кораблѣ, мудрейшій Тимоклъ! И потому-то у него тысячи аварій. Если бы какой-нибудь кормчій стоялъ тутъ, смотрѣлъ бы и все бы устраивалъ, то прежде всего онъ зналъ бы, кто изъ ѣдущихъ честный человѣкъ и кто дрянъ, каждому давалъ бы всего по справедливости, лучшимъ давалъ бы и мѣста лучшія, поближе къ себѣ, наверху, а кто похуже—тѣмъ внизу. И въ помощники и въ совѣтники бралъ бы тѣхъ, кто получше. Да и изъ матросовъ—кто человѣкъ усердный и умѣлый, того бы ставили къ борту или вообще надзирать за другими, а медленнаго и нерадиваго и драли бы разъ по пяти на день. Такъ вотъ, другъ любезный, при-

мѣръ твой и не подходить: ты взялъ очень плохого кормчаго!

Момъ. Ну, Дамись, теперь понесъ и побѣдилъ онъ...

Зевсъ. Правда твоя, Момъ: ничего Тимоклъ сильнаго не привелъ, а говорилъ только банальности, ежедневно повторяемые въ спорахъ.

Тим. Ну, если тебѣ и примѣръ съ кораблемъ не убѣдителенъ, такъ слушай: вотъ тебѣ, какъ говорится священный якорь, его ужъ ты никакою хитростью не вырвешь.

Зевсъ. Что же это онъ скажетъ?!

Тим. Ну, слѣди, вѣрно ли я заключаю и возрази, если гдѣ возможно. Если есть алтари боговъ, есть и боги. А алтари есть. Значить, есть и боги. Ну, что противъ этого скажешь?!

Дам. А вотъ нахохочусь.... тогда и отвѣчу!..

Тим. Да ты, кажется, никогда не перестанешь ржать?! Говори, что тебѣ показалось въ моихъ словахъ смѣшного?

Дам. Да ужъ больно тоненькой ниточкой привязалъ ты свой якорь, а еще священный! Ну, ужъ если ты существованіе боговъ доказываешь существованіемъ алтарей и думаешь, что это сильное доказательство... если лучшаго ты не имѣешь, такъ... лучше разойдемся...

Тим. Такъ ты соглашаешься, что уходишь побѣжденнымъ?

Дам. Да, да, Тимоклъ! И когда ты, словно тѣ, кому грозить наказаніе, ищешь убѣжища у алтарей, я хочу—клянусь твоимъ священнымъ якоремъ!—присягнуть у твоихъ же алтарей, что никогда не стану спорить съ тобой о такихъ вещахъ!..

Тим. Да ты издѣваешься надо мной?! Ахъ ты, разбойникъ! Негодай! Мерзавецъ, каналья, сволочь! Развѣ мы не знаемъ твоего отца, твою мать?! Ты брата то удавилъ! Развратничаешь, молодыхъ людей портишь! мерзвѣйшій ты и подлѣйшій человѣчишко! Постой ка, вотъ я тебя тресну, башку твою поганую расшибу вотъ камнемъ!!!

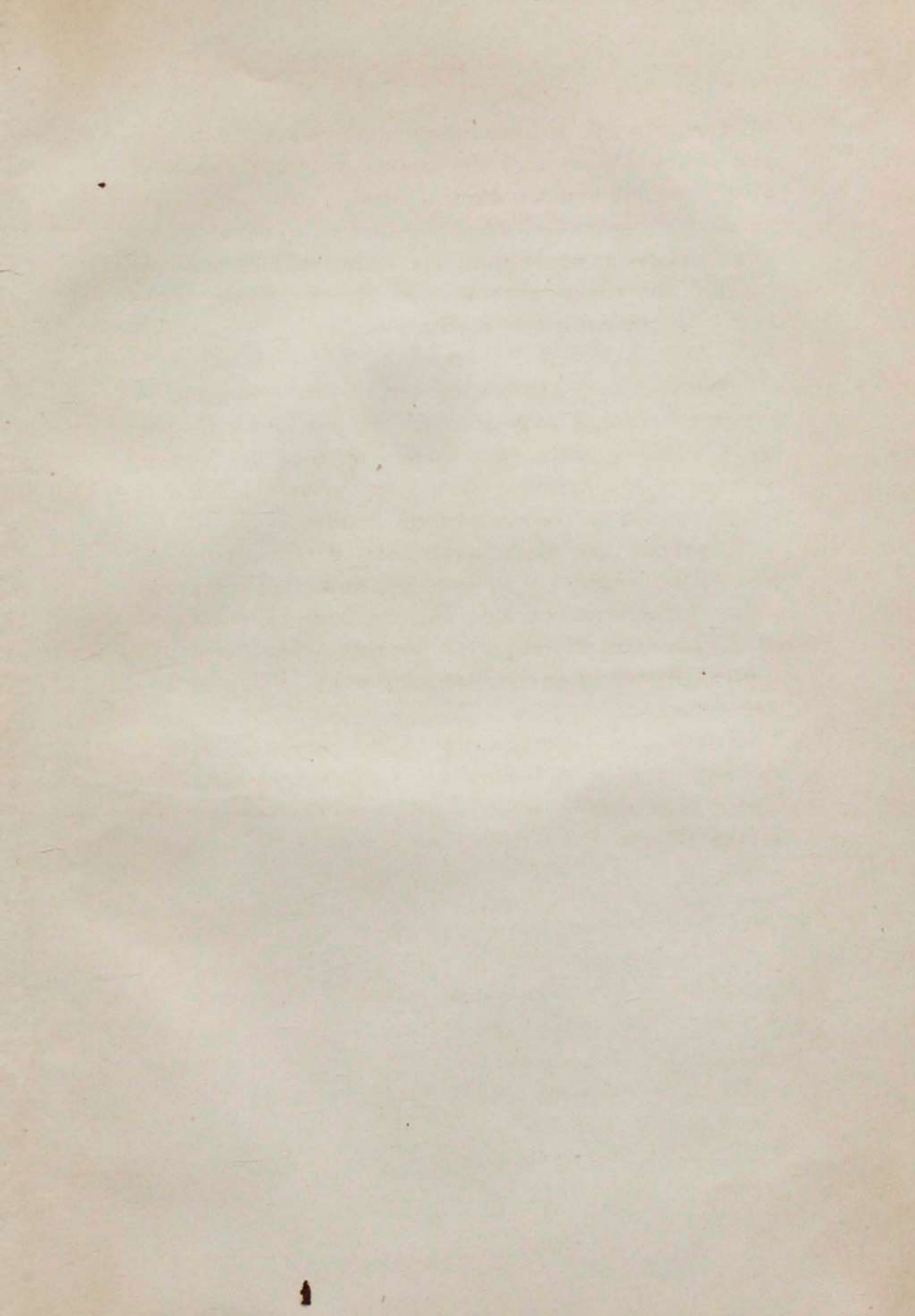
*

Зевсъ. Со смѣхомъ, боги, тотъ уходитъ, а этотъ-то вслѣдъ ругательски его ругаетъ... Не можетъ онъ стерпѣть насмѣшекъ Дамиса и, право, вотъ-вотъ раскроитъ онъ ему голову!.. Ну, а намъ то, боги, что же теперь дѣлать??

Гермесъ. Да вѣдь, какъ говорится: кто на поби не жалуется, тому, значить, не попало. Ну, велика бѣда, что кое кто уйдутъ отсюда убѣжденные Дамисомъ?! Гораздо больше тѣхъ, кто думаетъ иначе, даже и изъ эллиновъ, а варвары—такъ и всѣ.

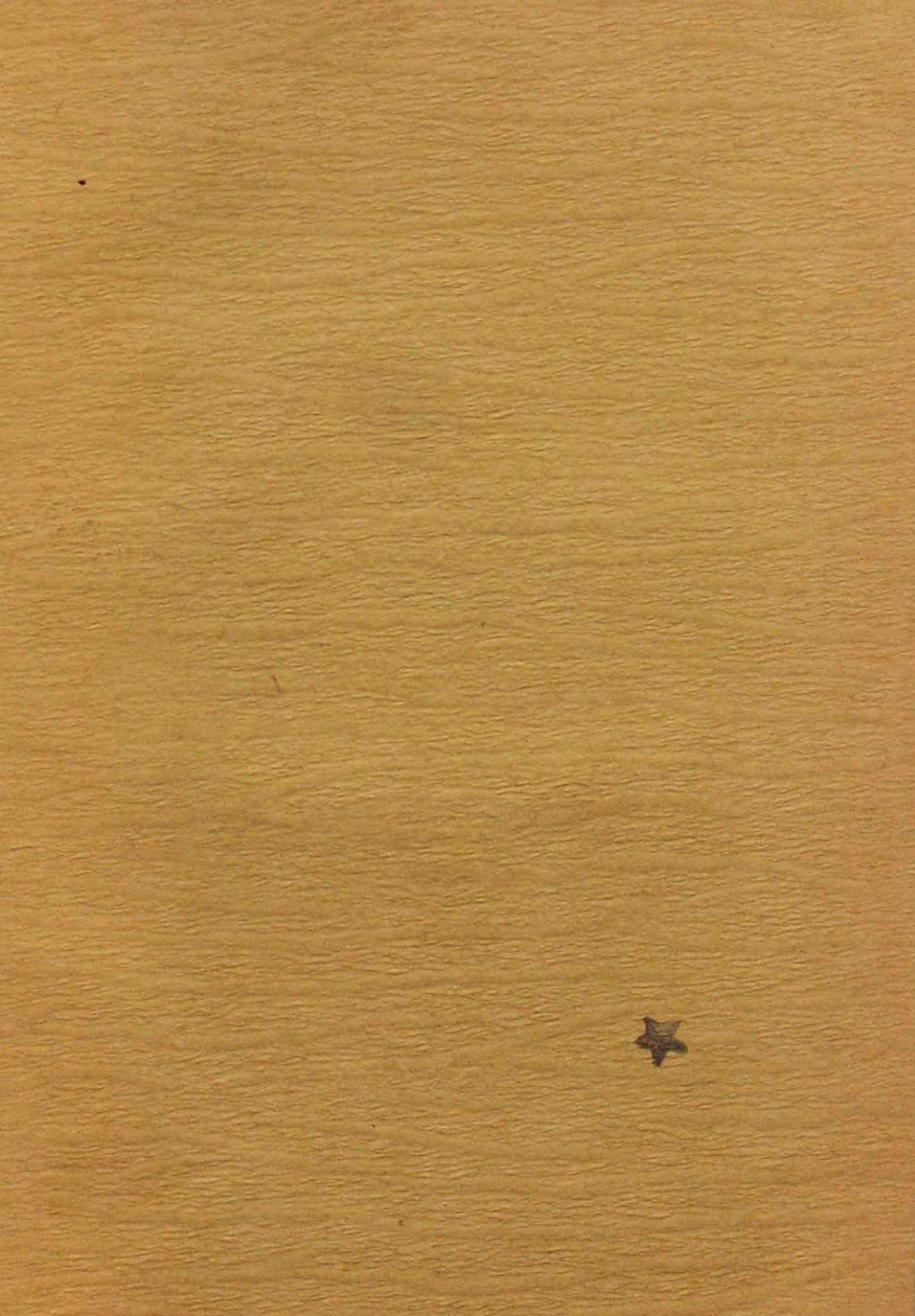
Зевсъ. Да, Гермесъ... а вѣрно сказалъ Дарій о Зофирѣ, и я самъ бы лучше хотѣлъ имѣть одного Дамиса союзникомъ, чѣмъ тысячу вавилонянъ подданными.

4508
II

4967

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Н. Д. Чечулина:

Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ V + 349 + III. С.-Петербургъ. 1889. Цѣна 2 р.

Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. VII + 468 + IV. С.-Петербургъ. 1896. Цѣна 2 р. 50 к.

Русскій соціальный романъ XVIII. в.—Изданіе второе 1 + 69. С.-Петербургъ. 1900. Цѣна 65 к.

Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. II + II + 380. С.-Петербургъ. 1906. Цѣна 2 р. 50 к.

Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Подъ редакціей Н. Д. Чечулина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. II + II + CLIV + 174. С.-Петербургъ. 1907. Цѣна 2 р. 30 к.

Цѣна 1 руб.

2007097491